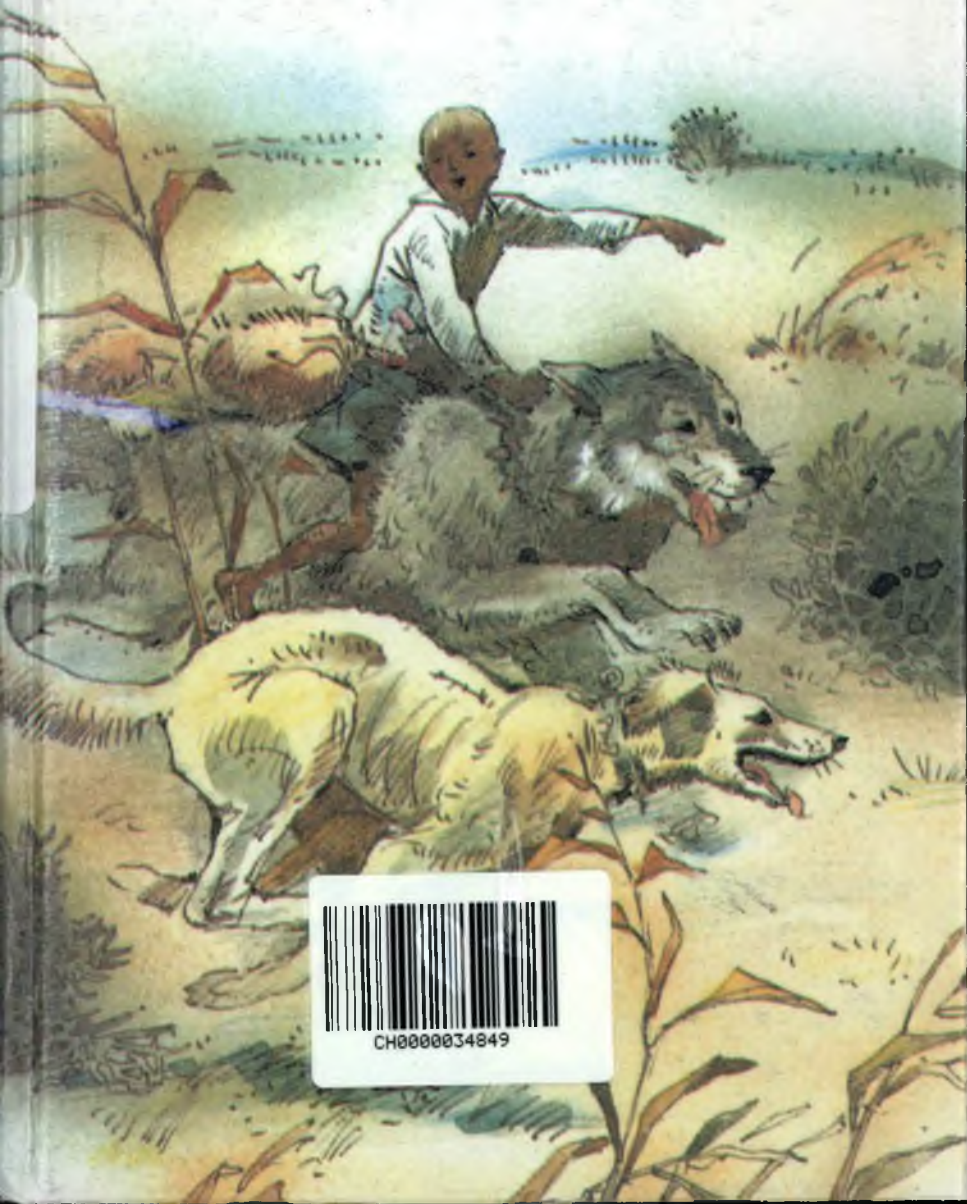

84 (2P)
УД 748

ВЛАДИМИР
МОИСЕЕВ

СЫН ДЖУНГЛЕЙ АМУ

CH0000034849

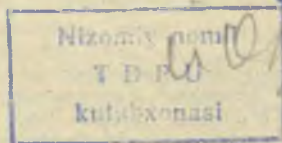
84(2P)
М 748

ВЛАДИМИР МОИСЕЕВ

СЫН ДЖУНГЛЕЙ АМУ

Историко-приключенческий роман

ТОМ 1

ТАШКЕНТ
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ
АКЦИОНЕРНОЙ КОМПАНИИ «ШАРК»
2001

Фотоиллюстрации
выполнены автором

Оформление обложки и форзацев

Жирнов Г. Г.

Моисеев Владимир

Сын джунглей Аму: Историко-приключенческий роман
/Оформ. обл.: Г. Г. Жирнов. — Т.: «Шарк», 2001. —
Т. I. — 288 с.

Автор историко-приключенческого романа «Сын джунглей Аму» В. А. Моисеев — журналист, писатель-натуралист, издавший более 20 книг и альбомов о природе Средней Азии. Книга предназначена для массового читателя и не претендует на глубокий научный анализ. Здесь дается попытка увидеть человека-инвалида в становлении и развитии его индивидуальности в условиях природной среды, вылепившей из него уникальную личность. Остросюжетное повествование, имеющее четкую реальную подоплеку, с первой до последней страницы романа властно держит внимание читателя.

P2

ОТ АВТОРА

Герой романа Рамазан Аралов в детстве лишился возможности ходить и потерял родителей. Физический недостаток и угнетавшее на первых порах сиротство не сломили его жизнестойкость, унаследованную от родителей. Наслушавшись от своего дедушки Алимбая рассказов о кочевой жизни казахов-скотоводов, о сказочных зверях и птицах, обитающих за Синим (Аральским) морем, четырнадцатилетний инвалид вместе со своими четвероногими друзьями отправляется дорогой предков туда, где даль сливалась с его мечтой.

Вся жизнь Рамазана, которую он начал с охоты на диких животных с помощью зверовых собак, став впоследствии их рыным защитником, полна удивительных приключений. Смелость и уверенность в себе, практическая сметка и умение приспосабливаться к жестоким условиям, в которые его ставит жизнь, помогают юному путешественнику противостоять силам дикой природы, проникнуть в ее тайны, изучить психологию животных, научиться общению с ними, а приручив, заставить их служить себе. Благодаря сильной воле и неутомимому труду, юноше-инвалиду удастся побороть недуг, научиться заново ходить и не только мечтать о дальних путешествиях, но и совершать их.

В романе нет надуманности, так как Рамазана как естествоиспытателя-самоучку автор знал и при встречах с ним на жизненных перекрестках заслушивался его рассказами о необыкновенных событиях. Да и сам путь, проделанный инвалидом-путешественником на руках, волко-псе, верблюде-бактриане и на устьюртском баране-аркале от Оренбурга до устья Амударьи по диким степям и пустыням, не раз был исхожен автором с ружьем, а позже с фоторужьем в длительных путешествиях, где ему много удалось увидеть, пережить, прочувствовать, а главное — повториться в герое, что дало возможность смело взяться за написание романа.

Художественное повествование, проникнутое духом документализма, дополненное снимками диких животных, рассказывает о жизни зверей, птиц, змей и растений и, надеюсь, доставит читателям радость постижения красоты и наслаждения природой родного края.

Борьба Рамазана за место в жизни, призыв к активному действию вселяют уверенность в том, что каждый может сделать свою судьбу собственными руками. Искренне надеюсь, что, прочитав роман, многие инвалиды, расставшись с бессмысленной и пассивной жизнью, заполненной лишь праздным сидением у экрана телевизора или повседневным попрошайничеством, унижающим достоинство человека, сумеют мобилизовать в себе безграничные внутренние ресурсы. Наравне со всеми они сумеют создавать материальные и духовные ценности не только для себя, но и для общества. Надо только захотеть этого и самому добиться неутомимым трудом того, что считалось недостижимым, чтобы заявить о себе. Жизнь и борьба Рамазана Аралова за достойное место в обществе — наглядный пример воплощения этой веры в реальность.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ПЛЕНУ БЕД И СОМНЕНИЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В Оренбурге. Меновой двор. В грозу. Поиски дяди Асана. Премудрый заяц-русак. Раздумья у охотничьего костра

Ранним августовским утром 1942 года у южных ворот Зеленого рынка жители Оренбурга наблюдали весьма странную картину. У левого крыла ограды, в кругу двух борзых-тазы¹ и великана волко-пса², на лисьей шкуре сидел босой мальчик-казах лет двенадцати. Его тонкие ножки без малейших признаков жизни лежали безвольно, словно высохшие от свирепого зноя арбузные плети. Со спокойным, невинным выражением лица он смотрел на белокаменный город, пытливо всматривался в лица прохожих, броса-

вших на него недоуменные взгляды. Более любопытные пытались подойти к мальчику, разглядеть его, а при случае — заговорить, но грозное рычание волко-пса всякий раз заставляло их отказаться от затеи и спешно ретироваться под защиту собравшихся в стороне зевак.

¹ Борзые тазы — охотничьи собаки по зверю.

² Волко-пес — в данном случае помесь волка с казахским волкодавом; по повадкам во многом напоминает собаку, а поэтому меньше боится человека, оставаясь по-волчьи осторожным.

Приземистую, будто собранную в стальную пружину фигурку мальчика с начисто обритой головой покрывала свежая полотняная рубашка, заправленная в короткие штанишки, которые были перехвачены широким пояском из конского волоса. Ладони его узловатых рук с огрубевшей кожей были покрыты следами от глубоких ран. В глаза бросался самодельный охотничий нож в брезентовом чехле, привязанный к пояску спереди и висевший по правую руку меховой мешочек, набитый чем-то под самый огузок.

Солнце давно перевалило через крыши домов, заметно накалило воздух, прогрело остывшую за ночь землю, от чего собаки, свесив на сторону длинные языки, прерывисто дышали. Все чаще они поглядывали на противоположную сторону улицы, где у неисправной водоразборной колонки образовалась большая лужа.

Видимо, поняв причину беспокойства своих четвероногих друзей или же сам соблазнившись холодной струйкой воды, мальчик взял ноги-плети и одну за другой положил их на плечи, перехлестнув ступни на шее. Опершись ладонями о землю, легко подкинул кверху послушное тело, свистнул свору и, к немалому удивлению прохожих, словно пришелец с неведомой планеты, быстро и уверенно пошел на руках через дорогу. За ним покорно поднялись собаки. Широко печатая шаг, за мальчиком неотступно шел громадный волко-пес по кличке Тарлан, в любую секунду готовый прийти на помощь своему повелителю. Необычное шествие замыкали легкие на быстрый бег, поджарые рыже-песочной масти тазы — Актыс и Актарнак¹.

Обойдя стороной лужу, мальчик подошел к колонке и, опустившись на влажную землю, поставил под тонкую струйку воды собранные в пригоршню ладони. Набрав воды, он утолил жажду, освежил лицо и, не задерживаясь, тем же путем пошел на свое место. На полдороге мальчик неожиданно остановился, поднес левую руку ко рту и, удерживая тело на правой, зубами вынул из ладони осколок стекла. Опустившись на землю, взял щепотку песка и, присыпав кровоточащую рану, отрывистым свистом подозвал к себе собак. Свора, оторвавшись от воды, вмиг очутилась рядом с ним. Мальчик лишь коснулся рукой спины полузверя, как тот покорно лег, поджав под себя массивные лапы. Вцепившись мускулистыми руками

¹ Актыс — Белая грудь; Актарнак — Белая нога.

в загривок волко-пса, он одним рывком бросил легкое тело на его широкую спину и, цепко ухватившись левой рукой за ошейник, в сопровождении борзых поехал на свое место. С щенячьего возраста приученный к тяжелой ноше, волко-пес покорно вез мальчика.

— Хите-ер! Свои ноги не ходят, так он к собачьим приспособился... Кудесник, одним словом!.. — слышались удивленные возгласы из толпы горожан.

— Похоже, бездомный, нищий! — низким голосом прошамкала сердобольная старушка, роясь на дне потерянной сумки.

— Хэ-э, нищий! По нынешним временам не то что нищему, — хорошему охотнику не под силу прокормить свору собак в городе. Он же кормит, да и сам, видать, возле них охотой пробавляется, — с жаром произнес человек из толпы, заправляя за пояс пустой рукав выцветшей гимнастерки со сверкающими на груди орденами Славы трех степеней.

— Вот, болезный мой, тебе кренделек. Пожуй, замори червячка. Небось, давно не ел? — обратилась к нему старушка, протягивая ржаной крендель.

От такого внимания его подвижные карие с узким разрезом глаза широко раскрылись. На скуластом, сильно загоревшем озорном лице появилась улыбка радости. Взяв предложенный ему гостинец, мальчик поблагодарил

старушку и, слегка надкусив крендель, вдруг словно спохватился. Отвязав от пояса непромокаемый мешочек, сшитый из цельных корсажных шкурок, дернул за конец бечевки и, запустив руку в походную кладовую, достал румяную, испеченную на костре, тушку небольшой птицы.

— Это вам, бабушка, куропатка! Кушайте на здоровье! Вчера в чилижнике в силок попалась, — на чистом русском языке произнес мальчик.

Старушка, оторопев, попятилась было назад, но, подбадриваемая одобрительными возгласами собравшихся, осмелела. Взяв тушку, она понюхала ее и, зажмурившись от удовольствия, вкрадчиво произнесла, покачивая головой:

— Ох и вкусно пахнет! Спасибо тебе, охотничек, угостил бабу!

Среди незнакомых людей мальчик держался непринужденно, как-то уверенно, спокойно, подчеркивая тем самым, что его ничуть не тяготит физический недостаток, что он такой же, как и все.

— Скажи нам, славный мальчик, как тебя зовут и откуда ты пришел, — опершись на суковатую палку, спросил его по-казахски аксакал¹.

— Мама хотела назвать меня Димой в честь своего отца Дмитрия, но папа убедил ее в том, что я больше похож на него — казаха, чем на русского, и дал мне имя Рамазан², — с подчеркнутой гордостью ответил мальчик и, низко опустив голову, тихо закончил: — Родителей у меня нет, погибли. Отец в начале войны под Смоленском, а мама в прошлую зиму замерзла в степи.

Уставившись немигающим взором в пустоту, Рамазан долго сидел без движения и молчал. Глядя на него, в скорбном молчании стояли горожане. Не только к нему, но и к каждому из них также пришла в дом беда, наполнив сердца болью невосполнимых утрат. Война безжалостно раскидала по свету родных, близких, многих поклечила. И уже никогда не вернутся те, что остались лежать на бескрайних полях сражений... Прервав гнетущее молчание, первым заговорил Рамазан:

— В городе я не один! Мы с дядей Асаном приехали из аула Кара-Булак³, что раскинулся на левом берегу Иле-

¹ Аксакал — седобородый старец (казах.).

² Рамазан — священный праздник мусульман.

³ Кара-Булак — Черный родник (казах.).

ка! — махнув в направлении полуденного солнца, сказал мальчик.

— Прости, дитя, старого человека, что обращаюсь с таким вопросом. Почему твои ноги так слабы и не могут бегать быстрее резвого джейрана? — не унимался аксакал, поглаживая жидкую бородку.

Рамазан, больше всего боявшийся этого вопроса, вздрогнул и, пристально посмотрев в глаза-щелки почтенного старца, безмолвно спросил: «Зачем так больно жалите прямо в сердце?» — и, отведя взгляд в сторону, надолго замолчал.

Из распахнутых ворот рынка, громыхая на ухабах, показала себя неказистая телега на деревянном ходу, которую ленивой трусцой тащил гнедой мерин.

— Эй, эй, расступись! — кричал молодой возница-казах, сидя на краю розвальней с лихо заломленным киис¹ с кисточкой. Проехав сквозь живой коридор из собравшихся по случаю воскресного дня, он соскочил с телеги и, припадая на левую короткую ногу, направился к Рамазану. Собаки, повскакав со своих мест и приветливо помахивая хвостами, заспешили под телегу, в спасительную тень. Встретив недоуменные взгляды горожан, подъехавший Асан с тревогой в голосе спросил мальчика:

— Что здесь произошло? Тебя обидели?

— Нет, дядя Асан! Они просят вспомнить тот случай, когда я упал с дерева, — оживился мальчик при виде родственника.

— А ты не стыдись, наберись смелости да расскажи им все по порядку. Пусть твои сверстники знают, к чему приводит разорение птичьих гнезд. Вон их сколько набежало сюда: у кого рогатка, а у кого и поджигал из кармана выглядывает. Небось, воробьям да галкам покоя не дают — стреляют! — пытался подбодрить племянника Асан.

Рамазан не спешил рассказывать о себе. Скатал лисью шкуру, привязал ее к пояску и, отказавшись от помощи волко-пса, пошел на руках к телеге. Ухватившись за край грядок, он хорошо отработанным рывком в один миг очутился на возке. Расположившись на сене, которым были укрыты сахарные арбузы, привезенные по пути из Соль-Илецка в Оренбург одной подрядившейся солдатке для продажи, и получив от дяди большое румяное ябло-

¹ Киис — колпак, казахская шляпа.

ко, мальчик заметно повеселел. Обведя взглядом сгоравших от любопытства зевак, не без помощи дяди, он поведал им о случившемся с ним три года назад несчастье.

Рамазану шел девятый год, когда он собирался поступить в Тамаруткульскую неполную среднюю школу, в которой его родители учительствовали после окончания Бузулукского педучилища. Мать, Антонина Дмитриевна Сухова, коренная бузулукчанка, учила детей русскому языку. Отец, Булат Алимбаевич Аралов, преподавал математику. С ранних лет они привили сыну любовь к чтению. К шести годам Рамазан научился бегло читать книжки на казахском и русском языках, все больше и больше увлекаясь рассказами о жизни диких животных, путешественниках, открывающих в неведомых краях новое, необычное.

В тот роковой для него день отец привез сына погостить к младшему брату Асану в аул Кара-Булак, носивший в годы кочевой жизни казахов-скотоводов название зимовья Кос-Мечеть¹. Здесь, на стыке двух оврагов Бай-Джансай и Ай-Джансай², росла одинокая ветла. Собрав аульных собак, с которыми давно сдружился, Рамазан ушел с ними под дерево, в тень, почитать полюбившуюся ему книжку «Маугли». С трудом усадив на траву непослушных четвероногих друзей, сам присел на дряхлый пенек.

Стараясь быть похожим на отца-учителя, Рамазан принялся громко читать, бросая короткий взгляд на навостривших уши собак. Вскоре заметил, что самый послушный и сообразительный «ученик» Каскыр³, отец волка-пса Тарлана, задрав морду кверху, пристально всматривается в густую крону раскидистой ветлы.

Посмотрев туда, Рамазан увидел на ветке у ствола небольшое гнездо, а в нем — затаившегося голубя-клинтуха. Отложив книжку, на глазах друзей, внимательно следивших за его движениями, полез по ветвям к вершине дерева. Голубка, почувствовав надвигающуюся беду,

¹ Кос-Мечеть — Двойная мечеть.

² Бай-Джансай и Ай-Джансай — имена юноши и девушки, крепко полюбивших друг друга. В местной легенде рассказывается: когда отец девушки, богатый и знатный бай, отказал бедному юноше-пастуху в помолвке с дочерью, Бай-Джан умыкнул Ай-Джан ночью. С вечера шел теплый весенний дождь, от чего быстро начал таять снег, сильно вспучивший водой овраги. Влюбленные с трудом пересекли один сай, спустились во второй, и тут мощным напором воды сбило с ног коня, и они, упав в бурный поток, утонули.

³ Каскыр — Волк.

забеспокоилась и, не решаясь покинуть насиженные яйца, беспомощно закрутила головой. Быстро добравшись до гнезда и спугнув сидевшую до последней минуты доверчивую птицу, Рамазан заглянул в него. Там, на тонких корешках-прутиках, без всякой подстилки, лежали, подернутые признаками пробуждающейся жизни, два яйца. Только Рамазан запустил руку в гнездо, чтобы ради любопытства забрать кладку, как под ним обломился сук. Не успел он ухватиться за ветку, как, скользя вниз, угодил спиной на старый пенёк, а головой ударился о ствол дерева.

— Там я его и нашел поздним вечером, Каскыр привел, — добавил Асан и, подумав, заключил: — Не трогал бы Рамазан гнездо, не случилось бы с ним беды.

При падении Рамазан сломал позвоночник в области поясницы. В итоге — атрофия ягодичных мышц и паралич обеих ног. Так на пороге школы судьба уготовила ему первое и далеко не последнее испытание.

— Мой совет вам, почтенный Асан, определите племянника в детский дом для инвалидов. Там он будет сыт, ухожен, да и грамоте научат, ремеслу. Кто знает, может быть, как и родители, станет учителем, — тряхнув жиденькой бородашкой, подчеркнул аксакал.

— Учителем?! — подхватил в недоумении Рамазан и, не сдержавшись, заразительно рассмеялся. — Как я пойду на первый урок, — давился он от смеха, — вверх ногами?! Да при моем появлении ученики надорвут животы от смеха!

Однако глядя на него, люди не могли не заметить, как в бесхитростных глазах мальчика на короткий миг вспыхнули угольки радости и тут же погасли.

— Да и сапожником я никогда не стану. Зачем «прибавать» себя заживо гвоздями к стулу и быть всегда на людях, чтобы они жалели тебя, а уходя, уносили с собой горький осадок на сердце?! Я буду жить и работать там, где меня постоянно окружают бессловесные друзья: послушные собаки, быстроногие звери, вольные птицы и мирно пасущееся в ковыльной степи стадо баранов.

Послушав не по годам разумного Рамазана, Асан ответил старику:

— За тем я и вез племянника в Оренбург, соблазнив его посмотреть большой город в степи. В пути много думал и только сейчас понял, какую ошибку чуть было не совершил, послушавшись сварливой жены.

Асан снял киис, вытер рукавом проступивший на лбу пот, прокашлялся и с нескрываемой болью продолжал:

— Беда у нас в доме. Жена Анар невзлюбила племянника и всем при случае говорит, что Рамазан приносит одни несчастья... Отец мальчика добровольцем ушел на фронт. Погиб он в первый же год войны. А тут как-то зимой племянник не вернулся вечером домой с охоты. Ночью мать оседлала лошадь и отправилась на поиски сына. Когда она проезжала краем черноольшаника, из леса выбежала стая волков. Испугавшись, лошадь рванула в сторону, и мать, выброшенная из седла, упала на мерзлую землю и сломала себе ногу в бедре. В ту морозную и вьюжную ночь она так и не смогла доползти до поселка. Следом за ней еще одна беда свалилась. Ночью стая волков забралась в кошару и зарезала семь колхозных овец. Жена и тут обвинила племянника в том, что он после школы остался ночевать у дедушки и бабушки в Тamarуткуле вместо того, чтобы ночью сторожить кошару. С тех пор пошло-поехало, ничем не остановать жену. В последнее время заладила: «Жди, муженек, и на нашу семью навлечет племянничек беду». Вот суеверная женщина, — закончил Асан и, посмотрев на приунывшего Рамазана, улынулся, сказав ему подбадривающим тоном: — Не вешай головы, сынок, домой поедем! Дорогой придумаем, как избавить тебя от злой тетки, — и, поклонившись расступившейся толпе зевак, тронул кнутом застоявшуюся лошадь.

...По булыжной мостовой весело катилась под уклон к Уралу¹ телега. Справа проплыл старый минарет каравансарая² со стреловидной мечетью, увенчанной серебряным полумесяцем. Рассматривая каменные громады домов, суживших и без того узкую улицу, Рамазан мысленно прощался с городом в степи:

«Прощай, каменная крепость на Красной горе, люди, добровольно заточившие себя в ней на всю жизнь! Не знаете вы и не желаете знать, живя в уютных квартирах за белоснежными занавесками, как хорошо там, на степном просторе, слушать пенье птиц, посвист сусликов и клекот парящих в вышине орлов, наблюдать за полетом многочисленных стай серебристокрылых стрепетов, на быстром скакуне догонять тяжелых на взлет дроф; зим-

¹ Урал — императрица Екатерина II, желая уничтожить в народе память о крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева, приказала переименовать Яик в Урал: так своеобразно была наказана река.

² Караван-сарай — бывший гостинный двор для восточных купцов.

ним днем, затаив дыхание, слушать приятную музыку гона — бегущих вслед за зверем собак; в летний жаркий полдень, пригнав на отстой к реке овец, пить из родничка ледящую зубы кристально чистую воду, дышать и не насыщаться сладким, настоящим на цветах и травах степным воздухом».

Дробный перестук копыт по настилу деревянного моста вывел Рамазана из глубокого раздумья. Тряхнув непокрытой головой и согнав с лица печаль, мальчик огляделся. Под мостом ревела и пенилась река. Ее бешеные валы стремительно катились к железнодорожному мосту, обтекая выступ левого берега с приютившимся на нем селом. По его улицам часто гуляют вешние воды, и плывут по Уралу сорванные с фундаментов разгулявшейся рекой деревянные срубы домов с домочадцами на крышах. Широкое раздолье реки радовало и манило к себе Рамазана, заражало мечтой о далеких путешествиях.

«Река неутомима, она может нести на своих могучих плечах любую тяжесть день и ночь и никогда не устать. Что если взять и связать жизнь с рекой, а еще лучше — с большим степным озером, тогда и нужды большой в ходьбе на руках не будет. Знай себе налегай на весла да лови рыбу, охоться — и будет тебе все: пища, одежда, много разных книг, которые помогли бы мне проникнуть в тайны дикой природы».

— Дядя Асан, скажи, пожалуйста, ты встречал в своей жизни такую реку или озеро, которые никогда не замерзают и на которых можно плавать на лодке круглый год?

Асан в недоумении посмотрел на племянника, достал кисет с табаком-самосадом, свернул сигарку и, раскурив ее, начал издалека:

— Выходит, ты позабыл целебное озеро Развал, что рядом с колхозным рынком в Соль-Илецке? Хотя оно и глубокое, а утонуть в нем даже не умеющий плавать не сможет: выталкивает. Смотришь летом — лежат на поверхности воды больные ревматизмом или страдающие кожными заболеваниями и загорают. Одни книжки читают, другие в шашки умудряются играть на плаву, и невдомек им, что под ними глубина более двадцати метров. А если опустить бутылку с пресной водой метров на пять-шесть, то вода в ней замерзнет и она лопнет. Ты же сам видел в прошлую зиму, как в лютую стужу гуляют по озеру волны!

— То мертвое, а меня интересует камышистое¹ озеро, где много рыбы и разных водоплавающих птиц!

— Есть и такие озера, но далеко, за Синим морем². В редкие холодные зимы они покрываются тонким ледяным панцирем на месяц-другой. На таких озерах, протянувшихся на двадцать-тридцать километров, обитает множество диких птиц: белые и желтые цапли с распущенными косами, которым может позавидовать любая модница, ибисы с удивительными лопатообразными и загнутыми серпом клювами, белоснежные лебеди, розовые и кудрявые пеликаны. На пролетах кормятся краснокрылые фламинго, а также гнездится множество всяких уток, куликов, гусей, чак. В непролазных тугаях, по берегам проток и озер, живут тугайный олень, тигр, камышовые коты, шакалы, волки и птица-радуга фазан. С щебенистой пустыни плато Устюрт приходят на водопой горбоносые сайгаки, стройные джейраны и необыкновенной красоты длинноногая кошка — гепард. Такого множества животных ты не встретишь нигде в другом месте. В тех краях когда-то кочевал наш род. Когда началась коллективизация и у нас отобрали скот, мы погрузили весь скарб на две подводки и подались пешком через Устюрт к старшему брату отца на Илек. Там, на родине, я был влюблен в девушку, но она была еще молода, да и не то время было тогда, чтобы жениться, — с затаенной тоской закончил свой рассказ Асан.

— У нас дорога длинная и, если не трудно, расскажи мне, дядя, поподробнее: как вы там жили, кочевали? — все больше и больше загорался детским любопытством племянник, придвинувшись поближе к обычно немногословному Асану.

— Давно это было, да и больно вспоминать о той счастливой поре. Лучше этот разговор отложить до завтра. Заедем по пути в Тамаруткуль, проведем стариков. Дед у тебя словоохотливый, он все по порядку и расскажет, как наш род Табын до коллективизации кочевал от Джейхуна³ до Кара-Хобды, — передавая вожжи племяннику, с трудом договорил Асан и, откинувшись на сено, быстро заснул.

...Впереди, в обожженной солнцем, голой, как стол,

¹ Камышистое — так называются озера, поросшие камышом, тростником и рогозом.

² Синее море — в «Книге Большого чертежа», этой своеобразной географии времен Ивана Грозного, Аральское море упоминается как Синее.

³ Джейхун — Бешеная река, ныне Амударья.

степи, появились жалкие остатки построек — когда-то добротных лавок и амбаров Менового двора, своего рода государственной ярмарки. Как рассказывают краеведы, Меновой двор был построен в 1774 году. Он напоминал крепость, по углам имел четыре бастиона с пушками, которые обслуживали гарнизоны русских солдат. Почти двести лет здесь был постоянный базар, где производился обмен европейских товаров на азиатское сырье и скот на сумму более пятнадцати миллионов рублей в год. Со строительством железной дороги Оренбург—Ташкент и пуском ее в 1905 году торговля на Меновом дворе постепенно заглохла, и он стал не нужен. Сейчас на его запустелом дворе паслись телята, бродили оренбургские пуховые козы. В тени у покосившегося амбара стояло несколько примитивных телег, запряженных коровами. В неказистых возках, прикрытых травой и тряпьем, белели тонкокорые соль-илецкие арбузы. Возницы-подростки, окружившие плотным кольцом рыжебородого старика, которому матери поручили приглядывать за сыновьями в дальней дороге, внимательно слушали его наставления перед въездом в ночной город. Как только телега поравнялась с ними, от босоногих ребят отделился кряжистый старик и после приветствия попросил Рамазана придержать лошадь.

— Расскажи-ка нам, мил-человек, все по порядку. В цене ли арбуз? Ходовая ли торговля? — сняв белый картуз, с почтительной вежливостью спросил старик у мальчика.

— Арбузов навезли много, но в ходу больше наш, медовый, и цена на него сходная, дядя мне говорил, — выпалил скороговоркой Рамазан и, не задерживаясь, тронул лошадь.

— Тэкс-с, тэк-с! Спасибо, малец, на добром слове, — поблагодарил мальчика повеселевший старик, провожая долгим взглядом удаляющуюся телегу.

Бессонная ночь и знойный день сморили Асана, и он, забывшись в глубоком сне, не слышал разговора, не чувствовал тряски на разбитой за годы войны грейдерной дороге. За телегой, спрятав головы в тень, бежали собаки. Временами Тарлан замедлял бег и, задрав морду кверху, жадно нюхал воздух. Непокойно вели себя и борзые. Они злобно рычали, не желая уступать друг другу место в тени.

Вечерело, когда с юго-западной стороны внезапно налетел свирепый ветер. С каждой минутой он усиливался, взметал дорожную пыль и гнал ее по степи вместе с

колючими шарами перекаати-поля. Из-за горизонта, затягивая голубой свод неба, разливалась далекая гроздовая синь. Освещенная вечерним солнцем, она становилась еще зловещее. Навстречу побежали тени, померк день, временами освещаемый всполохами молний. Неожиданно, как и начался, ветер улегся, наступило недоброе предгрозное затишье. Рамазану было жаль будить дядю, и лишь тогда, когда шквал ураганной силы, пришедший вместе с грозой, ливнем и градом, обрушился на степь, мальчик не удержался:

— Дядя Асан, проснись, гроза началась!

Когда тот очнулся, протер глаза и огляделся, Рамазан робко предложил:

— Может быть, остановимся, переждем под телегой?

Выхватив у племянника вожжи и вскочив на ноги, Асан погнал лошадь вскачь к мелководной речушке, бросив:

— Елшанку надо проскочить до большой воды! Там, глядишь, и заночуем у знакомых на станции Маячное!

Над головой все небо исчерчено кривыми росчерками молний, сплошными раскатами грохочет гром. Ливень хлещет, как из гигантской лейки, в которой, казалось, неисчерпаемый запас воды. Дорога и лощины, сбегаящие в Елшанку, покрылись ревушими потоками, несущимися вскачь наперегонки со взмыленной лошадей. Осадив перед крутым спуском к реке разгоряченного мерина, Асан крикнул племяннику:

— Скорее перебирайся на тот берег, я следом!

Вместе с потоками воды, словно с ледяной горки, Рамазан съехал по жидкой глине в мутную речку. Ухватившись правой рукой за загривок подоспевшего Тарлана и помогая себе левой, поплыл по вспухающей на глазах реке на противоположный берег.

Боясь искалечить на крутом спуске лошадь, Асан подложил тормозные башмаки под задние колеса, чтобы они не крутились, вскочил в телегу и тронул вожжой всхрапывающего мерина. На середине спуска, раскисшего от ливня, задок телеги резко занесло и лошадь чуть было не опрокинуло. Пытаясь выровнять ход телеги, Асан отпустил туго натянутые вожжи. Мерин, почувствовав свободу, рванулся вперед под горку и, разбрызгивая грязь, со всего маху бросился в ревущую реку.

Асан видел, как Рамазан, далеко отнесенный водой, выбрался на берег, а заботливый Тарлан, ухватив зубами за штаны, тащил его вверх по склону, подальше от разбушевавшейся реки.

Сверху, заглушая шум грозы и душераздирающий вой Тарлана, с каждой секундой нарастал, катился по реке устрашающий гул взбунтовавшейся стихии. И вдруг из-за поворота, ревушая и стонущая, показалась мутно-белая от пены стена, двигавшаяся фронтом поперек реки. В водовороте, крутясь, мелькали глыбы подмытого грунта, камни, вырванные с корнем кусты, деревья, ставшие чисто ошкуренными белыми бревнами, которые легко таранили крутой правый берег. В считанные секунды трехметровый вал накрыл на выезде из реки заржавшую в предчувствии смертельной опасности лошадь, а с ней и телегу с Асаном. При виде разыгравшейся на глазах страшной трагедии Рамазан в отчаянии закричал:

— Дя-дя А-а-са-а..! — и голос у него осекся.

Словно рыба, выброшенная из воды на сушу, мальчик беззвучно открывал и закрывал рот, пытался кричать, звать на помощь, но спазмы сковали ему горло. От отчаяния он уткнулся лицом в мокрую траву и заплакал...

От чьего-то теплого и ласкового прикосновения к лицу Рамазан пришел себя и приподнялся. Перед ним с виноватым видом сидели его мокрые четвероногие друзья и, беспокояно перебирая лапами и поскуливая, звали в дорогу, домой. Над степью сгущались сумерки. Отгремела гроза, затихая вдали, и, как напоминание о ней, с одинокой осины падала звонкая капель. Внизу от многоводья шумела и пенилась река.

Вдруг откуда ни возьмись на верхушке невысокого деревца появился прозрачный огненный шар метрового диаметра. Внутри него светился другой — поменьше. Скатившись по ветвям на землю, медленно, не касаясь травы, он покатился по склону к реке, разбрасывая по пути, подобно бенгальским огням, оранжевые искры. Шар подкатился к сидящим на его пути собакам. Тазы в страхе отскочили к кустам и принялись лаять. Тарлан же, видя, как его повелитель, закрыв от яркого света ладонями глаза, пытается откатиться в сторону, бросился навстречу шипящему шару, но тут раздался оглушительный хлопок, ослепивший всплеском огня перепуганных зверей.

После тяжелой ночи наступило светлое утро. С первыми лучами солнца тысячами алмазов заиграла окропленная обильным дождем степь. Свежий, сдобренный холодным утреником воздух был изумительно чист и прозрачен. Надсадный крик запоздавшей с отлетом ивол-

ги вернул Рамазана из долгого забытья. Откуда-то изда-
лека вернулась к нему память, а с ней всплыла вчераш-
няя трагедия.

«Дядя Асан, где ты, что я буду делать без тебя? Что
скажу тетке?»

Как всегда в подобных ситуациях, покой мальчика
охранял преданный друг и верный помощник Тарлан.
Обвившись кольцом вокруг мокрого от дождя тела и
прикрыв его сверху пушистым хвостом, он всем своим
существом согревал своего повелителя. Приподняв голо-
ву, Рамазан посмотрел мутным взглядом вниз по реке,
откуда доносился отчаянный лай кем-то потревоженных
собак. Вскочил и волко-пес, вздыбил на загривке шерсть,
насторожился. Приглядевшись, Рамазан увидел, как лег-
ким ровным махом мчались за удирающим барсуком его
борзые. Вопросающим взглядом Тарлан посмотрел в гла-
за повелителя, ожидая от него команды. Рамазан попы-
тался крикнуть «Ату его!», но с его губ слетел лишь
невнятный шепот. Тогда он машинально махнул рукой в
сторону борзых, крепко державших в осаде зверя. При-
няв жест за команду, волко-пес бросился в воду, быстро
переплыл спавшую за ночь реку и с ходу налетел на
оскалившегося барсука, сбив его с ног мощной грудью.
Завязалась короткая схватка, и Рамазан увидел, как,
прихрамывая на переднюю ногу, прокушенную зверем,
Тарлан волочит к реке тяжелую добычу. По-волчьи взва-
лив барсука на спину и придерживая его зубами за зад-
нюю лапу, он поплыл, шумно отфыркиваясь. Выбрав-
шись на берег и стряхнув с боков струившуюся воду,
волко-пес с подчеркнутым достоинством положил у ног
повелителя жирную тушу зверя. Рамазан попытался сло-
вами приласкать собаку, но не смог. Он положил руку на
голову Тарлану, и тот с молчаливым смирением принял
эту ласку друга. Привычными движениями мальчик при-
нялся снимать шкуру с затравленного борзыми зверя, но
мысль о дяде не давала ему покоя, руки плохо слуша-
лись, тряслись мелкой дрожью.

«Может быть, он здесь, недалеко, лежит на берегу,
выброшенный разбушевавшейся рекой, и ждет моей помо-
щи?» — сокрушался мальчик.

Голодная свора, уставившись немигающим взглядом
на добычу, терпеливо дожидалась своей доли. Сняв шку-
ру и умело разделив тушу, Рамазан накормил проголодав-
шихся собак, завернул в шкуру остатки мяса и стал
собираться в дорогу на поиски дяди.

За бугром слышались отрывистые голоса погонщиков, сопровождаемые надрывным визгом давно не мазанных железных колес. На гребне спуска одна за другой показались двенадцать пар быков, запряженных цугом. Они тащили старенький комбайн, предназначенный для обмолота зерна в скирдах.

Затяжная война лишила многие хозяйства техники, отчего те полностью перешли на живое тягло. В плуг и косилки запрягались не только верблюды, лошади, быки, но и коровы. Зерновые, посеянные вручную, зачастую заделывались прогоном по полю отар овец.

При виде людей, собравшихся у реки и обсуждающих предстоящую переправу комбайна на противоположный берег, у Рамазана радостно забилося сердце. Ему хотелось бежать к ним, рассказать о случившемся несчастье, но руки не слушались. Выход нашелся сам собой. После сытного завтрака Тарлан посмотрел пристальным взглядом поверх кустов на людей и, сообразив, что они пришли с благими намерениями, не спеша пошел к реке полакать воды. Колхозники, увидев на берегу огромную светло-серую собаку, похожую на волка, подняли крик и, схватившись кто за вилы, а кто за лопаты, с опаской стали приближаться к полузверю, беззаботно лакающему воду. Когда подоברались к нему совсем близко, то, к немалому своему удивлению, увидели в кустах чилижника охотничьих собак и мальчика.

— Кто ты? Откуда? Как здесь оказался? — сыпались со всех сторон вопросы.

Слегка заикаясь от волнения, Рамазан путано рассказал обступившим его людям о вчерашней трагедии.

— Не убивайся больно-то, сейчас организуем поиск. К тому времени, пока земля подсохнет и комбайн можно будет переправлять на другой берег реки, найдем твоего дядю, — пообещал бригадир.

Вмиг с быков были сняты массивные ярма, и животные, получив передышку, принялись щипать сочные плети подорожника. Шестеро колхозников, разбившись на две группы, направились вниз по реке. Они заглядывали под каждый кустик, каждое деревце, склонившееся под тяжестью толстого слоя наноса, состоявшего из ила и мусора. Рамазан, послав на поиски борзых, сам ехал на Тарлане верхом берега. Первую весточку ему принесла пожилая колхозница.

— Не твоего ли дяди шляпа? — протягивая мокрый киис, спросила она. — За куст шиповника зацепилась.

Узнав шляпу, Рамазан утвердительно закивал головой.

Река, с шумом ударяясь в огромный вставший на ее пути шихан, сложенный из красноцветного песчаника, круто поворачивала на юг. На левом пологом берегу послышался лай борзых. Все поспешили на их настойчивый зов. Когда поисковая группа собралась у остова старого брошенного трактора, все увидели страшную картину: телега с развороченным передком и сломанными грядками, зацепившись за трактор, словно на якоре, держала единственной оглоблей мертвую лошадь, так и не сумевшую вырваться из плена.

— Не плачь, найдут твоего родича! — положив руку на вздрагивающее плечо мальчика, утешил бригадир. — Сейчас поедешь со мной в правление колхоза, сообщим по телефону о случившемся в районную милицию, а там и домой отправим.

— Нет, не отправляйте меня домой! Я сам поищу дядю с собаками. Так дня за три-четыре доберусь по Елшанке до Илека, а там до Кара-Булака рукой подать! — упрашивал Рамазан колхозников.

Он просто не мыслил своего возвращения домой без дяди к злой тетке, предсказание которой, к его несчастью, сбылось.

Расставшись с колхозниками, Рамазан отправился в путь левым берегом Елшанки. Борзые-тазы, посланные им на поиск дяди, тщательно прочесывали спускающийся местами к воде противоположный крутой берег. Временами собаки останавливались и, поводя из стороны в сторону влажными носами, жадно нюхали воздух. Вдруг Актыс, бежавший на полном аллюре открытым берегом, резко остановился, проехав при этом на животе. Вернувшись к остановившему его подозрительному запаху и не наклоняя головы к «горячему» следу, не спеша пошел вверх по склону к кусту с ярко пламенеющими ягодами шиповника. Из-под куста, словно большая серая птица, вымахнул заяц-русак и с невообразимой легкостью помчался по склону, ловко лавируя среди редких кустов полыни. Актыс бросился за ним следом, увлекая за собой Актарнак.

Старый и опытный русак пытался избавиться от «висевших на хвосте» борзых, но не тут-то было. Зажав зайца в клещи, собаки лихо погнали его к обрыву. Видя безвыходность своего положения, русак пошел на такую хитрость, от которой Рамазан, не раз выдававший подобные

уловки зверей, только развел руками. Заяц сделал один прыжок в сторону, затем другой, сбив тем самым преследователей со следа, перемахнул через ошетилившийся куст репейника и, не раздумывая, в головокружительном прыжке плюхнулся с обрыва в воду. Рамазан видел, как отчаянный заяц, окунувшись с головой в воду, вынырнул и, отфыркиваясь в поникшие усы, поплыл. Но плыл он не на противополож-

ный берег, где, наострив уши, за ним следил из-за куста Тарлан, а обратно. Выбравшись на торчащий из воды выступ, мокрый заяц шмыгнул в своеобразную нишу, будто специально приготовленную для него природой, и затаился в ней. Тут как тут на обрыве появились разгоряченные борзые. С недоумевающим видом они уставились на реку, по которой не спеша скатывались подозрительные волны. Скосив на сторону глаза, остромордые собаки старались заглянуть в основание обрыва, откуда исходил острый запах перехитрившего их зайца. Так и не разобравшись в его хитрой уловке, они помчались берегом реки, расширяя охват поиска.

Рамазан не мог скрыть своего восхищения находчивостью зайца. Отдавая должное смекалистому зверю, он не пытался натравить на него рвущегося в схватку Тарлана, а, наоборот, успокоив его, отправился дальше, приглядываясь ко всему, что могло привлечь внимание.

За поворотом реки взору друзей неожиданно открылась деревня Мертвые Соли с редкими деревянными домами и множеством приземистых землянок, сложенных из местной светло-красной глины. По левому пологому берегу тянулись огороды, а единственная улица на правом была местами настолько узкой, что часть домов почти висела, словно приготовившись в предстоящий весенний паводок низвергнуться в пучину. Повсюду были видны следы про-

несшегося вчера урагана. Неказистая Елшанка, выплеснувшись из берегов, снесла деревянный мост, слизнула часть огородов, заилила местами родники, из которых жители деревни брали воду для питья и полива. За деревней внимание Рамазана привлек старый раскидистый вяз, образовавший из поникших ветвей своеобразный живой шатер. Уставший от безуспешных поисков, мальчик решил прервать их и заночевать под его надежной защитой.

Медленно, как бы нехотя, угасал день. Длинные тени, отбрасываемые тополями, коснулись поверхности реки и, погасив у берега ярко-желтые фонарики кубышек, окрасили воду в тяжелый свинцовый цвет. Частые всплески крупной рыбы, гоняющейся за мелочью, напомнили Рамазану о голоде. Со вчерашнего дня он ничего не ел, и сейчас, подумывая об обеде, машинально потянулся к шкуре барсука, в которой лежал большой кусок жирного мяса. Прежде чем заняться приготовлением ужина, он подобрал сухую ветку и, помахав ею перед глазами соблазнительных собак, швырнул ее в заросли прибрежного тальника, приказав: «Ищи!» Четвероногие помощники с радостным повизгиванием рассыпались по берегу в поисках сушняка для костра. Тарлан не побегал далеко. Присмотрев свисающую с вяза сухую ветку, подпрыгнул и, ухватившись зубами за конец, принялся раскачиваться на ней, словно маятник. Он долго и терпеливо перетирал на изломе сушину, а когда она с треском оборвалась, то успел ловко вскочить на ноги, чем не раз удивлял Рамазана. Наломав веток, мальчик подложил под них пучок сухой травы, приложил к кресалу фитиль и высек искру. Веселым огнем занялся костер. В сгущающихся сумерках, окутывающих пойму реки, маленькими светлячками заплескали в глазах собак языки пламени. Накормив четвероногих друзей, Рамазан срезал тонкую ветку тала, ошкурил ее и, заострив конец, принялся нанизывать кусочки мяса и поджаривать их над тлеющим костром. Поужинав, он обезжирил при ярком свете костра шкуру барсука и, расстелив ее для просушки, откинулся на подставленную спину волко-пса. Уставившись отрешенным взглядом на созвездие Малой Медведицы, глубоко задумался: «Как дальше жить, когда все вокруг словно в заговоре против меня? Как обидно сознавать, что ты инвалид и нет у тебя ни родителей, ни родных, кроме престарелых бабушки с дедушкой».

В эту минуту ему как никогда не хватало дяди Асана, сильного духом и умного советчика.

«Остается одно, — продолжал рассуждать Рамазан, — уединиться, уйти от людей», — и, склонив отяжелевшую голову на спину волко-пса, забылся в тревожном сне.

Утро, как всегда, разбудило друзей первыми проблесками зари. Над водоемом, треща крыльями, пронеслась стайка быстрокрылых чирков-свистунков и опустилась за плотиной, откуда доносился шум сбегавшей по камням воды. На пышно-зеленом ковре, буйно разросшемся после второго укоса отавы¹, серебряным дождем сверкала выпавшая за ночь роса. Резким взмахом руки Рамазан зачерпнул горсть холодной росной воды, плеснул в лицо, и полусонного состояния как не бывало.

Он пристально осмотрел поверхность водоема, над которым, цепляясь за верхушки прибрежного тростника, вниз по течению медленно плыли бледно-розовые клочья тумана. Глядя на испаряющуюся на глазах нежную вязь, Рамазан вернулся к вчерашним думам. Но сердце у него уже не трепетало, как вчера, оно перемучилось за ночь и успокоилось.

Со стороны деревни Мертвые Соли, широко печатая шаг, шел берегом Елшанки рослый старик в широких шароварах, напущенных поверх сапог. Из-под надвинутой на глаза казацкой фуражки с острым околышем чернели закрученные в полукольцо усы. Заметив расположившуюся под деревом живописную компанию, он свернул с тропинки и направился к ней.

— Доброе утро, хлопец! — пробасил он и, получив вместо ответа лишь скупой кивок, тихо спросил: — Не твоего ли родственника искали вчера в реке?

— Да, моего дядю Асана! — ответил мальчик и, стгорая от нетерпения, робко спросил: — Его нашли? Он жив?

— Нет, пока не нашли! — чуть дрогнувшим голосом ответил старик и, присев на траву, с трудом выдавил: — Думается мне, здесь он, в водоеме. Слышишь, вода шумит? Там, внизу, плотина, она все задерживает.

— Так почему не видно дяди? — пристально всматриваясь в поверхность водоема, тревожно спросил Рамазан.

— Не спеши, малец, поживи здесь денька два-три, глядишь, все и прояснится. Теплынь-то вон какая стоит, так что недолго пролежит утопленник на дне, всплывет! — посетовал добрый старик.

¹ *Отава* — молодая трава, подросшая к осени после летнего укоса.

— Можно мне с собаками пожить тут, под деревом? — робко спросил мальчик.

— Негоже жить в поле без крыши над головой! Вон мой шалаш! — кивнул он в сторону капустных грядок. — В нем и располагайся как дома.

— Спасибо, дедушка, за вашу доброту! — тихо поблагодарил мальчик и, глянув в сторону насторожившихся собак и внимательно следивших за незнакомым человеком, добавил: — Это мои друзья — охотники, они людей не трогают и лишнего не лают.

— Вижу, что не дворяжки! — поднимаясь с травы, заметил старик. — Больно тут не задерживайся, собирайся и приходи на уху.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О золотой казне Емельяна Пугачева. Хомяки-воришки.

Гора-загадка. Природная лечебница. Сурок-«археолог»

Чтобы не сидеть целых три дня в томительном ожидании, Рамазан решил отправиться к маячившей невдалеке загадочной горе со сверкающими на ее вершине кристаллами мертвой соли.

Еще на пути в Оренбург, когда проезжал с дядей мимо этой горы с противоположной стороны, он обратил внимание на ее двугорбую вершину, круто сбегаящую в широкую и глубокую балку, поросшую молодым осинником, колючим терном и боярышником. Любопытство просто распирало мальчика, и он спросил тогда у дяди: «Что это за гора — словно корабль, плывущий среди безбрежной степи?» Тот с охотой рассказал о ней так много интересного, что Рамазан даже стал теряться — верить или нет сказанному. Будто в самом сердце горы лежит глубокое камышистое озеро, богатое рыбой и дичью, а на дне, как гласит предание, покоится в просмоленных бочках золотая казна Емельяна Пугачева, спрятанная не то предприимчивым атаманом-каторжником Хлопушей, не то его сподвижниками после разгрома царскими войсками повстанческой армии. И действительно, в предании, бытующем и сейчас среди местных старожилов, есть доля правды.

«В период шестимесячной осады Оренбурга (октябрь 1773 — март 1774 г.) один из руководителей осады Оренбурга (Максим Шугуев) без ведома Емельяна Пугачева

отправил А. Соколова (Хлопушу) для занятия Илецкой Защиты (ныне город Илецк). 16 февраля 1774 года Соколов выступил из Берд с четырьмя сотнями заводских крестьян, несколькими подводами и двумя пушками. Подойдя к Илецкой Защите, он окружил ее. После нескольких выстрелов 130 оренбургских и самарских казаков, бывших в укреплении, перешли на сторону повстанцев. Ворвавшись в Илецкую Защиту, повстанцы ранили смертельно капитана Варчева и поручика Исаева, выпустили всех арестантов, среди которых находилось семейство Хлопуши, захватили все промысловое имущество и деньги. Затем Соколов (Хлопуша) выдал всем арестантам и ссыльным одежду, так как многие из них были без рубах, и взял их с собой в Берды, туда же он увез часть захваченного провианта, 280 рублей и 5 пушек»¹.

Все это лишний раз подтверждает, что Хлопуша и его сподвижники знали об этой горе с ее таинственным озером, так как путь из Берды в Илецкую Защиту был единственным. Они просто не могли обойти стороной гору со своим отрядом, не побывав на ее вершине, чтобы с высоты осмотреть предстоящий перед штурмом крепости путь. Озеро, спрятанное в чреве горы, могло действительно заинтересовать казначеев Емельяна Пугачева и послужить надежным местом для временного захоронения клада. Конечно, версия о кладе на дне озера небесспорна, но тем не менее она живет и поныне в местных преданиях.

Прежде чем отправиться на загадочную гору, Рамазан прихватил с собой шкуру барсука, сел на Тарлана и поехал к шалашу, где приветливо курился дымок от костра.

— Славные у тебя друзья, как я посмотрю. Один возит, другой ношу носит, а третий зря времени не тратит — охотится. С такими умными собаками не пропадешь, из любой беды выручат! — продолжая чистить окуньков, восхищался необычной процессией сторож.

Между тем Актарнак, прочесывая заросший высоким чертополохом арык, набрела на свежий след и выгнала затаившегося на отдых зверя. Из зарослей ярким пламенем полыхнула лиса-огневка и пустилась наутек.

Борзая, обладая необыкновенным чутьем и редкостной неутомимостью, враз «повисла» у зверя на хвосте. Не дав лисе пробежать и сотни шагов, она настигла ее и подмяла под себя.

¹ Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. Т. II. — СПб, 1884. С. 288—289.

Под веселый треск сушняка, аппетитно булькая, варилась в армейском котелке уха. Рамазан снял с лисы горжетку с еще не дозревшим ворсом и вместе с барсучьей подал сторожу, сказав:

— Это вам, дедушка, гостинец от меня, возьмите, — и, опасаясь услышать от него отказ, тут же спросил:

— Правда или нет, что на Мертвосольской горе есть очень глубокое озеро, а в нем хранится клад из золотых монет и украшений?

Приняв щедрый подарок, старик подул на шелковистый ворс лисы и сказал с радостью:

— Что ж, спасибо, охотничек, за дорогой подарок. Теперь будет у меня барсучья шапка, а у жены лисий воротник. За войну-то обносились!

Явно обдумывая каверзный вопрос, сторож не спешил с ответом. Он сходил на берег реки, срезал ивовый прут и, согнув его в дугу, одел на примитивную правилку лисью шкуру для просушки. Долго смотрел в сторону горы, залитой утренним светом, и вдруг, вспомнив что-то, не сдержался и раскатисто рассмеялся. Всматриваясь в повлажневшие от смеха глаза сторожа, Рамазан терпеливо ждал, когда он успокоится. Насмеявшись всласть, грузный старик снял с костра котелок с янтарной ухой и, пригласив охотника к столу, разломил на две равные части просыную лепешку. Присев на огромную тыкву, Егор Дмитриевич — так звали старика — начал рассказ издалека:

— Еще в детстве говорил мне мой дед о захороненных бочках с золотом на Боевой горе (так с 1919 года называют Мертвосольскую гору — после боев на ней Туркестанской армии с белой гвардией). Совсем недавно, в начале войны, собрал я молодцов-удальцов чуть постарше тебя с лопатами и бричками — и айда на гору. Думали: найдем клад, отдадим все золото на покупку боевого самолета и подарим его нашему односельчанину — военлету Ивану Мостовому. Трое суток без сна рыли сбросной канал, а когда вырыли, то не обрадовались. Рекой побежала по крутому склону вода, размывая и круша все на своем пути. Не то что озеро, — море воды вытекло, а толку никакого — одни неприятности. Железнодорожники шум подняли: «Вы что, спятили? Полотно вздумали смыть, крушение поезда устроить?» Неделю бежала вода, а в озере ее ничуть не убавилось. Пришлось сделать перемычку и поставить точку на глупой затее, — махнув рукой в сторону горы, закончил свой рассказ старик.

Наскоро позавтракав, Рамазан засобирався в дорогу — туда, где, утонув в малиновой дымке, маячила гора, пленившая его детское воображение.

Миновав огороды, мальчик выбрался к железнодорожному мосту. Нырнув под его бетонные своды, выехал на Тарлане к развилке трех полевых дорог. Одна из них, вильнув вправо, бежала в горняцкий городок Илецк, другая, повторяя виражи глубокого оврага, убегала на восток, третья, отхватив край убранного поля, неторопливой змеей вползала на седловину двугорбой горы, над которой кружил степной орел. При виде парящей в вышине вольной птицы в потухшем зоре мальчика с прежней силой загорелись огоньки радости. Тронув Тарлана, он не спеша поехал в сторону горы, где его ожидали интересные открытия.

Куда ни кинь взгляд, повсюду в степи были птицы. От их громкого крика в воздухе стоял невообразимый гвалт. Над пасущимся стадом коров черной тучей кружили скворцы. На телеграфных столбах, гудящих телефонных проводах сидели крикливые вороны, галки, голуби-сизари. Посреди птичьих сборищ, справляя туалет после кровавого пиршества, расположились самодовольные пернатые хищники, откочевывающие вместе со своей повседневной пищей на юг.

Прочесывая степь, не жалея ног носились борзые. Они заглядывали под каждый кустик, камень, задерживались у старых, брошенных зверьками, норах, принимались в надежде найти поживу. Вдруг, замедлив шаги, Тарлан потянул мордой вперед и, поводя ушами, прислушался. С края несжатой полоски не спеша вышел зверек с сильно вздутыми щеками. Проковыляв через дорогу, он начал спускаться в лощину. Не успел Рамазан соскочить со спины Тарлана, как тот бросился вслед за куцехвостым воришкой. Тяжелый на бег волко-пес так и не смог догнать, казалось бы, верную добычу, а лишь клацнул зубами, когда зверек шмыгнул перед самым его носом в нору. То ли задетый этим за живое, то ли просто соблазнившись жирным зверьком, который, готовясь к долгой суровой зиме, запасал впрок пищу, Тарлан принялся разрывать нору. К нему на помощь с радостным повизгиванием спешили борзые-тазы. Скоро закипела работа. Там, где окаменевший суглинок не поддавался затупившимся когтям, в ход шли острые зубы. Как-то само собой распределились роли землекопов. Узкоплечие тазы поочередно копали, а широколапый Тарлан, словно совковой лопатой, отгребал выброшенную землю в сторону.

С затаенным любопытством поглядывал Рамазан на залитую полуденным солнцем гору и, сознавая, что собакам нужна была подобная разминка: для заточки когтей, зубов, а главное — чтобы развить у них упорство в добывании пищи, — терпеливо ждал своего часа. Наблюдая за работой четвероногих землекопов, он обратил внимание на выбрасываемую землю, вместе с которой в разные стороны летели зерна пшеницы. Мальчик просунул голову в глубокую щель, где увидел сбоку от главного хода большую шарообразную камеру. В ней хранилось не менее ведра отборной пшеницы, заготовленной предприимчивыми хозяевами на зиму.

«Вот воришки, не сеют, не жнут, а сытее всех живут», — восторгался мальчик, вытряхивая содержимое из своего мешочка.

Горсть за горстью Рамазан наполнял мешочек зерном, а выбравшись наружу, ссыпал содержимое в кучку. Когда кладовая опустела, а в образовавшуюся большую нору снова шмыгнула Актарнак, с новой силой закипела работа.

Поглядывая на внушительную горку из янтарных зерен, Рамазан подумал: «Если с помощью собак отыскать и раскопать с десятков таких кладовых, то наберется добрый мешок. Сдам в колхоз, и мне за труд дадут муки. Вот и будет нам с дедушкой и бабушкой на зиму хлеб. Кроме меня у них теперь никого не осталось».

Приглушенное рычание и писк, донесшиеся из подземелья, отвлекли его от этих мыслей и заставили заглянуть в чернеющий провал норы. Оттуда, словно ошпаренный, выскочил Актыс с вцепившимся в его морду толстым хомяком. Борзая резко тряхнула головой, и тяжелый зверек отлетел в сторону, прямо угодив в раскрытую пасть Тарлана.

Солнце катилось к закату, когда уставшие добытчики раскапывали пятый подземный «городок». Построен он был искусными «строителями» на мягком склоне балки и имел множество ходов. Влажный грунт легко поддавался остро наточенным когтям, и вскоре вместе с землей Актарнак выгребла целую коллекцию злаковых и бобовых.

«Знатные, видать, здесь живут зверьки, коли не желают обходиться в долгую зиму одним блюдом, — подавай им три, и не меньше», — восхитился мальчик.

С помощью ножа Рамазан расширил нору, а заглянув в нее, обнаружил настоящее хранилище зерна. По обеим сторонам просторного хода были вырыты три обширные кладовые. В одной из них хранилась только пшеница, в

другой — просо, а в третьей — горох, то есть все то, что было выращено колхозниками на ближайших полях. Чуть дальше, в тупике, виднелась просторная «спальная комната» с мягким ложем. С подобным глубоко осознанным подражанием зверей жизненному укладу человека Рамазан встретился впервые, поражаясь искусной планировке жилища. Только он протянул руку к зерну, чтобы наполнить им мешочек, как из черного зева отнорка метнулся нарядный зверек. Защищая свое добро, он смело, с каким-то яростным ожесточением впился острыми зубами в руку мальчика. Предвидя подобную выходку обладателя богатой кладовой, Рамазан не растерялся. Схватив свободной рукой обладателя желтовато-бурой шубки с белыми пятнами по бокам за шею, вытащил его из норы и с силой дунул ему во влажные ноздри. Крупный, почти полуметровой длины, хомяк, уже пустивший в ход острые, как бритва, когти, сразу же обмяк и, как бы нехотя, разжал намертво сомкнутые челюсти. Присыпав кровоточащие раны землей, Рамазан снова принялся за работу. Он слышал, как Актарнак, раскапывающая по соседству другую нору, схватилась с отчаянно-злым зверьком.

Занятый кладовой с горохом, Рамазан не видел и не слышал, как с подветренной стороны подъехал верховой. Лишь грозное рычание Тарлана заставило его остановиться на почтительном расстоянии, а Рамазана — выбраться наружу.

— Откуда у тебя столько зерна? Здесь три кучи да у дороги четыре! — размахивая короткой камчой, кричал незнакомец.

С тревожным любопытством рассматривал Рамазан верхового, видимо, наделенного большими полномочиями. Пытаясь как-то оправдаться в его глазах и доказать свою непричастность к воровству, машинально ткнул пальцем в чернеющее жерло норы, из которой только что выбрался.

— Кто припрятал хлеб в ямы? Не ты ли случаем? — грубо спросил верховой.

Кивком головы мальчик указал на распятые для просушки шкурки зверьков-воришек и, не теряя самообладания, а лишь проглотив подкативший к горлу комок горькой обиды, отвернулся, с трудом сдерживая навернувшиеся слезы.

Долгим пристальным взглядом смотрел верховой то на кучи зерна, то на собак и, наконец-то сообразив, что к чему, произнес:

— Гм, выходит, ты охотник, верный колхозу помощник? А я, не разобравшись, накричал на тебя, обидел, чуть ли не за вора посчитал! Сам понимаешь, — с виноватым видом оправдывался незнакомец, — время военное, только гляди. Хлеб-то сейчас всему голова!

Соскочив с пегого жеребца и пустив его попасться, он усталой походкой направился к мальчику, крикнув ему на ходу:

— Придержи-ка своего зверя, не то разорвет в клочья! Ишь как оскалил зубы!

При ходьбе высокий мужчина с сухим торсом как-то странно держал перед собой руки, словно подходил к долгожданному родничку, чтобы утолить мучавшую его весь день жажду. Он добродушно улыбался: серьезности как не бывало. От такой резкой перемены в поведении незнакомца у мальчика понемногу смягчилось сердце. Он похлопал по слежавшейся нескошенной траве, и Тарлан с недовольным видом улегся рядом, не спуская пристально-го взгляда с приближающегося к ним чужого человека.

— Ты что все молчишь, слова не вымолвишь? Небось, обиду не можешь простить? — сыпал он на ходу вопросами, а когда подошел, то устало представился: — Здешний я — председатель колхоза «Новый путь», Волков Михаил Егорович, — и, близоруко шурясь, пристально посмотрел в лицо мальчика. Видимо, что-то вспомнив, спросил: — Так это о тебе справлялась утром районная милиция?

Все еще осмысливая происходящее, Рамазан смотрел на председателя и молчал. Потом он не спеша сорвал пучок сухой травы, протер им руки и обстоятельно рассказал о себе, утонувшем дяде и попросил распорядиться самому добытым им зерном. Выслушав мальчика, Михаил Егорович заглянул в его бесхитростные глаза и произнес с нескрываемым восхищением, покачивая головой:

— Вот ты какой орешек, и не подумашь, глядя на тебя! Откуда только такая твердость характера?! Мальчишка, успевший лишь пустить корни в землю, сам додумался до такого полезного дела. — И, помолчав, добавил: — Зерно, бесспорно, твое — ты его честно заработал, уничтожив больше десятка вредителей. А как доставить тебе муку в Кара-Булак — наша забота.

— Туда я не вернусь, буду жить в Тамаруткуле, у дедушки с бабушкой. Один я у них остался.

— Что ж, пусть будет так, — согласился Михаил Егорович и, зачерпнув с ворошка горсть пшеницы и

пересыпав ее с ладони на ладонь, заметил с укоризной: — Грамотное же зверье, не тащат в свои закрома захудалое зерно, а выбирают поядренное — одно к одному. Хоть сейчас бери да засыпай в сеялку и засевай озимые.

Окинув оценивающим взглядом собак и подивившись их стати, председатель по-отцовски попросил мальчика:

— Пожил бы ты у нас в колхозе месяц-другой, глядишь, и обвыкнешься — приживешься, а там дедушку с бабушкой привезешь в нашу деревню, да и заживете на славу! Очень ты нужный человек с такими охотничьими собаками. Расчистил бы поля от грызунов и волков, расплодившихся за годы войны. Охотников-то настоящих нет, — все на фронте, а значит, посчитаться с ними некому.

— Нет, я не могу остаться у вас. Мне дядю надо найти, — уклончиво ответил мальчик и, придвинувшись к проветрившимся шурам хомяков, принялся складывать их в кучку.

— Куда ты на ночь-то глядя? — встревожился Михаил Егорович, видя, как мальчик, будто большая степная птица, легко вскочил на спину Тарлана.

Кивнув на прощанье недоумевающему председателю, Рамазан перевел взгляд на гору, сверкающую в золотых отблесках вечерней зари, и не спеша поехал по направлению к ней.

Друзья, хотя порядком устали за день, быстро преодолели затяжной подъем и до наступления сумерек выбрались на широкую седловину горы. Озеро, словно мерцающее зеркало, вправленное в вершину горы, поразило Рамазана своей явью. Природе не удалось создать вокруг него красивого пейзажа. Лишь скудная низкорослая полынь да россыпь мелких камней укрывали склоны неглубокого, вытянутого с запада на восток цирка, на дне которого покоилось карстовое озеро, оправленное густыми зарослями тростника. Когда-то давно прикрытая гипсовой шапкой гора, сложенная из известняка и песчаника, под воздействием грунтовых вод провалилась в подземные пустоты, в результате чего образовалась огромная впадина, дно которой было намного ниже уровня моря.

Сытые собаки, почуяв запах воды, потрусили вниз — утолить жажду. От их шумного лаканья из зарослей тростника с криканьем поднялся выводок взматеревших крикв и с шелковистым шелестом крыльев потянул через гору на Елшанские озера.

Рамазан не поехал к озеру устраиваться на ночлег, зная наперед, что в низине масса комаров, а по утрам

холодно, особенно когда стелется туман. Отыскав на вершине защищенную от ветра ложину, он убрал камни и, расстелив лисью шкуру, лег спать. Сквозь дрему Рамазан слышал, как вернулись выкупавшиеся в озере собаки, заняли свои места по установившейся между ними иерархии, тщательно вылизались, а затем затихли, отдавшись слуху.

Но недолго царствовала тишина над безмолвной степью. Гулом самолетов наполнилась расчерченная лучами прожекторов глухая ночь. Волна за волной шли в вышине тяжелые пикирующие бомбардировщики. Развернувшись над Боевой горой, они летели в сторону Шиховой горы, откуда вскоре донеслись глухие раскаты взрывов. Всю ночь на обоих аэродромах, что базировались под Илецком, шли учения по бомбометанию. Лишь к утру все стихло. Подобные учения для Рамазана были не в диковинку. Не раз над его головой в глухой казахстанской степи проходили воздушные «бои» истребителей, слышались пушечная пальба и частая дробь крупнокалиберных пулеметов. После каждой воздушной «схватки» он находил стреляные гильзы и строил из них высокие пирамиды, сказочные дворцы в готическом стиле.

С наступлением утра в широкую, еще затянутую легким туманом впадину заглянул рассвет. Он сорвал с озера ночной покров, и Рамазан увидел на южном берегу глубокую промоину, которая наглядно свидетельствовала о пустой затее огородного сторожа Егора Дмитриевича найти таким путем золотую казну Емельяна Пугачева. На склонах, обращенных к озеру, повсюду были видны промоины, по которым в дождь и в пору таяния снега бегут, смывая все на своем пути, ручьи. С собой они несут массу грунта, камни, из года в год сужая со всех сторон озеро.

Обладая от природы неумейной любознательностью, Рамазан решил обследовать гору. Спускался в разрушенные временем и заросшие горькой полыньей окопы, где кроме ржавых гильз ничего не нашел. Задерживался у чахлах кустиков с переспевшей костяникой, а когда забрался на вершину горы, крутым спуском обращенную на восток, то невольно оторопел, увидев грибовидный родник, изливающийся в глубокий овраг. Спустившись к ключу, Рамазан зачерпнул горсть теплой воды и с жадностью хлебнул. Горько-соленая влага, перехватив дыхание, словно пламенем обожгла рот.

«Чудеса, да и только! Не гора, а шкатулка с загадками!»

Осмотрев воспалившиеся раны, Рамазан крепко сжал зубы и опустил кисти рук в источник. Обладая способностью снимать боль самовнушением, он спокойно осматривал крутой склон, по которому, журча, струился прозрачный ручеек. На своем коротком пути до оврага он имел три неглубоких, но широких ямки, наполненных до краев рапой¹. Наметанным глазом Рамазан осмотрел их и обнаружил множество звериных следов, которые вели со всех сторон к источнику.

Вскоре он с удивлением обнаружил, что у него на руках лопнули нарывы и очистились раны, подернувшись тонкой пленкой. Спустившись в овраг, он срезал ветку шиповника, настрогал мелких стружек и присыпал ими быстро затягивающиеся раны. Приметив куст с переспевшими сизыми ягодами терна, перебрался к нему и набил рот терпко-кислыми ягодами.

Задолго до заката он определил по смоченному пальцу направление движения воздуха, выкопал в обрыве с подветренной стороны глубокую нишу, привязал к осине недоумевающего Тарлана и, уложив беспокойных тазы у стены, закрыл собой выход.

Медленно, как бы нехотя, угасал день. Неся ему на смену прохладу, сгущались сумерки. Чуткому и внимательному охотнику, умеющему видеть и слышать, наступившая ночь дарила богатство таинственных звуков. Из них Рамазан выделял характерные и по ним легко определял вышедших на охоту хищников. Чу! Над верхушками голенастых осинок бесшумно, как бесплотный дух ночи, проплыл филин. Усевшись на обрыве, «крылатый волк» резким движением головы осмотрелся по сторонам и, успокоившись, протяжно забубнил «у-у-гу, у-у-гу». На его настойчивый зов с вершины горы слетела вторая птица. Посовещавшись, хищники снялись с наблюдательного поста и бреющим полетом направились в степь ловить зазевавшихся зайцев и тушканчиков. Быстрый и верткий, словно змея, в балку шмыгнул степной хорек. То замирая на месте и прислушиваясь, то скользя по высохшей траве, он отыскивал затаившуюся добычу. Собаки, наострив уши и жадно втягивая влажными ноздрями воздух, в нетерпенье дрожали.

Чу! Сверху явственно донесся беспорядочный всплеск,

¹ *Pana* — густой солевой рассол, образовавшийся после испарения горько-соленой воды.

покрываемый громким блаженным похрюкиванием какого-то зверя.

«Вот и первый больной пожаловал на лечение!» — только и успел подумать Рамазан, как борзые-тазы, будто взведенные, выскользнули из ниши и, с треском продравшись сквозь кусты, вымахнули на склон горы, где вмиг настигли удирающего посетителя «лечебницы». Им на помощь рванулся Тарлан, но, сдерживаемый ошейником, сдавившим ему горло, завыл от злости и боли. Рамазан, словно большая кошка-древалаз, с акробатической ловкостью хватался за стволы осин, подтягивался на подвернувшихся ветках и, не касаясь земли, бросал легкое тело вперед, туда, где уже кипела горячая схватка. Увидев выбравшегося из зарослей своего повелителя, собаки еще

яроостнее стали наседать на прижатого к обрыву огрызающегося зверя. Лишь громкий свист Рамазана заставил их отступить назад и дать ему возможность рассмотреть того при матовом свете луны. По белой полосе, спускающейся с затылка до самого кончика носа, и седым бакенбардам юный охотник узнал в нем барсука-отшельника.

Так, всю ночь, до рассвета под вой одинокого Тарлана держали осажденного зверя борзые-тазы, которым Рамазан не давал вступать в решающую схватку. Когда разгорелся рассвет и первые лучи солнца разогнали густой сумрак в овраге, он увидел у сильно истощенного затяжной болезнью барсука над левым глазом большой, величиной с

кулак, отек. Видно, в жестокой схватке с соперником или волком барсук получил глубокую рану, которую не смог зализать, отчего и началось воспаление. Жалкий вид осажденного собаками зверя и особенно его глаза с угасающим взглядом просили пощады и взывали о помощи.

«Вот незадача! Как тебе помочь? С голыми руками к тебе не подступишься, чуть что — враз перекусишь», — сокрушался мальчик.

Подумав, Рамазан решил воспользоваться старым, но верным способом, какой зачастую применяли перед операцией, когда еще не знали о наркозе. Срезав толстую ветку, он ударил зверя по голове, и тот, лишенный на время сознания, завалился на бок.

«Так будет вернее! Тебе легче перенести операцию, а мне — избежать твоих зубов», — подытожил Рамазан и для большей безопасности скрутил зверю пасть волосяной леской.

С помощью собак он оттащил барсука к роднику и, не раздумывая, ловким взмахом ножа сделал на отеке глубокий надрез. Опустив голову зверя открытой раной в соленый источник, тщательно промыл ее. То ли от едкой соли, то ли от неопытной руки «хирурга» барсук пришел в себя, рванулся, но второй удар заставил его снова впасть в забытие. Выскоблив ножом и промыв загноившуюся рану, Рамазан развязал подрагивающую морду зверя, свистнул собак, в недоумении посматривающих на «мертвого» отшельника, и пошел на руках вниз к воющему Тарлану. На спуске с горы он остановился. Очнувшийся барсук вскочил на ноги, покрутился в нерешительности на одном месте, потряс головой и, к немалому удивлению борзых, поковылял по дну балки домой — в нору.

Присев на плоский камень, Рамазан в радостном волнении долго смотрел вслед «пациенту», а руки как-то само собой потянулись за тетрадкой, сшитой из обоев. В нее он записал свое первое и осознанное наблюдение, навеянное встречей с больным барсуком. Так юный охотник-натуралист открыл первую и далеко не последнюю страничку летописи, в которую вносил все характерные случаи из жизни диких животных, добытые им личными наблюдениями в тайниках природы.

Отвязав Тарлана, догрызавшего в яростной злобе завалившуюся на бок осинку, Рамазан направился с друзьями на озеро порыбачить, а заодно поставить на ночь волосяные петли в исхоженном утками мелководье. Его

внимание приковал к себе светло-серый выступ скалы, сложенный из кристаллов мертвой соли. С трудом поднявшись к нему, мальчик присел в тени и огляделся.

Перед ним, насколько хватало глаз, лежала изрезанная оврагами рыжекудрая ковыльная степь. Вдали, сверкая светлыми зеркалами подкрылков, кружила большая стая стрепетов. Над ними в безоблачной вышине изломанным треугольником тянулись навстречу полуденному солнцу серые журавли. С их печальным льющим с небес криком «кур-р-лы, кур-р-лы» умирало короткое лето. Внизу, за оврагом, на приплюснутом от времени бугре сидел сурок-байбак и, озираясь по сторонам, прерывисто свистел. Рамазан заметил бугорок с растущим на нем кустиком степной вишни и с явным намерением раскопать там две-три норы поспешил вниз. Он заранее предвкушал приготовленный на костре сытный обед из отъевшихся на сочных травах сурков. В них мальчика привлекали не только нежное, обладающее целебными свойствами мясо, но и красивый прочный мех. Выбравшись из оврага и отыскав приметный бугорок, Рамазан направился к нему. На пути ему повстречалось еще несколько жилых нор, которые принялись было раскапывать собаки. Отозвав их, он продолжал путь на Тарлане к господствующему над степью бугорку, который, словно магнитом, притягивал его к себе. На его сильно приплюснутой вершине Рамазан обнаружил вертикальную нору с приметным лазом. Актарнак, приложив нос к входу, жадно втянула воздух и, ухватив свежий запах домочадца, только что юркнувшего в нору, принялась рыть. Копая попеременно, собаки быстро углубились более чем на метр. Приглядывая за работой своих друзей, мальчик обратил внимание на выбрасываемый грунт, который под тонким растительным слоем был не суглинистым, как обычно, а таким же черным. В образовавшейся воронке послышалось злобное рычание и клцанье зубов о какой-то предмет, видимо, попавшийся на пути Актыс. Отозвав собаку, Рамазан просунул голову в глубокую яму и, запустив руку, нащупал что-то круглое. Нора, вильнув в сторону, уходила вглубь, откуда, возбуждая охотничью страсть собак, доносился приглушенный свист байбака. Подкопав ножом неизвестный предмет, мальчик подхватил его снизу и, прижав к груди, выбрался наружу.

Это был круглодонный глиняный сосуд яйцевидной формы, украшенный простым рельефным орнаментом по верхнему краю и говоривший о себе тысячелетним камен-

ным языком далеких предков. По незнанию Рамазан не придавал значения столь ценной находке и разбил сосуд в надежде найти в нем сокровища. Но кроме слежавшейся земли в нем ничего не было. Разочарованный «пустой» находкой, он снова полез в нору, но ничего в ней не нашел. Актарнак, сменившая своего повелителя, вскоре наткнулась еще на одно препятствие и с порезанной губой выскочила наружу. Спустившись в нору, Рамазан нащупал какой-то плоский металлический предмет, под ним другой, а сбоку еще два с неровными краями. Подцепив ножом один из тяжелых слитков, вытащил его наружу. Когда мальчик выбрался наверх и глянул на лежавшую на траве находку, то пришел в неописуемый восторг. Ноздреватая лепешка величиной с верблюжью ступню под лучами солнца излучала бледно-красный цвет в тех участках, где когтями и зубами собак был содран зеленый налет окиси. Взяв в руки слиток весом около четырех килограммов и мысленно сравнив его цвет с золотым кольцом покойной матери, Рамазан невольно вскрикнул:

— Золото! Я нашел клад Емельяна Пугачева!

Шмыгнув снова в нору, Рамазан извлек один за другим еще три слитка, издававших от прикосновения друг о друга мелодичный звон.

«Так вот где был захоронен клад!» — поглядывая счастливыми глазами на горку позеленевших слитков, подумал окрыленный находкой мальчик.

Рамазан не знал главного: что сурок-«археолог» открыл ему не казну Емельяна Пугачева, спрятанную его сподвижниками, а следы поселения древних земледельцев и скотоводов, обитавших в оренбургских степях во втором тысячелетии до нашей эры. Они были не только искусными и опытными горняками, но и металлургами.

Пошадив сурка, указавшего место клада, Рамазан насыпал грунтом яму и осмотрелся. Сразу же за оврагом начиналась бескрайняя степь с помахивающими на ветру «лисыими хвостами» порыжевшего ковыля. Среди небольших, размытых дождями холмиков, выглядывающих из перестоявшей травы, тот тут, то там валялись почерневшие черепки гончарных изделий.

«Неужели каждый бугорок таит в себе сокровища? Если так, — рассуждал Рамазан, — то не на один самолет, а на целый десяток хватит золота. — И, подумав, заключил: — Вот обрадуется Егор Дмитриевич находке!»

Воодушевленный успехом, Рамазан снял с себя рубашку, сложил поровну в нее и в мешочек слитки и черепки от разбитого сосуда и, перевязав их между собой, взвалил груз на спину Тарлана и побежал на руках впереди собак на стан — к сторожу.

— Ты что так сияешь, будто клад нашел? — спросил озадаченный видом мальчика Егор Дмитриевич, когда тот, с трудом переведя дыхание, опустился перед ним. Подтверждая догадку сторожа, он утвердительно закивал головой и, улыбаясь, размашистым жестом показал на приближающегося с драгоценной поклажей Тарлана.

— Вот так пастушок, вот так охотничек! — всплеснул от удивления руками старик, уронив при этом кочан капусты, который шинковал для борща.

Пока Егор Дмитриевич приходил в себя от неожиданно свалившейся радости, Рамазан снял с Тарлана драгоценный груз и со звоном высыпал содержимое из мешка. Всматриваясь в сосредоточенное лицо старика, он в нетерпении ждал от него восторгов. Но вместо них уловил на испещренном морщинами лице улыбку горького разочарования.

— Нет, Рамазан, это не золотые слитки, а медные. Золото — благородный металл, век пролежит в сырой земле и не окислится. А эти, как видишь, позеленели, — спокойно объяснил старик.

Все еще цепляясь за рвущуюся на глазах тонкую нить надежды, мальчик схватил одну из ноздреватых лепешек, наискось ударил по ней тяжелым ножом и поднес присевшему на корточки Егору Дмитриевичу, а глазами будто говорил: «Посмотри-ка хорошенько на эту ярко-красную насечку и скажи, что это».

— Нет, Рамазан, ты меня не убедил. Лучше начерти план, где все это нашел.

С помощью ножа мальчик нарисовал на пыльном пятке гору, овраг, а за ним, на северо-восточной стороне — россыпь бугров.

— Места знакомые, но что-то не припомню, чтобы кто-нибудь из наших стариков обмолвился хотя бы словом о том, что кто-то когда-то там жил, — в раздумье произнес старожил.

Егор Дмитриевич не мог знать, что в давние времена огромный овраг, вытянувшийся с севера на юг на много километров, был многоводной рекой, которую питали мощные родники, и древние люди основали в его устье поселение. Шли века и тысячелетия, поколение сменяло поко-

ление, и ветры времени высушили реку, засыпали человеческие следы. Так всякое упоминание о древнем народе исчезло.

— Если там хорошенько покопать археологам, то не только медные слитки, но и золото, и серебро можно найти. А эти немые свидетели старины многое сумеют рассказать людям. Находка твоя, бесспорно, ценная, ее надо непременно показать моему знакомому — директору Оренбургского краеведческого музея Попову. Бывал он в наших краях до войны, все допытывался: не встречал ли я в степи насыпные курганы — мары.

Потеряв всякий интерес к слиткам, Рамазан бегло осмотрел поверхность водоема и, перенеся вопрошающий взгляд на сумрачное лицо сторожа, с нетерпением ждал от него вестей о дяде. Перехватив пронизывающий взгляд, Егор Дмитриевич сказал в сердцах:

— Нет твоего родича и здесь. В сельсовете говорят, что уж больно загадочный случай. Третий день идет, а его нет ни в живых, ни в мертвых...

Огорченный неудавшимся днем, мальчик засобирался в дорогу.

— Вот что, Рамазан, ты больно-то не кипятись. Оставайся-ка на денек огород сторожить, а я утром дачным поездом в Оренбург поеду, — пытался отговорить его от поспешного решения старик: — Не терпится мне показать специалистам музея твою находку. А вечером вернусь и расскажу. Так что не майся, все завтра прояснится.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Расплата. В парикмахерской. В Оренбургском краеведческом музее. Искорка надежды. Нашествие

Вечерело, когда Егор Дмитриевич, сложив в мешок находку, а заодно и просохшие шкурки зверьков, чтобы сдать их в пушном приемном пункте, отправился домой. Помахав ему на прощанье, Рамазан взобрался на ворох моркови, надерганной за день женщинами, и на правах сторожа осмотрел вытянувшийся вдоль левого берега реки массив. На многих картах, расчерченных оросителями, урожай был собран, лишь большое картофельное поле с поникшей ботвой соперничало с зеленой плантацией, на которой созревали большие кочаны литой капусты. В зареве заката ярким багрянцем пламенели берега, поросшие орешником, красным талом, душистым шиповником.

Чуть ниже плотины со стороны степи по склону спускалось к реке небольшое стадо телят, которых торопили два пастуха-подростка, беспрерывно щелкающих кнутами.

Рамазан выбрал сочную морковку, потер ее ладонями и аппетитно захрустел, поглядывая на широкую ленту водоема, где, искрясь, медленно догорал яркий отблеск зари. Налюбовавшись игрой мелких рыбешек, Рамазан снова перевел взгляд ниже плотины. Телята, достигнув тропы, бегущей вдоль реки в деревню, и ступив на нее, один за другим вытягивались в пеструю веревочку. Крупный белолобый бычок, меланхолично ступая по стежке, увлекал за собой все стадо в заросшую густой порослью низину, по дну которой бежал широкий ручей, вливавшийся в Елшанку.

Вдруг там, куда только что спустилось стадо, вечернюю тишину разрезал душераздирающий крик: «Во-олки, помоги-и-те, во-олки!» Эти леденящие сердце звуки током передались юному охотнику и его зверогонам. Повскакав со своих мест, собаки устремили цепкие взгляды в сторону подозрительного шума. С низины, задрав хвосты, разом вымахнуло на бугор несколько обезумевших от страха телят. Следом, по тропинке, с громким плачем бежали перепуганные пастушата. И тут Рамазан увидел матерого волка, догоняющего белолобого бычка. Борзые, приметив зверя, в страстном порыве помчались за ним. Вслед за ними с вороха моркови кубарем скатился мальчик. В его воображении возникла картина нападения на стадо не двух-трех волков, а большой стаи, которая не успокоится, пока не перережет всех телят.

«Главное сейчас не мешкать, скорее туда — за плотину», — торопил себя Рамазан. Уже «на бегу» он видел, как борзые, одним махом переплыв неширокий водоем, ухо к уху мчались наперерез светло-рыжему волку, уже успевшему зарезать бычка и догонявшему очередную жертву. Страсть резать и резать без конца, пока глаза видят живую добычу, не раз подводила волков, за что они расплачивались собственной шкурой. Такая участь ожидала их и сегодня.

Борзые, отрезав путь матерому, не бросились в драку, опасаясь его больших размеров, а лишь оплывали его под собственный аккомпанемент, поджидая тяжелого на бег Тарлана. Зверь, увидев бегущего на него волко-пса и, видимо, оценив его мощь, собрался в тугую пружину для броска. Уже через миг волк и Тарлан сшиблись в кровавой схватке, поднявшись на дыбы. Борзые, столк-

нув двух разъяренных гигантов, ринулись на пирующих в зарослях полыни переярков¹. Заслышав подозрительный треск в бурьяне и учуяв запах собак, волки нехотя оторвались от только что зарезанного ими теленка и бросились на борзых. Подскочив к нападавшему волку, Актарнак так сильно рванула его за загривок, что он перевернулся задом к ней, а улучив момент, вцепилась ему в горло, опрокинув на спину. Актыс схватился пасть в пасть с другим крупным, но очень худым волком, однако, не рассчитав свои силы, жестоко поплатился: с откушенной напроочь нижней губой покатился в неистовом «плаче». Волк, бросившись на поверженного Актыса, схватил его за горло, но тут же отскочил, нервно тряся головой.

Шея у тазы, как и зубы, «кусалась» и повредила зверю пасть. Широкий ошейник, унизанный тремя рядами острых медных гвоздей, спас собаку от неминуемой гибели. Струсив, волк-переярок бросился в дальние заросли орешника. Оправившись от неудачи, обозленный Актыс, сопровождаемый Актарнаком, бросился за ним по горячим следам.

По всему берегу слышались грызня, вопли, грозный рев и шелканье зубов, — все было в этих звуках схватки, называемых охотниками-борзятниками потехой.

Перебравшись на противоположный берег по камне-набросной плотине, через гребень которой с шумом струилась вода, Рамазан увидел в низине волчицу, рвущую зарезанного ею теленка. Занятая этим, она не слышала за шумом воды, как к ней вплотную подобрался человек. Почуяв запах своего врага, зверь вздрогнул, взъерошил на загривке шерсть, прижал уши и заклацал зубами, обнажив большие желтые клыки. Но юный охотник не растерялся и предупредил нападение разъяренного зверя. В хорошо отработанном броске Рамазан метнул в него тяжелый охотничий нож. Смертельно раненная волчица еще пыталась дотянуться до охотника, чтобы вцепиться в него мертвой хваткой, но силы уже оставили ее.

Рассчитавшись с волчицей, успевшей порвать двух телят, Рамазан направился было вверх по тропе, как вдруг услышал нарастающий бег какого-то зверя и приготовился к обороне. Из-за кустов вихрем выскочил Тарлан. Он был страшен: свирепо оскаленная пасть с огромными клыками, окровавленная морда и дыбом поднятая

¹ Волк-переярок — из прошлогоднего помета.

на загривке шерсть. Увидев своего повелителя у поверженного им зверя, подбежал к нему, лизнул в щеку большим шероховатым языком и, отбежав на бугор, устремил взгляд вниз по тропе.

Глядя на Тарлана, Рамазан не мог налюбоваться его огромным ростом, лапами толщиной в человеческую руку, большой лобастой головой на могучей шее, плечами, ребристой грудью, из которой ниже ошейника струилась кровь. Перед ним стоял разгоряченный схваткой гигант, жадно ищущий влажным носом подозрительные запахи. Увидев выгнанных борзыми двух переярков и прибылого¹, бегущих вверх по склону в степь, волко-пес помчался во все ноги за ними. Завидев погоню, волки в нерешительности остановились и, видно, оценив свое превосходство, бросились навстречу преследователю. Рамазан не раз видел, как Тарлан вступал в борьбу не только с одним, но и с несколькими волками, не позоря себя постыдным бегством. Предвидя неравную схватку, Рамазан не мог не поспешить за ним, чтобы при необходимости оказать посильную помощь своему другу.

Приблизившись к волкам, Тарлан сбил грудью бросившегося на него переярка, перескочил через него и, вцепившись в плечо прибылому, не ожидавшему столь дерзкого нападения, спустил ему шкуру с левого плеча. Рамазан подоспел к самому разгару кровавой схватки. Не раздумывая, он бросился в свалку, а улучив момент, погрузил нож в волка-переярка, намертво вцепившегося в живот слабеющему на глазах Тарлану.

Пойма реки незаметно погрузилась в сумерки, а с ними и схватка с волчьей стаей подошла к концу. Разыскав и собрав с помощью собак богатую добычу, Рамазан разложил костер и, не откладывая на завтра, принялся снимать с серых разбойников шубы, чтобы сдать их в приемный пункт и получить вознаграждение в виде муки и круп. Его собаки затравили семь волков, успевших зарезать шесть телят. Уставшие собаки — кто с разорванным ухом, а кто прихрамывая — располагались на отдых, тщательно зализывали кровоточащие раны, вытаскивали из шерсти нацепившиеся репы. В ярких отблесках костра у Актыс, лишившегося губы, четко просматривался нижний ряд зубов будто в застывшей навсегда «улыбке».

Со стороны деревни Мертвые Соли еще долго неслись в темноту призывные голоса женщин и детей, тщетно

¹ Прибылой волк — родившийся в этом году.

зовущих ласковыми именами не вернувшихся с пастбищ домой «борек», «зорек» и «мишек». В полночь с окраины деревни по реке прокатился ружейный выстрел, дружно залаяли дворовые собаки, а вскоре до слуха Рамазана донесся нарастающий топот лошадей. Навострив уши, с лежек поднялись борзые-тазы и, отступив в темноту, затаились. Вскочив в полосу света, четверо верховых сменили рысь на шаг, а подъехав к костру, придерживали лошадей и спешили. Окинув беглым взглядом развешанные по кустам волчьи шкуры и поняв без слов, что здесь произошла жестокая схватка, молча направились к мальчику, в недоумении рассматривающему ночных гостей, вооруженных вилами.

— Никак Рамазан?! Вот пострел, и тут поспел! — услышал юный охотник знакомый голос председателя.

Присев рядом с мальчиком, Михаил Егорович, лукаво заглянув в его посветлевшее лицо, сказал с жаром:

— Ловко же ты посчитался с серыми разбойниками! Спасибо тебе и твоим собакам от всех селян.

Потом, бросив взгляд в сторону спутников, рассматривающих огромную шкуру матерого волка, многозначительно спросил:

— Что решили, правленцы, выдадим охотнику заслуженное вознаграждение за волков?

— За такой подвиг как не выдать! Завтра и вручим полагающихся ему овец, — ответил за всех приземистый старичок, мерявший вершками шкуру матерого.

Никто не заметил при скупом свете костра, каким серьезным и даже торжественным было лицо мальчика, довольного тем, что ему удалось принести пользу.

Идущая на убыль ночь еще крепко обнимала отдыхающую в ее объятиях землю и мирно спавшую у реки деревню, но никто из ночных гостей и не думал об отдыхе. Одни мастерили из толстых веток правилки, другие обезжиривали и одевали на них повлажневшие от выпавшей росы шкуры волков. Михаил Егорович ни на шаг не отходил от юного друга, без умолку рассказывая ему о поездке в Соль-Илецкий госпиталь, над которым они шефствуют.

На востоке занимался рассвет, когда последние шкуры были перенесены к шалашу и развешаны для просушки на наскоро сколоченной перекладине. Проводив так кстати приехавших помощников, Рамазан откинулся на широкую спину лежавшего рядом Тарлана и долго не мог заснуть, все еще находясь под впечатлением событий минувшего дня...

Попыхивая парами, к началу рабочего дня на станцию Оренбург прибыл дачный поезд из Акбулака. За рекой Урал поднималось солнце и все больше захватывало своими цепкими лучами просыпающийся город. Выйдя из переполненного пассажирами вагона на перрон, Егор Дмитриевич вскинул на плечо мешок с тяжелой ношей, пересек привокзальную площадь и пошел в центр города. На улице, где находился краеведческий музей, он остановился у распахнутых дверей парикмахерской, подкрутил усы вразлет и уверенно вошел в просторный и светлый салон с пустующими креслами. Пошарив глазами, Егор Дмитриевич увидел в дальнем углу скупающих на диване мастеров, а когда снимал с онемевшего плеча тяжелый мешок, как-то неловко грохнул о пол слитками.

— Что же вы, товарищ клиент, претесь со своими железками в передний угол?! Разве нельзя было оставить их у входа? — сильно картавя, с гневом обрушился на старика лысеющий толстяк с большим орлиным носом.

— Выходит, нельзя! — спокойно ответил Егор Дмитриевич, усаживаясь в крайнее кресло.

— Экая драгоценность ваши железки! — покачивая головой, не унимался сердитый мастер.

— Если бы железки, тогда другое дело. В мешке у меня золотые слитки, а может быть, что и подороже! — решил осадить не в меру расходившегося парикмахера старик.

— Золото?! — вырвался невольный возглас у толстяка, подскочившего на диване как на иголках.

— Целый пуд, — продолжая подливать масла в огонь, шутил Егор Дмитриевич.

— Что собираетесь делать со своим сокровищем, если не секрет? — подойдя к креслу, мягким заискивающим голосом спросил любопытный парикмахер.

— Гм, вот займитесь моими самсоновыми кудрями, тогда и расскажу все по порядку, — похлопав по густой копне седых волос, пообещал старик.

— Руфочка, постриги клиента! — бросил скороговоркой мастер худенькой девушке с тонкими и красивыми чертами лица, дополненными непомерно высокой прической с завитками на висках.

Когда на пол упали первые пряди волос, Егор Дмитриевич слегка прокашлялся и под убаюкивающее журчанье электромашинки начал издали:

— На клад, что лежит в мешке, указал сурок в степи, а выкопали его собаки вместе с мальчиком-охотником. Сокровище я привез в дар краеведческому музею, пусть...

— Зачем музею, да еще бесплатно? — бесцеремонно прервав рассказчика, встревожился парикмахер и, склонившись к уху странного клиента, вкрадчивым голосом зашептал, расплываясь в угодливой улыбке: — На ваш клад найдутся покупатели, которые с большой охотой приобретут все золото за хорошие деньги.

— Золотой клад не огурец: вырастил да продал без оглядки. Такой находкой, что в мешке, нельзя шутить — обожжет, да так, что не успеешь опомниться, как за решеткой окажешься, — метнув сердитый взгляд на скисшую физиономию дельца, подытожил Егор Дмитриевич.

— Ну-у, уж сразу тюрьма! На первый случай простят, если, конечно, влипнешь по своей неосмотрительности, — не унимался толстяк и, склонившись над мешком, попросил: — Нельзя ли взглянуть на ваше золото, хотя бы одним глазком?

— Почему нельзя! Смотрите сколько вашей душе угодно! — многозначительно подмигнув улыбающейся парикмахерше, разрешил старик.

Предприимчивый делец развязал мешок, достал из него слиток и, подойдя с ним к окну, принялся тщательно осматривать с помощью извлеченной из нагрудного кармана сильной лупы. Попробовав на зуб подозрительный металл и наконец сообразив, что старик разыграл его, позеленел, как тот слиток, от стыда и злости. Небрежно швырнув тяжелую лепешку обратно в мешок, мастер направился к дивану, откуда донесся приглушенный смешок его коллег, внимательно следивших за происходящим на их глазах. Проходя мимо Егора Дмитриевича, он замедлил шаги и, вперив негодующий взгляд в его спину, бросил на ходу:

— Ваше самоварное золото и гроша ломаного не стоит, а вы с ним как с писаной торбой носитесь!

— Для нас с вами это просто медь, а для музея — бесценная находка, которую наверняка оценят по достоинству археологи, — вставая с кресла, заключил довольный своей игрой старик и, расплатившись за стрижку, направился к выходу, захватив по пути злополучный мешок с медными слитками.

На улице, вдыхая свежесть осеннего утра, любуясь архитектурой прошлого века и плывущими над крышами домов перистыми облаками, Егор Дмитриевич снова по-

чувствовал себя молодым. Он еще больше повеселел, когда увидел уставившиеся на него медные жерла пушек, охранявшие вход в двухэтажное здание, где хранилась живая история Оренбургского края. Войдя в вестибюль областного краеведческого музея, Егор Дмитриевич подошел к окошечку кассы и, заглянув вовнутрь, спросил у молоденькой кассирши:

— Могу я видеть директора музея? Дело к нему важное!

— Сергей Александрович только что прошел к себе наверх, так что вы можете подняться к нему, — неприступно взглянув на странного посетителя, вежливо предложила кассирша.

— Как-то неловко вот так, с мешком, да еще в сапожищах, идти по музею. Если можно, попросите Сергея Александровича спуститься вниз, а я здесь подожду.

Не мешкая ни минуты, расторопный ходок разложил на подоконнике находку и, уставившись на посеревшую, а местами облупленную лепку когда-то богато оформленного вестибюля казенной палаты, задумался. Он не заметил, как к нему бесшумно подошел директор и, сдерживая радостное волнение, положил руку на плечо.

— С приездом, Егор Дмитриевич! — произнес директор и, как бы упрекая, дружески заметил: — Долго же вы собирались заглянуть в наш музей! Лет пять, поди?

Обернувшись на знакомый голос, Егор Дмитриевич крепко пожал руку своему давнему другу и, озадаченный его нездоровым видом, спросил:

— Что же это вы, Сергей Александрович, захирели, на себя не похожи? — сокрушенно покачивая головой, заметил он и, увидев на лице директора тень смущения, резко повернулся к окну. Показав на слитки и черепки, разложенные на мешке, сказал не без гордости: — Вот привез, посмотри, что к чему.

Тщательно осмотрев находку, директор с нескрываемой радостью заметил:

— Бронзовый век, — и, посмотрев в довольные глаза приятеля, подчеркнул: — У нас таких экспонатов нет, ваш первый.

— А что известно об этом времени? — спросил Егор Дмитриевич.

— Две тысячи лет до нашего летосчисления, — начал Сергей Александрович, — люди впервые научились плавить цветной металл для изготовления медных топоров, сосудов, наконечников к стрелам и других поделок. Как

готовую продукцию, так и медные слитки они обменивали на различные предметы в ближних и дальних родственных общинах, — и, кивнув на находку, заключил: — Сосуд и слитки, бесспорно, ценное приобретение для музея. Они дают ценную информацию о племенах, обитавших на юге Оренбуржья, а это значит, по существующему положению я обязан выплатить вам вознаграждение.

— Находка не моя, а мальчика-охотника. Его собаки раскапывали сурчиную нору и случайно наткнулись на нее. Так что собакам деньги ни к чему, а мальчик просто не возьмет их — гордый, живет в основном охотой, — и, грустно улыбнувшись, сказал: — Истратьте эти деньги на что-нибудь поважнее. Дыр-то, небось, и у музея сейчас хватает.

— Что ж, спасибо, Егор Дмитриевич, вам и мальчику-охотнику за ценный подарок. Передайте ему, чтобы зашел ко мне, когда будет в Оренбурге. Мне очень хочется, чтобы мальчик сам показал место находки, а раскопками займемся после войны, — сейчас не время, да и средств нет, — подытожил Сергей Александрович и, взяв под руку друга, повел его по залам музея.

После осмотра археологических коллекций, рассказывающих о глубокой старине Оренбургского края, Егор Дмитриевич распрощался с директором и налегке направился на Зеленый рынок. Отыскав пушную лавку, отоварил шкурки хомяков и, получив муку, здесь же, на толчке, обменял ее у торговли на поношенные брюки для Рамазана.

«Нельзя ему в коротких штанишках — осень пришла. Ноги у него хотя и без пользы, а все же мерзнут по утрам, сам видел, как прикрывал хвостом волко-пса», — рассуждал заботливый старик, укладывая брюки в мешок.

По пути на вокзал Егор Дмитриевич вспомнил о своих сыновьях, которых вырастили с женой Евдокией Семеновной будто специально для войны. Первая похоронка пришла на старшего сына — танкиста Николая, а совсем недавно на среднего — Ивана, геройски погибшего под Минском. Лишь теплые письма с фронта младшего Александра — командира пулеметной роты — согревали их истосковавшиеся сердца.

Во второй половине дня Егор Дмитриевич сошел с поезда Челябинск — Саратов на разъезде Боевая гора и, не заходя домой, пошел напрямик к своему шалашу. Еще издали он обратил внимание на сколоченную наспех пере-

кладину, на которой висели семь волчьих шкур с помахи-
вающими на ветру светло-серыми хвостами. Когда подо-
шел поближе, то увидел большой бригадный котел, в
котором кипел, выплескиваясь через край, наваристый
борщ, распространяющий запах свежей баранины. Следя
за огнем, на траве сидел Рамазан. Егор Дмитриевич со
знанием дела осмотрел каждую из шкур, подергал ворс и,
не скрывая восторга, спросил у Рамазана:

— Как тебе удалось добыть столько серых разбойни-
ков?

Подбросив в костер сухих коровьих «лепешек», Рама-
зан кивнул в сторону своих зверогонов, как бы сказав
этим, что это их работа, а он здесь ни при чем.

— Молодцы! Поди, все жители деревни рады, а боль-
ше всех председатель колхоза Волков? — поздравил
Егор Дмитриевич охотника и, подумав, добавил: — Тебе
за такую охоту от колхоза натуральная премия полагает-
ся, да и от «Заготживсырья» немалая.

— Нет, дядя Егор, не могу я взять с колхоза по овце
за каждого волка. Колхозники помогли мне в поисках
дяди, а я им — избавиться от волков, так что в расчете! —
потупив глаза, спокойно ответил мальчик.

— Что ж, вольному воля, — сказал старик, немного
смутившись.

Смахнув со лба проступившие росинки пота, Егор
Дмитриевич развязал мешок и, заглядывая в загоревшие-
ся любопытством глаза Рамазана, подал покупку.

— Вот тебе, сынок, обновка. Носи на здоровье — сам
заработал!

С радостью приняв поношенные брюки, мальчик надел
их на непослушные ноги и, в благодарность за заботу, с
лукавой застенчивостью прижался щекой к плечу сторожа.

Окинув взглядом пустеющий день ото дня огород,
Егор Дмитриевич повел неторопливый рассказ о поездке
в Оренбург.

— Значит, бронзовые слитки и разбитый горшок ока-
зались ценнее клада Емельяна Пугачева?! — воскликнул
Рамазан.

— Выходит, что так! — развел руками старик и,
подумав, пояснил: — Золотая казна Емельяна Пугачева,
конечно, ценна по-своему. Но ее нет, да и была ли она,
кто знает! Твоя же находка налицо. Лежит себе под
стеклом в музее да рассказывает древнюю историю наше-
го края.

После позднего обеда, когда женщины ушли доканы-

вать картошку, Рамазан начал собираться в дорогу. Егор Дмитриевич не стал его отговаривать, а лишь сказал со вздохом:

— Что ж, иди! В жизни каждый стремится к чему-то, ищет, а ты со своим упорством и характером обязательно найдешь верную дорогу, — и, помолчав, сказал с уверенностью: — За дядю своего больно-то не убивайся — найдется живым и здоровым, уж ты поверь моему слову.

Взобравшись на Тарлана, угодливо подставившего спину своему повелителю, Рамазан отправился правым берегом реки домой.

Станный, все нарастающий шум, подобно треску пламени, накатывался с юга.

— Не хлеб ли горит? — встревожился Рамазан, отрывая взгляд от тропы.

Из-за холмов, столпившихся у горизонта, затягивая голубой свод неба гигантским колышащимся занавесом, летели несметные полчища крылатых насекомых. Зловещая тень, падающая от живой тучи на землю, неотвратимо ползла и ползла по созревшим нивам, строго следуя избранному пути на север. Еще яркий предзакатный день заметно стал тускнеть, словно приближалось затмение солнца. От предчувствия надвигающейся беды у Рамазана больно сжалось сердце, как-то само собой потянуло в деревню, к людям.

В матово-зеленом свете, окутывающем степь, в глаза бросалось странное поведение животных. В пасущемся на склоне балки стаде тревожно мычали коровы. Задрав хвосты и взбрыкивая задними ногами, в деревню Черновку мчались телята. Взвивая дорожную пыль, мимо проскакал табун лошадей. Черный, как ворон, жеребец, разбросав по ветру гриву, вдруг резко остановился, встал на дыбы и, круто развернувшись навстречу накатывающейся живой волне, принялся неистово молотить передними ногами наполняющийся металлическим скрежетом воздух. Почувя легкую поживу, со всех сторон спешили птицы. Степные орлы, полевые луны, коршуны, вороны врывались в плотный строй, хватали крупных кобылок и тут же на лету пожирали их.

Когда Рамазан подъехал со стороны огородов к деревне, то увидел в ней заметный переполох: блеяли прибежавшие с выгона овцы; занимая насест, кудахтали куры; с гоготом летели с речки гуси; по двору с остервенелым визгом носились свиньи. Все спешили укрыться от нашествия саранчи в сараях или под навесами. На первых

порах люди не понимали, что творится вокруг, а когда пригляделись к зловещей туче, растянувшейся по всему небосклону с выползающим из-за горизонта бесконечно длинным хвостом, то забеспокоились.

Лишь тогда, когда правый фланг крылатой армии накрыл деревню и послышалась частая дробь падающей от усталости саранчи, люди принялись закрывать ставни и двери в домах и сараях. Прервав уборку хлебов, с полей в деревню мчались на взмыленных лошадях колхозники. Послышались выстрелы охотничьих ружей, удары в рельс, в ведра, жестяные заслонки. Люди пытались шумом отогнать саранчу, расплзающуюся в поисках пищи в разные стороны.

Но что значил поднятый всей деревней звон по сравнению с шумом, который производила многомиллиардная армия летящей саранчи! Рамазан с чувством тревоги и омерзения подъехал к крайней избе и укрылся под старым разлапистым карагачом, с которого, словно переспевшие плоды, падала желто-зеленая саранча. Поймав одну из них на лету и положив на ладонь, мальчик внимательно стал рассматривать шестиногое существо. Длинноногая кобылка, распустив крылья, занимала всю детскую ладонь. Она была вооружена своеобразным буравчиком на конце хвоста, с помощью которого пробурирует в земле отверстие, куда откладывает кубышки с яйцами. Внешне саранча походила на заводную лошадку с огромными навывкате глазами и небольшими антеннами. Изголодавшись за длинную дорогу, она часто перебирала челюстями-пилами и больно кусалась, смазывая места укусов коричневой слюной.

Повсюду, как само собой разумеющееся, стихийно рождались меры борьбы с незваной гостьей. Куры, гуси, утки, заметив из укрытия ползающих по двору жирных кобылок, сначала с опаской, потом осмелев, с ожесточением принялись клевать их в головы, а убив, тут же проглатывали целиком. Люди, увидев из окон, как птицы ловко расправлялись с саранчой, похватав веники, метлы, а кто и лопаты, поспешили на огороды, в поля спасать урожай.

Надвигался вечер. Полчища саранчи и не думали прерывать путешествие, с гулом продолжая свой путь на север и направив черное острие главных сил чуть западнее Оренбурга. Колышущийся волнами гигантский занавес плыл на высоте от двухсот до тысячи метров над землей со скоростью резвой лошади. Он рассеивал на

своем пути миллионы ослабевшей саранчи. Более получаса стоял над деревней монотонный гул, но постепенно он стих, а на смену ему выглянуло уходящее на закат солнце. Оно высветило снизу удаляющуюся огромную тучу, отливающую бледно-розовыми языками угасающего пламени.

— Слава богу, пронесло! Не то бы без хлебушка остались, все бы слопала ненасытная, — выходя из калитки, со вздохом облегчения произнес ветхий старичок, обращаясь к высунувшейся в окошко повеселевшей старушке.

Заметив расположившихся под деревом Рамазана и его охотничьих собак, он приладил козырьком руку ко лбу, всмотрелся слабыми слезящимися глазами в посуровевшее лицо мальчика и спросил у него глухим надтреснутым голосом:

— Куда путь-то держишь, охотничек?

Пораженный только что пережитым, Рамазан вздрогнул, в недоумении посмотрел на приветливого старца и вместо ответа лишь махнул рукой в сторону чернеющего востока. С ловкостью проворной кошки он вскочил на Тарлана и поехал навстречу надвигающейся ночи, щедро развешивающей над притихшей степью яркие узоры из больших звезд.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПУТЬ К СЕБЕ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На лыжах волку в пасть. Ледоход. Встреча с Рамазаном. Гипсовая гора. Щедрый дар природы

Из стылого коридора школы с веселыми переливами ворвался в 6 «Б» звонок. Иззябшие за урок ученики, с трудом дослушав математичку, объяснявшую новую тему, вслед за ней высыпали из класса. Всеми двигало одно желание — побыстрее согреться. Мальчики первыми включились в игру, всячески старались вовлечь и девочек, стоявших особняком у залитой солнцем стены, словно пригревшаяся на солнцепеке стайка куропаток.

— Фф-у-ух, жарко! — с трудом выбравшись из образовавшейся кучи малы, выдохнул Витя Ельчанинов и, смахнув рукавом пальто со лба росинки пота, одного за другим вытащил за ноги своих закадычных друзей — Володю Лобачева и Женю Булгакова.

— Хватит, согрелись, пора на угол бежать! — на правах старшего сказал Витя и первым помчался к выходу.

С морозным скрежетом распахнулась заиндевевшая дверь. Мальчики, нырнув в густой морозный воздух, побежали на перекресток Советской и Уральской улиц, где на А-образном столбе висел огромный фанерный щит с нарисованной на нем картой фронта. Быстро пробежав до угла, мальчики в нетерпении устремили свои цепкие взгляды на сверкающую блестками инеем карту. Пробежав глазами по красным флажкам, обозначавшим линию фронта от Баренцева до Черного моря, разом заговорили:

— У хваленной немецкой армии вся техника работает на эрзац-бензине¹. Вот и подбираются, как стая голодных волков, к добыче! — со знанием дела вставил Витя.

— Не видать им Баку как своих ушей! — махнул рукой, будто отрубил, Володя и, кивнув на карту, с

¹ Эрзац-бензин — бензин, полученный из угля.

гордостью продолжил: — Вон в Сталинграде фрицы по самую шейку завязли и ни с места! Лупят их там наши красноармейцы так, что самому Гитлеру тошно, — и, помолчав, тихо добавил: — Как там отец, жив ли?

— Мой папа под Старой Руссой. Давно там наши стоят в обороне и ни шагу назад. Видно, силы копят для удара! — с гордостью подытожил Витя.

Жене Булгакову — эвакуированному москвичу нечего было сказать о своем отце, бухгалтере, погибшем три года назад в автомобильной катастрофе. Отойдя от щита, он тихо позвал друзей.

— Пора на урок, перемена кончается! — и, увлекая за собой ребят, побежал по накатанной санями дороге в школу.

Не успели мальчики переступить порог класса и перевести дыхание, как к ним подошла Тамара Калагирева, хорошо знавшая, куда бегают во время большой перемены однокашники.

— Что нового на фронте? Есть изменения? — сыпала она один за другими вопросы.

— Есть, и большие! — резко ответил ей Володя и, смерив беглым взглядом хрупкую фигурку Томи, зло добавил: — Еще спрашиваешь! Будто не слушаешь радио, газет не читаешь?!

— Газеты читаю и «От Советского Информбюро» по вечерам слушаю. Только на той карте, что висит у районной библиотеки, нагляднее, — обидевшись на Володю, оправдывалась Тамара и наконец, поняв по злым лицам ребят, что обстановка на фронте сложная, вышла из класса насупившись.

Греясь у слабо протопленной печи, Витя предложил друзьям:

— Не махнуть ли нам после уроков на Балобанное озеро порыбачить? — и крикнув, тихо добавил: — Дома хоть шаром покати — пусто.

— В такую даль на лыжах сходить можно, но только в воскресенье, с утра, — как-то неуверенно поддержал его Володя.

— До выходного дня далеко, надо сегодня обязательно! — горячо убеждал друзей Витя и, опустив голову, тихо договорил: — Сестренка, Машенька, совсем слабенькая после желтухи. Да и мама окончательно простыла при упаковке соли на руднике. Ушицей бы их порадовать.

— Далековато, к вечеру только туда и доберемся! — продолжал уклоняться от прямого ответа Володя.

— Сейчас ночи светлые, можно и при луне поблеснить часика три-четыре. Надергаем щучек да окуньков и айда домой! Глядишь, вернемся к полуночи, — продолжал убеждать друзей Витя.

— Ночью опасно, волки по всей пойме Илека рыщут, чего доброго нападут и в клочья разорвут, — пытался отговорить упрямого друга Володя.

— Эх ты, трусишка, волков испугался! А еще разведчиком собираешься стать! — вмешался в разговор Женя.

— Мальчики! Про каких вы тут волков говорите? Про настоящих, живых? — приятным голосом пропела за спиной ребят Алла Лесничая, нечаянно подслушавшая разговор друзей.

— Ты что, Лесничая, лисой тут крутишься да все вынохиваешь? — обрушился на белокурую отличницу Витя.

— Девочки! Идите сюда! — позвала Алла вошедших в класс Люду Малышеву и Катю Куприянову. — Вот, полюбуйтесь, — красивым жестом указала она на при-
смиривших мальчишек. — На волков собираются! Ха-ха-ха! — закатилась она звонким издевательским смехом.

— Где им до волков, когда писка мышиного боятся! — хлестнув по мальчишеской гордости, поддержала ее Люда.

— Мой дедушка, тот — настоящий охотник! — включилась в разговор Катя. — У него ружье и капканы имеются. Редко когда возвращается с охоты без лисьей горжетки или зайчика, — похвалялась она в свою очередь.

— Хватит вам, сороки-белобоки, тараторить! — с трудом дослушав колючих на язык девочек, прикрикнул Женя.

Выслушав ядовитые реплики одноклассниц, Витя с укором посмотрел в сияющее лицо Кати и резко спросил:

— Где был твой дедушка-охотник, когда стая волков почти у вашего дома расправлялась с отарой колхозных овец!? Небось, на печке сидел! Да если бы у нас было хотя бы одно ружье, — продолжал он, распаляясь, — мы всех волков бы порешили, и не только в пойме Елшанки, но и на Илеке.

— Ой, девочки, держите меня, падаю! — притворно откинув головку с толстой каштановой косой, томно пропела Катя и, видно, решив окончательно сразить ребят, зло выпалила: — Трусишки вы хорошие, а не охотники!

Звонок на урок вмиг усадил за парты споривших ребят. Вслед за Раисой Павловной, ведущей уроки рус-

ского языка и литературы, вошла староста класса Шура Голубева. Осторожно, будто горку хрупкого хрустали, несла она на фанерке 50-граммовые кусочки водянистого хлеба. В нем было все: мерзлая картошка, отруби, овес, чечевица, жмых и лишь немного ржаной муки для связи. Большинство учеников с затаенной радостью ждали эти пайки, которыми так кстати поддерживали учащихся школ в тяжелые годы войны. Шура медленно шла между рядами парт и, священнодействуя над разваливающимися на глазах кусочками темно-синего хлеба, аккуратно раскладывала их перед каждым учеником. Лишь немногие, у которых главный кормилец семьи был дома по инвалидности или брони, еле заметным движением головы отказывались от хлеба, зная, что причитающийся им паек попадет более нуждающимся. Те, кто ждал эти радостные минуты встречи с дорогим и таким нужным после большой перемены кусочком хлеба, получив его, отламывали по крошке и, заложив за щеку, бесшумно посасывали, как в довоенные годы любимую конфетку.

— Не ешьте, оставьте для похода! На морозе хлеб куда кстати и слаще! — шептал Витя в спины друзей, сидящих перед ним на одной парте.

Тем временем Раиса Павловна, бросая короткие взгляды на учеников, отмечала в классном журнале отсутствующих на уроке. Закончив проверять, она окинула строгим взглядом затаившихся учеников и приказала:

— Всем мальчикам, без исключения, снять шапки. Девочкам обязательно сидеть на уроках с покрытой головой, холодно, — и, глянув на Тоню, сидевшую с Витей, мягко спросила: — Дорофеева, почему не посещала школу целых три дня?

Гремя кованными армейскими ботинками, из-за парты вышла высокая и очень худенькая девочка. Потупив взор, Тоня тихо ответила:

— Валенок у меня нет, а на улице все эти дни стояли морозы с ветром.

— Как же твои родители на прогулы смотрят? — удивленно спросила Раиса Павловна, недавно ставшая классным руководителем 6 «Б» и не знавшая о том горе, какое постигло семью Дорофеевых.

— Нет их, погибли на фронте. Папа в начале войны, а на маму недавно пришла похоронка, — с большим трудом выдавила ученица и еще ниже склонила голову.

— Извини, Тоня, не знала я о вашем горе, — и, помолчав, спросила доверительно: — Мама кем была на фронте?

— Медсестрой, — смахнув со щеки накатившуюся слезу, невнятно ответила Дорофеева, но тут же, спохватившись, поправилась: — Санинструктором в пулеметной роте она служила.

— С кем же ты сейчас живешь?

— Со старшей сестрой. Она в госпитале медсестрой работает.

Учительница задумчиво смотрела на заледеневшее окно. Оторвав долгий взгляд от экзотической растительности, нарисованной морозом на стекле, Раиса Павловна сказала ласково:

— Садись, Тоня, и скажи сестре, чтобы зашла к концу дня к директору школы. Думаю, что районный отдел народного образования поможет тебе с валенками как лишившейся родителей на фронте.

— Спасибо! — поблагодарила ученица и, оживившись, выпалила: — Я, Раиса Павловна, ни по какому предмету не отстала. Ко мне Люда Гаркуль приходила, мы вместе уроки готовили.

— Рада за вас обеих, — похвалила учениц Раиса Павловна и, взяв со стопки двойной тетрадный лист, обратилась к ученикам: — Приступим к обсуждению сочинения, которое вы писали на предыдущем уроке...

После уроков друзья все же договорились о походе на Балобанное озеро, условившись встретиться через час на Елшанском мосту за городом. По пути Витя зашел в магазин, отоварил хлебные карточки, а придя домой, вскипятил на керосинке воду. Заварив кипятком поджаренными корочками тыквы, быстро покормил скудным обедом сестренку-школьницу и ушел, бросив на ходу:

— Я с ребятами на рыбалку, вернусь поздно!

С ломом, будто с винтовкой за плечами, и с заткнутым за широкий армейский ремень топором въезжал Витя на лыжах в условленный час на деревянный скрипучий мост. Глянув на скованную ледяным панцирем Елшанку, сдвинул с разгоряченного лба шапку-ушанку на затылок, оглянулся назад. С солерудницкой горы в пойму реки лихо катились на лыжах-самоделках Володя и Женя. Поджидая их, Витя навалился грудью на перила моста и глянул в сторону ольхового колка¹, вытянувшегося широкой полоской вдоль берега Елшанки. На краю колка, среди запорошенных снегом кустов подлеска, мышковала лиса-

¹ Колки — небольшие подтопленные лесные массивы, состоящие из ольхи, в поймах рек Оренбургской области.

огневка. Вот она остановилась, склонила на сторону голову, прислушалась. Вдруг лиса подпрыгнула, упала головой в пушистый снег и, пропахав острой мордочкой податливую целину, поймала полевку. Чтобы продлить удовольствие после удачной охоты, она отпустила слегка помятую добычу и принялась играть с ней. Схватив полевку передними лапами, лиса бросила ее перед собой, резко подпрыгнула вверх и, упав, зарылась по самые плечи в снег. Наблюдая за игрой лисы, Витя не заметил, как к мосту подъехали его друзья.

— Что там интересного увидел? — спросил у друга Женья.

— Вон, полюбуйтесь, лиса под колком мышей да полевок шерстит! — махнув рукавицей за реку, ответил Витя.

Оттолкнувшись от перил, он торопливо заскользил лыжами по обледеневшему настилу моста, бросив на ходу друзьям:

— День на убыль пошел, спешить надо!

Поднявшись на пригорок, рыболовы свернули со столбовой дороги влево, пересекли лесную полосу и вышли в открытую степь, скованную плотным настом. Не сговариваясь, друзья пустились наперегонки в сторону Балобанного колка, маячившего большой черной шапкой над заснеженной равниной.

Слева от ребят лежали укрытые белоснежным покрывалом обширные луга, затопляемые весной талыми водами. Сюда, для встречи с перелетными птицами, не раз приходили друзья, подолгу любуясь разноцветным живым ковром, устлавшим из края в край разливы. За первые два года войны заметно поубавилось охотников, не стало туристов, и природа, получив короткую передышку, благоденствовала, заметно восстанавливала свои силы. На Базарном озере, что плещется на окраине небольшого городка Илецка, безбоязненно плавают белоглазые и красноносые нырки, низко над водой носятся стайки чирков, по берегу, переговариваясь между собой пронзительным свистом, снуют кулики.

Зимний лес встретил ребят торжественной красотой и звонкой тишиной. На вершинах деревьев, склонившихся под тяжестью снежных кухт¹, сидело с десятков нахохлившихся черных ворон. Заметив неожиданно появившихся

¹ *Кухта* — снежные надувы, образующиеся после обильного снегопада на развилках деревьев.

на бугре людей, птицы с недовольным карканьем снялись с насиженных мест и принялись кружить над лесом.

— Скоро на месте будем, — подбодрив разгоряченных бегом друзей, выпалил Витя и, кинув взгляд на правый край колка, добавил: — Лесок осталось обойти, а там до озера рукой подать.

— Зачем тратить время на объезд, когда через лес, напрямик, намного короче? — возразил Володя.

— Напрямую?! — переспросил Витя и, пытаясь отговорить друга, напомнил ему: — Разве ты не знаешь, что в ольховом колке множество болотистых мест, родников с глубокими незамерзающими криничками? Не успеешь отдохнуть, как по пояс в воде окажешься.

Володя не прислушался к совету старшего и более опытного товарища. Разогнавшись для верности, пригнулся к лыжам и стремительно понесся по крутому склону к заснеженному лесу.

— Стой! Вернись! Погибнешь! — кричали ему вслед друзья. Но где там — поздно!

Не успела на лыжне улечься снежная пыль, а за Володей сомкнуться лес, как, расколов вечернюю тишину, раздался душераздирающий крик:

— Во-олки! Скорее сюда! На по-омощь! — неслись снизу отчаянные вопли Володи, перекрываемые грозным рычанием зверя.

— Володя в беде! За мной, скорее! — крикнул на ходу Витя замешкавшемуся Жене, бросив к его ногам топор.

С ломом наперевес Витя рванулся по готовой лыжне вниз. Ворвавшись в лес, он резко затормозил лыжами и, внимательно всматриваясь, медленно пошел вперед, стараясь разобраться в открывшейся перед ним картине.

Пытаясь освободиться от лыж, в одну из которых в яростной злобе вцепился матерый волчище, в рыхлом снегу копошился перепуганный Володя. Волк изо всех сил тащил его к себе за нос лыжи. Подобравшись вплотную к грозному зверю, Витя занес над его головой лом и тут застыл в изумлении. Оставив в покое изгрызенный нос лыжи, волк попятился назад и, как показалось Вите, загремел цепью. Готовясь к прыжку, волк собрался в тугую пружину, прижал уши, вздыбил на загривке шерсть и, оскалив зубастую пасть с мощными клыками, прыгнул на Витю. Но тут какая-то невидимая сила отбросила зверя назад и послышался отчетливый звон цепи.

— А-а, волчина, в капкан попался, заякорился!? Те-

перь тебе от нас не уйти! — втыкая лом в снег, восторженно кричал Витя.

— Что медлишь?! Огрей серого разок по голове! Чего доброго вырвется из капкана, тогда нам несдобровать, всех в клочья порвет, как овец, — помогая встать Володе на ноги, настаивал перепуганный Женя.

— Зачем убивать такого крупного и красивого зверя? Мы его живьем доставим в город, а завтра всей школе между сменами покажем. Пусть знают наши девчонки, какие мы есть на самом деле. Впредь не будут говорить, что мышиного писка боимся, — так, по-деловому, распорядился Витя дальнейшей судьбой волка.

— Зря ты решил тягаться с таким лютым зверем, да еще с голыми руками! Смотри, как оскалился, так и норовит вцепиться! — оправившись от испуга, советовал Володя.

— Одолеем, нас трое, а волк один, — сказал Витя и, сокрушенно покачав головой, добавил: — Жаль, что без рыбы домой вернемся!

Крупный волк, застрявший потаском¹ между молодыми деревцами, будто привязанная овчарка, сидел на короткой цепи. Дужки рамочного капкана, перехватив заднюю ногу выше скакательного сустава, крепко держали зверя. Посмотрев на свежий след, проложенный волком на снегу со стороны Елшанского колка, Женя высказал предположение:

— Не в капкан ли деда Куприянова угодил зверь?

— Кто знает, может быть, и в его, а доставить волка в «Заготживсырье» нам придется. Зверь еще сильный, оставлять его так нельзя. Отгрызет в отчаянии лапу, и тогда залютует так, что держись скотина! — высказал свои опасения Витя.

Когда снег вокруг волка был разрыт и утоптан, Витя взял топор и, подавая его Володе, попросил:

— Сходи вон к той сушине да сруби ее.

Только Витя с Женей принялись мастерить из лыж подобие санок для перевозки волка, как в той стороне, куда ушел Володя, что-то ухнуло и донесся приглушенный вопль:

— Помоги-ите! Тон-ну-у!

Утопая в рыхлых сугробах, Женя и Витя бросились спасать попавшего в очередную беду товарища. Вытаскивая Володю из полыньи, Витя в сердцах заметил:

¹ К капкану прикрепляется цепь, а к ней — большая поперечная палка, которая удерживает зверя при переходе через заросли.

— Везет тебе, дружище, как тому утопленнику. То чуть волку в пасть не угодил, а теперь угораздило провалиться в воду. Валенки поди промочил, первооткрыватель!

— Немножко есть, но это не беда! Главное, вовремя подоспели, не дали искупаться, — радовался Володя.

Женя, внимательно смотревший на полынью, в которой, намокая, быстро оседал снег, вдруг радостно воскликнул:

— Смотрите! Рыбий хвост из воды торчит!

Не мешкая ни секунды, Витя лег на край полыни и, запустив руку в воду, ловко выхватил золотистого карася.

— Хоро-ош карасик, жирный! Видно, давно живет беззаботно в этой глубокой криничке, отъелся, — потрясая трепещущей рыбиной, радовался удаче Витя.

Забыв на время о волке, друзья решили испытать рыбацкое счастье.

— Выбрасывайте пока снег из полыни, я мигом из лозняка черпалку сделаю, — сказал Витя и направился по старой лыжне на край колка.

Через час на снегу лежала большая горка застывших на морозе карасей. Сложив в мешок улов, Витя вскинул его на спину. Крякнув от удовольствия, он прошелся с ним взад и вперед и заметил:

— С пудик, пожалуй, будет! Так что, друзья мои, не унывайте. Всем на хорошую уху хватит, да еще на большую жареху останется.

Пока друзья были заняты необычной рыбалкой, над лесом начали сгущаться сумерки. Крепчал мороз, отчего намокшая одежда задубела и при малейшем движении гремела, как туго натянутый барабан. Чтобы обездвигить на время лютого зверя, Витя, воспользовавшись старым испытанным методом, оглушил его сушиной. После удара ввалившийся в забытие волк лежал тихо, будто усыпленный. Для большей безопасности ребята вставили поперек зубастой пасти зверя короткую палку и, взнуздав его, пытались привязать к лыжам, но из этой затеи ничего не вышло.

Лай собак, донесшийся со стороны Илека, заставил ребят прервать бесполезное занятие и посмотреть в сторону скатывающегося за горизонт солнца. Там, по лугу, увязая в глубоком рыхлом снегу, большими прыжками бежала к спасительным зарослям лиса. За ней гнались борзые. Достигнув кромки леса, лиса-огневка шмыгнула в заиндевшие кусты лозняка и, пробравшись сквозь

него, красно-золотистой молнией высверкнула с легким треском на открытый снег. Застыв на миг, она осмотрелась по сторонам и, круто повернув влево, побежала в глубину леса, мелькая белым пушком на кончике хвоста. На глазах застывших от изумления ребят произошло невероятное.

Проскочив склонившееся под тяжестью снега дерево, Патрикеевна резко остановилась и, круто развернувшись на месте, помчалась обратно. С разгону она вскочила на поникшую ольху, пробралась по стволу до снежной «постели» и, упав в изнеможении, затаилась. Тут как тут из кустарника показались разъяренные зверогоны. Наполнив лес громким лаем, они устремились по горячему следу лисы. С ходу проскочив под деревом, с которого за происходящим внизу внимательно наблюдала хитрая Патрикеевна, и потеряв след, заметались по лесу. Расширяя охват поиска, борзые нечаянно наскочили на наблюдавших за охотой ребят. Уловив верхним чутьем запах волка, они принялись надсадно лаять, звать появившегося на краю колка охотника.

Объезжая многочисленные родники, болота-ловушки, искусно укрытые от глаз человека пушистым снежным покрывалом, ездовая собака упорно тащила вдоль леса сани-волокушу с неказистым седоком. Выбравшись на санную дорогу, надвое разрезающую ольховый колк, предусмотрительный охотник быстро проскочил его и поехал по снежной целине на зовущий лай лисогонов. Подъехав к ребятам, он отозвал борзых и, успокоив их, спросил:

— Что делаете в лесу? Охотитесь?

— Нет, мы не охотники, а рыбаки. Вот карасей сачком натаскали из родника да на волка случайно наткнулись. Не в твой ли капкан попался зверь? — вступил в разговор Володя, внимательно всматриваясь в охотника и его зверовых собак.

— Капканом я не ловлю зверя. Очень уж жестокий способ охоты, — сказал юный охотник и, подумав, добавил: — Охота с собаками — это естественный отбор. Погибают только больные и слабые животные. А хитрый и сильный зверь всегда сумеет постоять за себя.

В подтверждение сказанному друзья разом посмотрели на склонившуюся к земле ольху, на которой только что, празднуя победу над незадачливыми борзыми, лежала лиса, но ее там не оказалось. Воспользовавшись замешательством собак, Патрикеевна, улучив момент, бесшумно спустилась незамеченной и была такова.

Присмотревшись к охотнику и его четвероногим друзьям, Володя вспомнил Оренбург и мальчика-инвалида, идущего на руках через дорогу. Обрадовавшись неожиданной встрече с давним знакомым, он смело подошел к нему и подал руку:

— Привет, Рамазан!

Пожимая теплой ладонью озябшую руку незнакомого мальчика, юный охотник окинул недоуменным взглядом коренастую фигурку Володи и, пристально посмотрев ему в лицо, спокойно спросил:

— Скажи мне, где и когда мы с тобой встречались?

— В Оренбурге! Прошлом летом я ездил в город на барахолку подобрать себе очки вместо разбитых. А когда выходил из ворот Зеленого рынка, то увидел тебя с собаками, а потом и твоего дядю.

— Нет его, погиб в грозу на переправе через Елшанку, — сказал юный охотник и тяжело вздохнул.

— Где же ты сейчас живешь и с кем? Учишься ли? — сыпал вопрос за вопросом любопытный Володя.

— Живу я у дедушки с бабушкой в Тамаруткуле. Недавно свои знания по всем предметам за пятый класс подтвердил, — и, кивнув в сторону расположившихся на снегу зверогонов, закончил с некоторым торжеством: — Зимой, как видишь, охочусь, себя и стариков кормлю.

— Тебя, Володя, хлебом не корми, лишь бы поговорить, а на улице, между прочим, ночь, пора домой двигаться! — вмешался в разговор Витя и, обратившись к Рамазану, попросил его по-дружески:

— Помоги нам выбраться с волком наверх, а там мы сами сообразим, как довести его до дома.

Без лишних слов юный охотник развернул легкую волокушу, выдолбленную из толстого ствола сухой осины в виде мини-лодки, и мальчишки, положив за его спину в своеобразный багажник присмирившего зверя, тронулись в путь.

Преодолев крутой подъем по рыхлому снегу, ребята выбрались в открытую степь. На темно-синем шатре неба зябко подрагивали звезды. Матовый диск луны, с трудом пробивая морозную мглу, отбрасывал на снегу размытые тени. Под ногами друзей звонко хрустел замороженный стужей и утрамбованный ветром снежный наст. Чтобы облегчить дорогу вновь обретенным друзьям, Рамазан решил доставить волка в Илецк.

Подгоняемые захватывающим дух морозом, ребята быстро добрались до Елшанского моста, где решили оста-

новиться на короткий отдых, а заодно и подкрепиться. К школьным пайкам рыболовов Рамазан добавил зажаренного на костре зайца, и под заунывный вой волков, вышедших из Елшанского колка на охоту, они утолили голод.

— Ишь как развылись! — встревожился Володя. — Чего доброго нападут и отобьют своего собрата.

— Не бойся! У волков нет взаимовыручки, как это принято у людей. Обычно в схватке с крупной добычей сильно пораненного зверя стая тут же разрывает на части и съедает без остатка, чтобы не был обузой, — успокоил Володю Рамазан, не раз наблюдавший подобные сцены.

Тут нехстати отлежавшийся после забытья волк очнулся, принялся рваться и греметь цепью. Тем временем к мосту вялой трусцой приближалась косматая лошаденка, запряженная в сани-розвальни. Спасаясь от лютого мороза, в передке саней сидел в тулупе возница. Попыхивая клубами пара, на мост, словно привидение, ступила заиндевевшая лошадь. Вдруг, испугавшись, она вскинулась на дыбы и, пятясь назад, дико захрапела.

— Тпр-ру, чалый! — соскочив с саней, прикрикнул на взбунтовавшуюся лошадь возница. Увидев на мосту в поздний час ребят, он строго спросил:

— Кто такие будете?

— С рыбалки мы, дядя. Вот волка живого везем в Илецк, намаялись досыта, а дорога еще длинная. Может быть, подвезете? — робко попросил Витя.

— Да как вам сказать! Помочь-то оно можно, да вот закавыка — лошадь звериного духа боится, — как-то неуверенно ответил незнакомец.

Поколебавшись, возница взял под уздцы все еще всхрапывающего мерина, уверенно взошел с ним на мост. Взвалив оглушенного волка и мешок с рыбой на просторные сани, ребята еще не успели примоститься в задке на сене, как лошадь, напуганная близким запахом волка, взяла с места в карьер и, словно настиганная, понеслась вскачь.

— Приезжайте в гости-и! Книжек интересных захватите! Жду-у! — кричал вслед быстро удаляющимся саням Рамазан.

— Жди-и, приедем! — летели в ответ ребята голоса.

Посматривая с опаской на присмирившего волка, возница покачал головой и сказал в раздумье:

— Поразительно! Еще мальчишки, а сумели скрутить такого хитрого и лютого зверя!

Перевалив через железнодорожную ветку, которая связывает соляной рудник с узловой станцией Илецк, возок въехал в объятый сном городок.

— Куда вас, герои, доставить? — подчеркнуто громко спросил ребят возница.

Друзья посовещались, и Витя попросил:

— Если можно, подвезите, пожалуйста, к радиоузлу. Слышите, вальс «Амурские волны» играют?

— Что ж, хоть не по пути да и далековато, но таких смелых ребят можно отвезти и на другой конец города.

Весь путь до радиоузла, где по соседству жили ребята, их сопровождала веселая музыка.

— В честь чего это вдруг по радио вальсы да марши играют? — спросил друзей недоумевающий Володя.

— Скорее всего на каком-то участке фронта наши войска перешли в наступление, — высказал свою догадку Женя.

— Да, хлопчики, совсем было забыл порадовать вас! — поспешил внести ясность возница. — Вечером по радио передали, что наши красноармейцы под Сталинградом немцам хоро-ошего жара дали. Всю армию, во главе с командующим генералом-фельдмаршалом Паулюсом, окружили и взяли в плен.

— Ур-ра-а! — не сдержавшись от нахлынувшей радости, кричали в один голос ребята.

— До чего же славно все получилось. Мы тут в глубоком тылу волка-разбойника одолели, а наши бойцы хребет фашистам под Сталинградом переломили, — высказал свое восхищение Витя и, соскочив с саней, побежал к запорошенной снегом приземистой землянке, крикнув на ходу: — Сюда заворачивайте, здесь будем выгружаться.

Расставаясь со своими попутчиками, возница пожал каждому из них руку и сказал добрые слова напутствия:

— Спасибо, ребята, что не дали лютому зверю уйти и еще за то, что интересуетесь всем, что происходит вокруг. Успеха вам в учебе и удачи в жизни.

Через неделю в районной газете «Соль-Илецкая коммуна» был опубликован большой очерк под броским названием «Волчатники» с необычной фотографией. На снимке, в шапках вразлет, стояли у сугроба три неразлучных друга: Женя Булгаков, Володя Лобачев и Витя Ельчанинов (погибший вскоре после войны под Киевом во время военных учений). Среди них, чуть подавшись вперед, стоял будто живой с застывшим оскалом волк.

Очерк в газете, да еще с таким веским названием, поднял их авторитет не только в глазах одноклассниц, но и во всей школе. За добытого хищника «Заготживсырье» выдало ребятам денежную премию, а за его шкуру — 5 килограммов муки. При виде такого богатства у Володи Лобачева зародилась мысль — заняться охотой. Помочь большой семье, оставшейся без отца-кормильца с его уходом на фронт, скопить денег, купить фотоаппарат и научиться фотографировать диких животных в естественной среде их обитания...

На исходе марта бурным торжеством обновленной жизни ворвалась в степи Оренбуржья победная весна 1945 года. За считанные дни от ослепительного блеска ярчайших снегов остались лишь жалкие лоскутья. Подмытые талыми водами, рухнули санные дороги, освободившиеся от снежного плена бугры и южные склоны оврагов жадно дышали паром. На Илеке потемнел и вздулся лед, появились широкие забереги, где, поднимая ударами хвоста фонтанчики радужных брызг, играли щуки, весело плескались утки, совершающие вслед за весной великие кочевья на север.

На рассвете Рамазана разбудил подозрительный гул, так похожий на глухие раскаты дальнего грома. Еще вчера, просидев на берегу Илека под теплым морозящим дождем до позднего вечера, он с волнением ждал этого торжественного часа. Чтобы не разбудить дедушку с бабушкой, мальчик осторожно выбрался из-под одеяла, влез в специально сшитый для зимней стужи теплый меховой «конверт» и, застегнув на груди лямки, бесшумно выскользнул на руках во двор. Вдохнув налитанного весенней свежестью ядреного воздуха, он негромким свистом поднял дремавших под навесом собак. С радостным повизгиванием они прибежали на зов повелителя и, беспрестанно помахивая хвостами, выказывали ему знаки дружелюбия и преданности. Накинув на Тарлана шлейку и взобравшись на двухколесную тележку, сделанную не без помощи местного кузнеца на базе велосипедных колес, Рамазан легкой трусцой поехал к реке, откуда все явственнее доносился шорох, хруст и треск раскалывающегося на части льда.

С высокого яра ему предстала величественная панорама начавшегося ледохода. Всю зиму мирно спавшая под ледяным панцирем река, словно взбесившийся зверь, яростно металась в своих тесных берегах. В узкой горловине, где грохочущая масса льда гигантской змеей обтекала

крутую излучину, из нагромодившихся друг на друга льдин образовался гигантский затор. Вставшие вертикально льдины ярко блестели под лучами поднимающегося над ольховым колком солнца, словно хрустальные шпили голубого дворца. Сверху прибывали все новые и новые ледяные острова, наглухо перекрывая торосящиеся льдинами узкое ложе реки. В образовавшейся запруде с невероятной быстротой начала подниматься вода и, выплеснувшись через край, хлынула в луга, подтопляя еще скованные ноздреватым льдом озера. Не выдержав напора льда и воды, с пушечным грохотом раскололась созданная причудливой фантазией природы ледяная плотина. В образовавшуюся брешь с треском и звоном хлынул все сокрушающий поток воды, увлекая за собой караваны больших и малых льдин.

Недолго стоял над рекой гул и грохот от громадящихся друг на друга льдин. Вслед за сплошной массой льда со сверкающими полыньями и трещинами пошли льдины-одиночки. Подгоняемые попутным ветром, они мирно покачивались на волнах и, словно сказочные ладьи, медленно уплывали в манящую даль. Глядя на проплывающие мимо ледяные острова, слушая приветливое курлыканье серых журавлей, льющееся с небесной лазури, мечтательный Рамазан ощущал себя перелетной птицей. Он рисовал одну за другой яркие и радостные картины путешествия по сверкающей дороге половодья до Каспийского моря. Но представив на миг, что в конце путешествия его ждет лишь пустынный берег, горько-соленая вода да суровые зимы, он расхотел плыть туда. Вспомнив рассказ дяди Асана, мальчик мысленно перенесся в низовье Амударьи — в край пресных озер и птичьих базаров, где зимы почти не бывает.

Неспроста тянуло Рамазана к воде, как утку. То ли сердцем, а может быть, смутным шестым чувством он догадывался, что, только связав свою жизнь с большим озером или рекой, сможет встать на ноги.

Неожиданно, заглушая говор реки, из бледно-розовой мглы донесся вибрирующий вой: начавшись с низкой ноты, он заканчивался на высокой. Всполошившиеся дворняжки с громким лаем примчались на берег и, вытянув морды в сторону нарастающего воя, застыли в трепетном ожидании.

Из-за мыса, поросшего густым тальником, показалась небольшая льдина с сидящим на ней светло-дымчатым волком. Опустив лобастую голову, зверь, прервав вой,

внимательно следил исподлобья за надвигающимся на него высоким берегом, где с отчаянным лаем носились собаки и, размахивая руками, кричали люди. Многие из них, никогда не видевшие в «лицо» волка, но хорошо знавшие о его проделках, с нескрываемым восхищением рассматривали попавшего впросак зверя.

— Ишь ты, как свирепо оскалился! Клыков-то почти нет у него — стерлись на старости лет! — слышались из толпы зевак голоса престарелых пастухов, не раз испытывавших на себе острые зубы зверя.

— Сейчас я его заарканю! — воскликнул Рамазан, доставая из двуколки волосяную веревку-аркан, как вдруг услышал строгий окрик подошедшего дедушки:

— Для чего тебе аркан понадобился?

— Наброшу на волка, стащу его с льдины — пусть побарахтается в ледяной воде!

— Нет никакой нужды топить дряхлого волка! — сказал сердито дед. — Ему не то что с захудалой лошастью, — с паршивой овцой не справиться! Падалью, видать, одной питается! Пусть себе плывет, пока льдина не растаяла, а там, глядишь, на сушу выберется, а может быть, утонет — один Аллах знает!

Плывущий островок с невольным путешественником, не дойдя до отвесной стены обрыва, угодил в кипящий водоворот. Слегка накренившись, льдина описала полукруг и, подхваченная быстрым течением, стремительно понеслась по гривастому фарватеру реки. Не успела льдина скрыться с глаз, как среди тишины половодья, среди этой светлой, полной тихого неба разлей-воды, из бледно-розовой дымки прощальной сиреной разнесся вой обреченного волка. В голосе загнанного в тупик зверя слышалась какая-то скрытая, невысказанная обида: то ли на человека, вечно удерживающего его от жестокого разбоя, то ли на свою беспомощность, подкравшуюся на старости лет.

— Дедушка! Почему хитрый и умный волк оказался посреди реки на льдине? — сгорая от любопытства, спросил Рамазан.

— С охотой припозднился, а тут движка льда началась. Вот и не успел нерасторопный старый зверь на другой берег перебраться, где у него в буреломе устроена дневная лежка, — объяснил дедушка Алимбай и, сцепив за спиной руки, пошел берегом реки мимо могучих ветл, на верхушках которых вовсю горланили прилетевшие на гнездовья грачи.

Самые любопытные еще долго не покидали берега, надеясь, что река, несущая обновление природе, принесет еще какой-нибудь сюрприз. Но кроме как на льдинах-одиночках не на чем было задержать взгляд, и они постепенно стали расходиться.

Над широкой поймой, оглашая водные просторы радостными криками, волна за волной летели все новые и новые стаи уток, серых гусей, казарок. Глядя на великое переселение птиц, Рамазан спросил у проходящего мимо учителя зоологии:

— Джаманкул Керимович! Почему птицы каждую весну улетают на север, а с наступлением осени спешат обратно — на юг?

Проводив долгим взглядом плывущую в вышине белым облачком стаю лебедей-кликунов, с металлическим звоном крыльев рассекающих воздух, учитель присел рядом и, подумав, ответил:

— Как предполагают ученые-биологи, миграция птиц на север началась после окончания эпохи последнего оледенения. Когда-то, вытесненные движущимися льдами на юг, птицы не смогли порвать с исконными местами обитания, так как инстинкт, передаваясь из поколения в поколение, продолжает воздействовать на них.

— Удивительно! Сколько лет прошло, а птицы не забыли свою родину и каждый год пускаются в тысячекилометровые путешествия, где их в пути поджидают всевозможные опасности, — не унимался дотошный Рамазан.

— Если бы дальние перелеты были им во вред, — продолжал учитель, — то они бы их прекратили. Но, как мы видим из года в год, все повторяется в одном и том же ритме, так как сезонные миграции имеют большое значение для выживания пернатых, выращивающих свое потомство в родных местах, богатых кормом.

Грохот взрыва, прокатившийся многократным эхом по широко разливающейся Елшанке и докатившийся до Илека, прозвучал как голос природы, упрекающей человека за бесцельный и необдуманный поступок. Прервав «урок», учитель и ученик разом посмотрели на юго-восточную окраину Соль-Илецка. Там, взметнувшись в синь неба, все выше и выше поднимался гигантский столб белесой пыли.

— Снова принялись за Гипсовую гору, — покачив головой, с досадой заметил Джаманкул Керимович. — Жаль, что так необдуманно стирается с лица земли интереснейший геологический памятник.

Гипсовая гора, омываемая с северо-запада Елшанкой, а с юга-востока — Кордонкой, на протяжении многих тысячелетий была степным маяком для кочевников-скотоводов, бродивших со своими стадами по неоглядным просторам степей. Она служила также ориентиром для торговых караванов из Средней Азии в Европу. Скорее всего, именно кочевники и открыли у подножья горы несметные залежи каменной соли, назвав ее «Тустеби», что означает Соленая гора, хотя она состоит всего лишь из гипсовых и меловых отложений. Под защитой скалистых круч кочевники со своими стадами находили надежное укрытие от зимней стужи и жестоких буранов. На вершине горы они спасались от набегов неприятеля. Здесь же, не напрягаясь, добывали открытым способом поваренную соль, лежащую под небольшим слоем песка. Гипсовую гору, вознесшуюся над поверхностью земли на 150-метровую высоту, кочевники-скотоводы киргиз-кайсацкой орды считали священной, поклонялись ей и приносили жертвы во время празднеств. В глубокую расщелину, из которой в летний зной дул холодный воздух, а в зимнюю — теплый, бросали меха и другие приношения. Начиная с первой половины XIX века, предприимчивые жители Соль-Илецка вырубали в Гипсовой горе искусственные пещеры. В своеобразных погребах-ледниках с навешанными металлическими дверями летом было настолько холодно, что пол был покрыт слоем льда, а со стен и потолков свисали сосульки. В 1824 году, еще в годы отрочества, во время путешествия по стране будущий император Александр II поднимался со своей свитой на Гипсовую гору и осматривал сверху соляные копи и застраиваемую тогда Илецкую Защиту, призванную охранять южные рубежи Российской империи. К приезду царя на вершине горы из гипсовых и известковых блоков был построен «оборонительный» замок, установлена пушка с флагштоком. После его отъезда в замке стали содержать наиболее опасных преступников. С помощью пушки отражались набеги воинственных кочевников, подавались сигналы в случае побега арестантов, занятых на разработке каменной соли, запасы которой и сейчас являются самыми богатейшими в мире. В первой половине XX века из-за интенсивной разработки горы гипсовым заводом она была основательно разрушена и сейчас представляет собой жалкий курган из щебня.

Посматривая в сторону соляного рудника, откуда временами доносился грохот выгружаемых из вагонеток в

железнодорожные вагоны глыб соли, Рамазан мечтательно произнес:

— Неплохо бы побывать на соляном руднике! Спуститься под землю и посмотреть, как добывается каменная соль. Живем-то почти рядом!

— Желание у тебя хорошее и вполне осуществимое, — поддержал его учитель: — Вот сдадите экзамены, и будет вам подарок — экскурсия на соляной рудник. С директором постараюсь договориться заранее.

— Спасибо, Джаманкул Керимович! — выпалил на радостях Рамазан и, окрыленный надеждой, поехал в школу, чтобы сообщить однокашникам о предстоящей экскурсии на рудник.

В школе Рамазан учился успешно, поражая учителей своей неумемной тягой к знаниям, легкостью восприятия, серьезным не по годам отношением к учебе. Почти по всем предметам он получал отличные оценки. Единственное, что давалось с большим трудом, так это математика.

Из всех предметов Рамазан больше всего любил зоологию, ботанику и особенно литературу, удивляя своего учителя Жазылбека Куанышбаева живыми и содержательными сочинениями. И это несмотря на то, что сочинения были сплошь испещрены красным карандашом: он допускал много ошибок. Но, учитывая физический недостаток и прилежание к учебе, школьный педсовет решил подтверждать его знания экстерном два раза в году.

К учебе Рамазана тянуло, как беркута ввысь. Его свежий детский ум, подстрекаемый жаждой знаний, усваивал все с большой энергией. Благодаря невиданному упорству и воле, Рамазан значительно опережал своих сверстников. В нем жила необыкновенно чистая, доверчивая любовь к людям и животным. Природа манила его и удивляла своими бесчисленными загадками.

Дождливым утром 9 мая на центральную усадьбу совхоза «Жана-Турмыс» на взмыленной лошади прискакал в Тамаруткуль посыльный. Размахивая красным флажком, он радостно кричал:

— Побе-еда! Войне коне-ец!

Несмотря на проливной дождь, все жители поселка высыпали из домов на улицу, поздравляя друг друга с долгожданным праздником. Женщины обнимались, а некоторые, не сдерживаясь, тихо плакали. Хотя и у немногих, но появилась уверенность на скорое возвращение домой мужей и сыновей. Даже у тех, кто получил похоронки, затеплилась надежда на чудо.

В доме Араловых была еще одна радость. За последние два года они получили четыре денежных перевода от неизвестной Айнакуль из Кунграда с обратным адресом «до востребования». Рамазан не раз писал ей письма на этот адрес, но ответа не получил, однако письма не возвращались обратно. Всякий раз, получая крупный перевод, семья радовалась не столько деньгам, так как в доме был достаток, сколько загадочной весточке от доброго человека, пожелавшего оставаться в тени.

— Никак не возьму в толк, кто эта женщина, решившая бескорыстно помогать нашей семье в трудное военное время. Сыновей нет, погибли, дочерей Аллах прибрал в голодные годы, — недоумевал дедушка Алимбай всякий раз, как приходил перевод.

Как-то за поздним ужином дедушка Алимбай, вспомнив былую жизнь скотовода на плато Устюрт и в низовье Амударьи, попытался внести некоторую ясность:

— В Кунграде я бывал не раз — чаще глубокой осенью. На базаре продавал своих верблюдов, лошадей, баранов, шерсть, кошму, но это было так давно.

В те далекие годы Кунград был для кочевников-скотоводов своего рода второй Меккой. Здесь продавали излишки скота, закупали муку, крупы, одежду и разъезжались до следующей осени по своим далеким стойбищам.

В годы коллективизации не все кочевники-скотоводы осели на одном месте и влились со своим скотом в колхозы и совхозы. Некоторые на свой страх и риск ушли в центральную часть плато Устюрт, где в изобилии имеется корм, но нет воды. В огромном, забытом богом крае, раскинувшемся на сотни километров между Каспийским и Аральским морями, лишь изредка встречаются глубокие колодцы с полупресной водой.

За давностью лет дедушка Алимбай забыл, что его давний друг Керим Кенбаев не осел в колхозе, как он, а, прослышав о коллективизации, перекочевал со всей семьей и скотом в глухую часть плато Устюрт. В его большой семье, кроме жены Аксель, было еще семь дочерей, что считается у кочевников-скотоводов большим счастьем, ниспосланным самим Аллахом. С одной из них — пятнадцатилетней красавицей Айнакуль — случайно повстречался на берегу озера Караджар пылкий Асан и влюбился в нее. Восемнадцатилетний юноша восторженно говорил своему старшему брату Булату о полюбившей ему девушке:

— Айнакуль — удивительная девчонка. В ней столько

огня, радости и задора! Вся так и светится, будто утрен-
няя звезда на темно-синем небосклоне!

— Глаз у тебя верный, но придется подождать два-три
года, пока девушка подрастет, окрепнет, еще красивее
станет, вот тогда посватаем ее за тебя, — успокаивал
влюбленного не на шутку Асана Булат.

Не суждено было юным сердцам связать воедино свою
судьбу. Они не подозревали, что им предстоит совсем
разные дороги в жизни, которые разведут их на целую
вечность.

В середине мая, погуляв по широким просторам пой-
мы, вернулся в свое русло Илек. Луга покрылись пестры-
ми цветками кукушкиных слез, лиловыми соцветиями
дикого лука, по краям затопленных низин и болот золо-
тыми маковками вспыхнули на солнце купальницы, ли-
монно-желтой россыпью из лютиков-покрылись просох-
шие бугры, с вершин которых открывался вид на
сверкающие зеркалами голубые озера.

В начале июня сдали последний экзамен выпускники
Тамаруткульской неполной средней школы. В день вруче-
ния свидетельств директор школы объявил, что десять
лучших выпускников поощряются экскурсией на Илецкий
соляной рудник. Когда стали обсуждать список претен-
дентов, то на фамилии Рамазана произошло некоторое
замешательство. Предвидя недоброе, он решил сам постоя-
ть за себя:

— За меня больно-то не беспокойтесь! Для ребят я
большой обузой не буду. У меня, как вы знаете, есть
ездовая собака и вот эти сильные руки, — потрясая над
головой мощными ручищами, убедил Рамазан сомневаю-
щихся.

С того дня, когда были открыты несметные залежи
каменной соли, минуло много столетий, оставив в памяти
людей лишь предания. В одном из них рассказывается:

В глубокую старину в окрестностях Гипсовой горы
часто можно было видеть юрты диких племен — сарма-
тов, обитавших в оренбургских степях с VI века до нашей
эры по IX век нашей эры. Кочевники-скотоводы, облюбо-
вавшие для выпаса скота привольные луга в триречье, не
догадывались о существовании соляного штока, укрытого
от глаз человека двух-трехметровым слоем песка. Над
ним, словно маяк, указывающий на щедрый дар приро-
ды, одиноко маячила скала-друга, сверкавшая при свете
солнца перламутровыми блестками поваренной соли. Люди
не раз видели, как под покровом ночи с лугов и ковыль-

ных степей приходили к скале стада диких лошадей-тарпанов, куланов, сайгаков и подолгу лизали ее бока, но не придавали этому никакого значения. Как-то вечером женщины-сарматки принялись готовить в большом медном котле ужин. Когда мясо было готово, одна из них в спешке выложила горячие куски на подвернувшийся ей под руку белый плоский камень, а следом заложили второе варево. Поздно вечером, когда все обитатели стойбища собрались у костра и принялись за ужин, то многие из них, поглощая теплое сочное мясо, застыли в недоумении. Мясо показалось им необыкновенно вкусным. В нетерпении они обращали свои взоры на котел, в котором, возбуждая аппетит, томилась сладкая пища. Но второе варево показалось им обычным — безвкусным, как трава. Одна из женщин-сарматок — та, что варила ужин и выкладывала мясо, взяла один кусок и, положив его на сереющий в темноте плоский камень, слегка потерла об него. Попробовав мясо на вкус, она издала крик восторга.

Молва о «сладком» камне быстро разнеслась по всем ближним и дальним стойбищам кочевников. За два-три года была полностью растащена и съедена скала-друза, и люди, разгребая тонкий слой песка, стали постепенно вгрызаться в неподатливый купол соляного штока. Поверхностное залегание соли позволяло добывать ее без особого труда с помощью топора, лома, а позже — клиньев и кувалд. Вырубленные большие соляные бруски разбивались на более мелкие куски, удобные для выноса из образовавшейся ямы, и развозились по становищам. Комовую соль обменивали на скот, предметы ремесла, а позже продавали за деньги.

В уже упомянутой «Книге Большого чертежа», составленной по данным 1627 года, впервые было сказано следующее: «Пала в Яик [Урал], с левой стороны Яика, Илек река, ниже горы Тостеби [Гипсовой], по нашему та гора Соленая, ломают в ней соль». В 1754 году рядом с Гипсовой горой была воздвигнута крепость Илецкая Защита, укрепленная земляным валом и расставленными вокруг рогатками. С тех пор началась промышленная добыча каменной соли. За четверть тысячелетия илецкая «солонка» уменьшилась всего на 1%, и это несмотря на то, что в последнее время добыча соли составляет 2 миллиона тонн в год. Месторождение каменной соли представляет собой монолит диаметром в несколько километров. При бурении скважины на глубину 437 метров буровой инструмент не достигает нижней границы соляного

штока. Следовательно, запасов илецкой поваренной соли хватит на многие тысячелетия.

Илецкая соль отличается высоким качеством, а по химическому составу считается лучшей в мире. Об этом дал свое заключение еще М. В. Ломоносов. Твердая, как мрамор, и чистая, как стекло, эта соль поставлялась для нужд императорского двора.

В XIX и особенно в XX веке интерес к месторождению илецкой соли сильно возрос. Чтобы воочию увидеть уникальное творение природы, в глухой и далекий край зачастили ученые, предприниматели, ехали цари и просто любопытные путешественники. Их воображение поражали колоссальные запасы, чистота и высокое качество илецкой соли.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В подземном хрустальном дворце. Путешественники за здоровьем. Встреча с друзьями на озере Развал. Встреча с героем-фронтовиком. В волчьем логове. Разговор начистоту

Утром следующего дня, как условились накануне, выпускники школы собрались на берегу реки у переправы. Переплыв на лодке Илек, ребята в сопровождении Джаманкула Керимовича направились к чернеющему вдали Елшанскому колку. Вслед за ребятами, не отставая и не забегая вперед, ехал Рамазан в легкой двуколке, запряженной Тарланом. Справа лежала дышащая жаром минипустыня с взметнувшимися ввысь барханами, слева тянулся веющий прохладой ольховый колк, откуда неслись звонкоголосые трели прилетевших на гнездовые птиц. Всю дорогу ребят забавляли желтые суслики, выбравшиеся поутру из нор покормиться. Сидя столбиками у своих нор, они так залихватски свистели, будто передразнивали мальчишек, не умевших точь-в-точь имитировать произносимые ими звуки.

Миновав черноольшаник, ребята вышли на широкий болотистый луг с гнездившимися на нем птицами. С криком «ки-ик, ки-ик» с кочек снялись крупные кулики-чибисы. Стараясь отвести от гнезда незваных гостей, птицы смело атаковали их, опешивших от неожиданности. Круто падая вниз, чибисы, а с ними не менее крикливые чайки-соседки обрушили на их головы град помета, забрызгав всю одежду белесыми кляксами.

У поскрипывающего железными лопастями ветряка, качавшего из большой глубины пресную воду для нужд соляного рудника в огромный деревянный чан, Джаман-

кул Керимович дал возможность пострадавшим от птиц ребятам почиститься. Из переполненного чана с большой высоты спорым дождем падала с шумом вода. Сбросив с себя одежду и побаиваясь холодной, до ломоты в

зубах, воды, ребята подставили свои спины под ее ласковые струи. Всласть наплескавшись, они продолжили путь.

Дорогу неожиданно преградила неказистая речушка Кордонка, служившая границей до присоединения Малого Жуза (Западного Казахстана) к Российской империи в 1731 году. Прошлепав босыми ногами по мелководью, ребята вышли на белесый луг, поросший красным ковром из солелюбивых солянок.

На подходе к соляному руднику они обратили внимание на пустые глазницы окон спального корпуса когда-то знаменитой на всю страну грязелечебницы. До войны сюда на лечение приезжали больные ревматизмом, страдающие кожными заболеваниями, экземой.

Когда ребята вышли на широкую земляную перемышку, отделявшую озеро Развал, которое еще называют Мертвым, от полусухого русла Песчанки, учитель сказал:

— Молодому озеру, что лежит слева от вас, нет и полувека. Образовалось оно в апреле 1906 года во время весеннего паводка. Разгулявшаяся от многоводья Песчанка прорвала узкий перешеек, отделявший гигантскую чашу, в которой до 1886 года открытым способом добывалась каменная соль, и затопила ее.

— Почему вода в озере имеет красноватый оттенок? Глубокое ли оно? — сыпал один за другим вопросы любознательный Рамазан.

— Недавние промеры озера показали, что оно имеет глубину 22, длину 300 и ширину 240 метров. Вода в озере представляет собой перенасыщенный раствор-рапу, содержащий 250 граммов соли на 1 литр воды, вот почему она имеет такой вид, — объяснил Джаманкул Керимович. — Озеро Развал имеет уникальный температурный режим. Оно не замерзает в самые лютые морозы, а начиная с глубины двух-трех метров и до дна круглый год имеет температуру минус двенадцать. Летом поверхность воды нагревается до плюс тридцати восьми градусов, что позволяет и ночью принимать лечебные ванны. Образовавшееся благодаря вмешательству природы целебное озеро Развал с большой концентрацией соли способствует быстрому заживлению гнойных ран, лечению ревматизма и многих кожных заболеваний.

С противоположного скалистого берега, состоявшего из соли, на ребят приветливо смотрело двухэтажное здание конторы соляного рудника. Миновав насыпную перемышку, экскурсанты только намеревались повернуть к

ней, как Джаманкул Керимович замедлил шаг и, видно, заметив что-то интересное, остановился.

Покачивая массивными горбами, через сухое русло Песчанки прошествовал небольшой караван верблюдов-бактрианов. Достигнув берега Малосоленого озера¹, караванщик выбрал сухую полянку и положил на землю ревущих верблюдов. Сняв с них поклажу, расстелил на белесой от соли земле кошмы, осторожно перенес с верблюдов стонущую женщину и двух беспомощных мужчин, одетых не по-летнему тепло.

— Похоже, издалека приехали! — сделал вывод учитель и, помедлив, добавил: — Да-а, врачи не помогли, так они, несчастные, надеются на грязи, обладающие лечебными свойствами. Думаю, что природная лечебница сделает свое доброе дело, поставит больных на ноги.

На озере Развал с лениво набегавшими на песчаный берег розовыми волнами с раннего утра купалась местная детвора. Не успели экскурсанты пройти сотню шагов высоким берегом, как снизу, от воды, с радостными возгласами: «Рамаза-ан! Рамазан приеха-ал!» — им навстречу бежали Женя Булгаков и Володя Лобачев. Обступив неказистую тележку, друзья бесцеремонно принялись тискать в своих объятиях ошалевшего от радости друга.

— Я собирался к вам заехать после экскурсии — книжки вернуть, что зимой привозили! — суетился Рамазан, доставая со дна двуколки сверток.

— Оставь себе, нам сейчас не до художественной литературы! Вот Женя в авиационное училище поступает, а я на хлебокомбинат, грузчиком! — с жаром вскричал простодушный Володя.

— Почему ты не хочешь учиться, специальность получить? — недовольный решением друга бросить школу, ополчился на него Рамазан.

— В нашей семье трое сыновей, и только я огорчал родителей слабой учебой. Старший брат Борис после госпиталя окончил на отлично школу и поступил в Оренбургский пединститут. Младший, Михаил, после школы нацелился поступать в Московский университет. Им обязательно надо учиться, а я, освобожденный от армии по близорукости, поработаю на хлебокомбинате, повожу уголек с шахты, а там, узнав, почем фунт лиха, обязательно пойду учиться, — пытался убедить друга Володя.

¹ Малосоленое, Пресное и Базарное озера расположены по соседству друг с другом между озером Развал и городом.

— Отец с фронта вернулся? — осторожно спросил Рамазан.

— На днях прислал письмо, пишет, что во второй половине июля демобилизуют, а в августе обещает быть дома.

Володя не мог знать, что его отец — Александр Алексеевич, дроевавший с Германией две войны, через несколько дней — 30 июня 1945 года — будет убит на посту одиночным выстрелом в голову в Будапеште.

— Почему среди вас не видно Виктора? — спросил с некоторой тревогой в голосе Рамазан.

— Нет нашего друга, погиб недавно под Киевом во время военных маневров, — едва слышно прошептал Женя.

— Когда это случилось?

— Неделю назад. Мать Виктора, Ксения Семеновна, получила из военкомата похоронку, и не одну, а сразу две, — с большим трудом выдавил из себя Женя. — Одна на Виктора, другая на его отца — Филиппа Петровича.

— Сколько горя свалилось на голову бедной женщины! — едва произнес Рамазан, с трудом проглотив подкатившийся к горлу горький ком.

— Ничего не поделаешь, отголоски войны еще долго будут сказываться на семьях фронтовиков! — подчеркнул громко сказал Джаманкул Керимович и предложил Жене и Володе присоединиться к экскурсии.

— Спасибо за приглашение, мы уже дважды спускались в соляные хоромы. Там так много интересного, вы не пожалеете, — пообещал им Женя.

Через полчаса старейший горняк-отвальщик Охремук Яков Федорович, кому директор рудника Гаркуль поручил провести экскурсию с ребятами «из-за Илека», повел их к стволу шахты. Рядом с учителем горняк выглядел таким гигантом с огромными ручищами и косая сажень в плечах. Поглядывая на Якова Федоровича, Рамазан подметил у него одну особенность, которую тот приобрел за сорок лет работы под землей. Коротко отвечая на вопросы учителя, он шел с низко опущенной головой до самого подъемника, будто высматривал, куда понадежнее поставить ногу. За всю дорогу он лишь один раз посмотрел вперед, и то недолго.

Когда пришли к стволу шахты, Рамазан с акробатической ловкостью выскользнул из тележки, привязал в тени Тарлана и на приглашение Якова Федоровича занять клеть первым вошел в лифт на руках.

— Однако же ты молодец! — подивившись приткности мальчика, заметил несловоохотливый горняк.

Опустившись на 250-метровую глубину, экскурсанты оказались на светлой площадке, откуда в радиальном направлении расходились штольни-улицы подземного «города». Шагая по одной из них вслед за Охремук, ребята встретили вереницу вагонеток, груженных комовой солью, которую медленно тащил шахтный электровоз. Неожиданно перед их восхищенным взором предстал сказочный хрустальный дворец, вырезанный в твердом, как гранит, монолите. Высокий куполообразный свод, освещенный мощными прожекторами, сиял мириадами кристаллов, переливающихся всеми цветами радуги. При виде этого храма у экскурсантов перехватило дух.

— Какая здесь красотища, просто глаз не оторвать! — не сдержался Рамазан.

Лабиринты соляного «города», протянувшиеся более чем на 15 километров и чередующиеся с громадными куполообразными залами, похожими на фантастические соборы диаметром 500, высотой 30 и более метров, были без единой опоры, сухими и чистыми. Бесперебойный приток чистого воздуха обеспечивала вентиляционная установка. В одном из рабочих залов уступ за уступом с помощью драглайна выбиралась комовая соль, только что обрушенная с помощью взрыва. Чтобы у юных экскурсантов надолго осталось в памяти посещение соляного рудника, Охремук попросил машиниста остановить на пять минут загрузку вагонеток и передохнуть. Скреперист предоставил почитаемому на руднике горняку такую возможность, и тот, поднявшись по глыбам соли к стенке забоя, принялся что-то выискивать. Подняв несколько кристаллов, он спустился вниз и подозвал к себе ребят.

— Вот, ребята, полюбуйте! — это и есть так называемое «Илецкое сердце». Состоит оно, как видите, из прочных и удивительно прозрачных кристаллов и считается солью высшего сорта, — и, прикинув на вес, Яков Федорович закончил: — Весят они от половины до полутора килограммов, а на вкус не такие уж соленые.

— Можно мне взять один кусочек «Илецкого сердца» для дедушки? — попросил Рамазан у горняка. — Ему очень нужно для лечения больных глаз.

— Конечно, возьми, если твоему дедушке будет польза! — протягивая отшлифованный природой кристалл, Яков Федорович внес некоторую ясность: — С незапамятных времен в народной медицине «Илецкое сердце» исполь-

зуются для лечения глаз, но при каких заболеваниях, я точно не помню.

Раздав ребятам сувениры, горняк взял электрошпур и, вонзив его в монолитный пол, включил. По мере заглубления сверла и образовавшегося отверстия на глазах ребят рос воронкообразный холмик из мелкой, как пудра, соли. Выключив электрошпур, Яков Федорович предложил ребятам взять по горсти соли, как память о посещении ими илецких соляных сокровищ.

Возвращаясь с экскурсии высоким берегом озера Развал, ребята невольно обратили внимание на купающихся, занявших всю прибрежную песчаную полосу. При появлении экскурсантов Володя и Женя позвали их вниз искупаться, на что те охотно согласились. Но Володя строго предупредил ребят, пытающихся с ходу броситься в Мертвое озеро:

— Не вздумайте нырять и плескаться, иначе неприятностей не оберетесь.

Действительно, горе тому, кому в глаза или в нос попадет горько-соленая вода. Нередко можно видеть, как неосмотрительный купальщик опрометью выскакивает из воды на берег и, словно подстегиваемый кем-то, бежит сломя голову через бугор на соседнее — Пресное озеро. Бывает, и тонут, хотя озеро не принимает в свои пучины утопленников.

— Почему не купаешься? — поинтересовался Женя у сидящего на выступе соленой скалы Нурлана.

— Плавать не умею! — отведя взгляд в сторону, ответил тот виновато.

— Не беда, что не умеешь! Ляг на воду, раскинь руки и ноги для равновесия и лежи себе спокойно. Вон Рамазан лежит на спине, как поплавок, да еще книжку почитывает, — подбадривал Женя трусливого Нурлана.

— На таком соленом озере можно не только лежать не двигаясь, но и пешком пройти от одного до другого берега, — поддержав Женю, вступил в разговор Володя, бросив на ходу: — Смотри, как я сейчас пойду!

Войдя по грудь в воду, Володя сцепил над головой руки и постепенно стал удаляться в сторону противоположного берега.

— Чудеса-а! — глядя на приближающегося к середине озера Володю, воскликнул Нурлан и, сбросив с себя одежду, уверенно вошел в воду.

Присматриваясь к лежавшему на мелководье тучному татарину, Джаманкул Керимович спросил у него:

— Вы из местных или приезжий?

— Из Уфы я, подлечиться приехал. Лет десять назад меня сильно допекал ревматизм. Как-то услышал от людей, что есть в Оренбургской области целебное озеро, взял отпуск и поехал в Илецк. Целыми днями лежал в соленом озере — и смотрю: недели через три ревматизм как рукой сняло. Теперь раз в три года приезжаю сюда на недельку — и никаких тебе мучений.

Накупавшись досыта в необычном озере, ребята один за другим выбрались на берег. Володя предложил им взять с собой одежду и пойти на Пресное озеро обмыться:

— Если соленый пот попадет в глаза, тогда напляшеться от боли.

Перевалив через бугор, под которым покоится вершина соляного штока, ребята пустились наперегонки к Пресному озеру. Подсохнув на ветру, они покрылись белым налетом соли и, словно сказочные привидения, попрыгали в воду.

— Не могу понять, почему так сильно тянет на дно?! — удивился Рамазан.

— В плотной соленой воде ты весил не больше двух-трех килограммов, а в пресной — все десять. Вот почему ты и почувствовал резкую разницу в весе, — внес ясность учитель.

После купанья ребята расположились на траве и, пообедав чем бог послал, стали собираться домой.

На мосту, переброшенном через ручей, сбрасывающий излишки воды с Базарного озера в Песчанку, Женя и Володя решили попрощаться с вновь обретенными друзьями.

Рамазан не мог знать, что с Женей он больше никогда не встретится, а через два месяца сам покинет Тамаруткуль, расставшись с одноклассниками. Лишь через четверть века в тростниковых джунглях дельты Амударьи сойдутся жизненные пути Рамазана и Володи.

За полусухим руслом Песчанки на скудном подножном корме паслись стреноженные верблюды-бактрианы, доставившие «путешественников за здоровьем». На бивуаке с плещущим на ветру легким тентом никого не было видно. Миновав сверкающее бирюзой Малосоленое озеро с безлюдным пляжем, выбеленным до рези в глазах налетом из кристалликов соли, ребята увидели в низине странную картину.

В только что открытых ямах, погрузившись по грудь в густую черную массу, сидели двое мужчин и женщина в

белом тюрбане. Ближе к дороге, опутив в крепкий соляной раствор руки, на короточках сидел средних лет казах. Какая-то неведомая сила влекла Рамазана к людям, совершившим ради восстановления здоровья долгий путь. Не раздумывая, он съехал с дороги и направился к ним, крикнув на ходу учителю:

— Я вас догоню! Не беспокойтесь за меня, Джаманкул Керимович!

Подъехав к неглубокой ямке, заполненной до краев рапой, Рамазан придержал Тарлана и приветливо поздоровался с больным, исходившим от перенапряжения обильным потом.

— Аман!¹ — ответил тот, немного смутившись.

Пытаясь смахнуть с лица катившийся градом пот, больной вынул из густого рассола кисть руки, и тут Рамазан увидел удручающую картину. Сильно опухшая тыльная сторона ладони имела темно-коричневую окраску, из множества мелких язв сочилась кровь. Не касаясь кистью лица, больной вытер рукавом рубашки донимавший его пот, снова опустил руку в горячую чудодейственную «ванну» и, стиснув зубы, тихо застонал.

— Что, больно? — пытаюсь завести разговор, спросил Рамазан.

— Жжет так, что сил нет, а терпеть надо! — ответил больной дрожащим от боли голосом и, помедлив, спросил: — Лечиться приехал?

— Нет, моим ногам никакие лечебные грязи не помогут! Надо искать какой-то особый метод, — с недетской решительностью ответил Рамазан и, кивнув в сторону перемычки, где его поджидали друзья, пояснил: — Мы здесь с учителем на экскурсии были, теперь домой в Тамаруткуль возвращаемся.

— Да-а, вы просто счастливики, живете рядом с бесценным даром природы. Нам, чтобы излечиться от напасти, пришлось проехать на верблюдах почти 600 километров. Хорошо еще, что путь от Эмбы до Илеца пролег по зеленой пойме Темира и Илека. Было где напиться родниковой воды, приготовить обед, выпasti верблюдов.

— Болезнь у вас какая-то странная! Сами вроде бы здоровы, а на руки страшно смотреть!

— Лечившие меня доктора тоже не смогли определить, какую болезнь я подцепил случайно, будучи в гостях.

¹ Аман — здравствуй (казах.).

— Как в гостях!? — воскликнул Рамазан.

— В тот злосчастный день поехал я в отделение нашего верблюдоводческого совхоза, где работаю заместителем директора. Разобравшись с делами, я собирался ехать на центральную усадьбу, домой. Но заведующий отделением Аркабай предложил отобедать перед дальней дорогой. На дворе стоял кумган. Взял я его и, когда слил на руки сильно нагретую солнцем воду, то не придал особого значения ее ржавому цвету. Через два дня на руках появилось покраснение, а вскоре образовалась опухоль. Полгода лечился разными мазями, что предписывали доктора, а толку никакого. Как-то ата Кадырбай — тот, что сидит рядом с женщиной возле ямы, — посмотрел на мои руки и предложил поехать сюда и попытаться избавиться от напасти с помощью соляного раствора. Набралось нас по совхозу четверо неизлечимых больных с разными заболеваниями и поехали мы по когда-то проторенной Кадырбаем дороге в Илецк. Думаю, что недели через две-три будет результат, — с надеждой в голосе закончил он свой рассказ.

Слушая больного, Рамазан не терял времени зря. Достав давно припасенную им географическую карту Казахстана, быстро пробежал по ней глазами вверх по Илеку и, скользнув вниз по Темиру, впадающему в Эмбу, увидел на его левом берегу аул Кулакши, откуда прибыли путешественники. Облегченно вздохнув, Рамазан убрал карту и осторожно спросил у Турдали Кадыровича (так звали его нового знакомого):

— Сколько дней вы потратили на дорогу?

— С тяжелобольными большие переходы не осилишь, поэтому часто приходилось останавливаться. На всю дорогу пришлось затратить почти три недели.

— Вам не приходилось бывать на Устюрте или в Кунграде? — сгорая от нетерпения, спросил дотошный Рамазан.

— До коллективизации наш род Табын кочевал в песках Сам и дальше по Северному Устюрту до Аральского моря. Скот для продажи гоняли в Челкар, — и, кивнув в сторону белеющего тюбана, предложил: — Спроси у аксакала Кадырбая или у его сестры. Они где только не побывали за свою долгую жизнь.

Сгорая от любопытства, Рамазан попрощался с Турдали Кадыровичем, героически переносившим жгучую боль, и поспешил к аксакалу, поившему чаем сестру. К ним неторопливым шагом подходил Джаманкул Керимович.

— Ассалом алейкум! — поприветствовал их учитель.

— Алейкум ассалом! — ласково ответил аксакал и, подавая гостю пиалу зеленого чая, спросил: — Как у вас скот, родители, дети? Все живы-здоровы?

— Слава Аллаху, все в доме здоровы. Скоро два сына вернутся из армии, дочка закончила школу-семилетку, здоровый скот пасется на гучных травах, — ответил учитель.

— Ты, что же, айналлайын¹, на тележке ездешь, ноги, что ли, не ходят? — с некоторым недоумением спросил Рамазана приветливый старик, когда тот подъехал к ним.

— Упал с дерева и повредил позвоночник, с тех пор ноги перестали слушаться, — коротко ответил Рамазан в надежде задать в свою очередь словоохотливому аксакалу несколько интересующих его вопросов.

— Зря ты возишь свои ноги, когда все должно быть наоборот! — начал издалека умудренный жизненным опытом старик: — Ты сейчас растешь, крепнешь и если в ближайшие годы не слезешь с тележки и не будешь постепенно давать нагрузку полуживым ногам, позвоночнику, так и знай — останешься на всю жизнь инвалидом, — с нескрываемой досадой сказал аксакал.

— Спасибо, ата², за добрый совет. Постараюсь разбудить ноги от долгого сна, только скажите: живут сейчас в центральной части плато Устюрт кочевники-скотоводы? Когда вы были последний раз в Кунграде? — одним залпом выпалил Рамазан.

— Ум у тебя, парень, светлый и, похоже, ненасытный, — это уже хорошо. Вот только никак в толк не возьму: зачем тебе безжизненная пустыня плато Устюрт и далекий от твоего дома Кунград? — спросил недоумевающий Кадырбай.

— Там, на восточном Устюрте, а также в пойме Амударьи когда-то кочевали мои дедушка с бабушкой. Моя мечта — с помощью охотничьих собак добраться до тех мест, где когда-то родились мой отец и дядя Асан. Только там я смогу пересечь с тележки в лодку, научусь ходить на веслах по просторным озерам, бороться с бешеным течением Амударьи, — решительно заявил мальчик.

— Это хорошо, что любовь к родине предков живет в твоей душе. Где бы ни прошли наши дороги, одна из них обязательно приведет в родные края. Я рад, что ты соби-

¹ Айналлайын — ласковое обращение (казах.).

² Ата — дедушка (казах.).

раешься идти этим путем, — поддержал идею Рамазана Кадырбай. — Я знаю несколько колодцев в самом сердце безводного Устюрта, у которых постоянно держатся родами беглые кочевники. И в Кунграде я был перед войной: ездил на скотный базар, — и, пристально посмотрев в глаза мальчика, спросил с лукавством: — Как мне кажется, у тебя есть еще одна веская причина, чтобы побывать в тех краях?

— Да, вы правы, ата! Вот уже два года, как на имя моего дедушки приходят денежные переводы из Кунграда от Айнакуль Кенбаевой с обратным адресом «до востребования». Кто она? Что за тайна скрывается за ее именем? Да и письма, которые я посылал ей, не вернулись, значит, она их получила, читала! Выходит так: она все знает о нашей семье, а мы о ней ничего.

— Твои доводы, юноша, убедительны, и ты должен найти эту женщину и развеять сомнения, но ты должен знать наперед: глаза у тебя хоть и зоркие, но они не видят того, что ждет тебя завтра. Если ты вздумаешь пересечь Устюрт летом, то еще на подступах к нему — в песках Сам — белое солнце пустыни опалит тебя. Плато Устюрт с огромными солончаками, такырами, покрытыми коркой соли, не дадут тебе и твоим собакам ни глотка воды. Чтобы осилить почти тысячекилометровый путь через безжизненное пространство, надо идти в середине весны, когда блюдцеобразные низины заполнены до краев снеговой и дождевой водой. И еще: прежде чем отправиться в рискованное путешествие через плато Устюрт, надо быть на его подступах заблаговременно. Так что мой совет: приезжай к середине осени к нам в Кулакши, за зиму все обдумаем и подготовим тебя к путешествию. А теперь не откажи выпить с нами чаю.

Обрадовавшись столь необычному повороту событий, Рамазан ловким движением рук быстро спустился с тележки на землю и с ловкостью акробата пустился в пляс. Показав, на что способен, он подошел на руках к удивленному Кадырбаю и, опустившись подле него, взял из рук пиалу с чаем.

— То, что у тебя сильные и развитые руки, благодаря которым ты ходишь, — это твоя первая победа над самим собой. А когда научишь ходить ноги — это будет для тебя вечный праздник, — заключил аксакал.

— Рамазан не только ходит или танцует на руках, но и бежит так быстро, что мне не по силам догнать его, — подключился к разговору учитель. — Несмотря на жесто-

кий удар судьбы, он успешно закончил школу-семилетку, за сезон с борзыми добывает более двухсот лис и волков, не говоря о зайцах.

— Вот как! Мальчишка-инвалид — и вдруг охотник-волчатник! — изумился Кадырбай и, подумав, обратился с предложением к юному охотнику: — Ты, Рамазан, со своими собаками для нашего хозяйства — бесценная находка. За годы войны в пойме Эмбы развелось столько волков, что нет от них никакого спасения ни домашним, ни диким животным. Так что получай от дедушки с бабушкой благословение и отправляйся на своем «иноходце» к нам в Кулакши. Если посчитаешься с волками в нашем хозяйстве, за свой труд получишь верблюда. Этот вездеход пустыни доставит тебя целым и невредимым куда пожелаешь!

По своей натуре Рамазан был кротким и застенчивым. Поэтому учитель, знавший его с малых лет, был очень удивлен смелости и напористости, с какими он разговаривал с почтенным старцем. Всего час назад Джаманкул Керимович и не предполагал увидеть в нем будущего отважного путешественника.

Расставаясь с аксакалом Кадырбаем и его подшефными, Рамазан попросил их заехать на обратном пути в Тамаруткуль и побывать у него дома, чтобы за пиалой чая обсудить вместе с дедушкой его путешествие.

...Шла третья неделя со дня знакомства Рамазана с путешественниками. Зная, что со дня на день они должны отправиться в обратный путь, он целыми днями не спускал глаз с противоположного берега Илека. В один из летних вечеров, когда отяжелевшее от летнего зноя солнце устало склонялось к горизонту, цепкий взгляд мальчика, скользнув по поверхности реки, пробежал по петляющей в лугах дороге и задержался на бугре, за которым открывалась всхолмленная барханами пустыня. С давних времен жители Илецка использовали эти неудобья под бахчи. Благодаря щедрому солнцу, делающему доброе дело, без полива и удобрений они выращивали на голом песке пудовые сахарные арбузы, тыквы величиной с переднее колесо телеги и ярко-желтые медовые дыни.

Неожиданно в поле зрения Рамазана возник силуэт солдата, обутого в английские ботинки с обмотками на икрах и неизменным армейским рюкзаком за спиной. Спустившись с бугра в пойму Илека, солдат поправил сбившуюся на глаза пилотку и быстрым шагом направил-

ся к реке. И как Рамазан ни силился узнать в нем кого-нибудь из сельчан, так и не смог.

Ступив на берег, солдат снял с плеч рюкзак, положил поверх него шинель, пилотку и, опустившись на корточки, зачерпнул пригоршню воды. Он долго пил, радуясь встрече с родной рекой, поившей и кормившей его с детства. Напившись и освежив лицо, он тяжело опустился на прибрежный песок и окинул пристальным взглядом противоположный берег. На высоком берегу солдат приметил парнишку, внимательно наблюдавшего за ним. «Не сын ли, Мухтар, поджидает своего отца с войны?» — подумал солдат, доставая из рюкзака трофейный бинокль. С помощью сильной оптики он сразу узнал в нем Рамазана по свисающим с обрыва ногам-прутикам. Не сдержавшись от радости, солдат закричал:

— Еге-ге-е! Рамаза-ан, гребни сюда, веселее!

Услышав свое имя, мальчик, словно снежный ком, скатился с обрыва к воде и, ухватившись за борт, вмиг оказался в лодке. Оттолкнувшись веслом, он быстро и уверенно погнал плоскодонку на противоположный берег.

Не успела лодка коснуться берега, как в нее ловко вскочил солдат, в котором Рамазан с трудом узнал дядю Сатима.

— Ну, сосед, здравствуй! Как самочувствие? Здоровы ли дедушка с бабушкой? — подавая руку Рамазану, сыпал вопросами Сатим и, присев на корму, спросил: — Как моя семья, здоровы ли?

— Не беспокойтесь, дядя Сатим, все живы и здоровы! Ждут с нетерпением.

— Что ж, спасибо за добрые слова! — поблагодарил солдат и, сняв с шеи бинокль, подал его Рамазану:

— Ты встретил меня первым, и по обычаю дарю тебе трофейный бинокль. Он будет тебе хорошим помощником в охоте.

При виде дорогой и такой нужной вещи у Рамазана сами собой разомкнулись на веслах руки и невольно потянулись к биноклю.

— Садись-ка на мое место, Рамазан, я сам буду грести, руки по веслам истосковались! — подхватив их, солдат погнал лодку по спокойно несущему свои воды Илеку.

Рассматривая бинокль, Рамазан прочитал название фирмы-изготовителя «Август Цейс» и, не удержавшись, спросил:

— Бинокль-то, дядя Сатим, немецкий! Как он к вам попал?

— Командир взвода наградил за выполнение одной важной задачи, — ответил солдат с гордостью.

Оторвав взгляд от бесценного подарка, Рамазан только сейчас увидел в лучах догоравшего дня сверкающие на груди солдата награды.

— За что вам, дядя Сатим, дали столько орденов?

— Я всего два ордена заслужил, а остальное — это медали за боевые заслуги при взятии крупных городов.

Желая чем-то угодить солдату, Рамазан с торжеством в голосе сообщил:

— Моя борзая Актарнак неделю назад принесла кутят. Если вы надумаете, дядя Сатим, заняться охотой по зверю, обязательно подарю вам щенка, как только подрастет.

— За подарок заранее спасибо, а об охоте я обязательно подумаю, времени теперь на обдумывание хватит, — ответил солдат задумчиво.

От последнего взмаха весел лодка с легким шуршаньем вошла в прибрежный песок и замерла.

— Вы, дядя Сатим, идите домой, а я немного посижу на берегу. Уж очень хочется посмотреть в бинокль, пока не стемнело.

— Как же ты выберешься наверх без моей помощи? Подъем для тебя крутоват! — сходя с лодки, спросил недоумевающий солдат.

— Не беспокойтесь, дядя Сатим! Для меня подняться на такой обрыв что горсть семечек сгрызть! — махнув рукой, ответил Рамазан, выбираясь из лодки на берег.

— Вот как! Тогда покажи мне, на что ты способен, — предложил солдат.

Встав руками на землю, Рамазан чуть ли не бегом быстро прошел более спокойный подъем. В том месте, где подъем стал круче, развернулся к нему боком и, словно по лесенке, постепенно поднялся наверх...

С трудом дождавшись утра следующего дня, Рамазан отправился на Черный Яр. С его высокой кручи, вознесшейся над поймой Илека, он собирался осмотреть в бинокль широкие просторы лугов, озера с плавающими утками, ольховые колки и понаблюдать за жизнью пернатых хищников, построивших на высоких осинах свои гнезда. На выезде из селенья Рамазану повстречался Актыс, возвращавшийся с охоты с желтым сусликом в зубах. С появлением у Актарнак беспомощных щенят он полностью возложил на себя обязанности добытчика, промыш-

ляя в окрестностях Тамаруткуля на не в меру расплодившихся зверьков.

Преодолев глубокий сай, Рамазан поднялся на макушку яра, с высоты которого перед ним предстала извилистая лента реки, обрамленная зеленым ожерельем из черноольшаника, осинника, тала и кустов орешника. Над лугами еще висела зелено-розовая мгла, прорезаемая пронзительным скрипом дергача, кряканьем кем-то потревоженной утки и глухими стонущими «уб-бу, уб-бу» большой выпи.

Легко отыскав с помощью бинокля гнездо канюка-курганника с пуховыми птенцами, Рамазан подъехал поближе к дереву, снял с Тарлана шлейку и, приказав ему лежать рядом, затаился в кустах цветущего чилижника. С радостным волнением он наблюдал сверху за жизнью хищных птиц. С пронзительным «ке-ей, ке-ей» временами прилетала с добычей птица и, положив ее на край гнезда, снова улетала. Другая с помощью когтей и крючкообразного клюва разрывала на

части пищу и оделяла ею желторотых птенцов.

За спиной Рамазана послышался отрывистый свист сурка-байбака. С трудом оторвав взгляд от гнезда, он оглянулся. Радую глаз многоцветьем, перед ним лежала степь с убегающими вдаль седыми волнами ковыля. На одном из двух невысоких курганов-маров, словно часовой истории, стояла половецкая каменная баба со скрещенными на животе руками, в которых она держала чашу.

Рамазан не раз обращал внимание на разбросанные по степи под Тамаруткулем и Кара-Булаком невысокие кур-

ганы-мары диаметром двадцать и более метров. Народные предания по-своему объясняют их происхождение. Одни говорят, что здесь в глубокую старину над могилами павших воинов-сарматов, а позже и половцев сооружались курганы. Другие утверждают, что в них погребены родовые старейшины и племенные вожди, о чем свидетельствуют богатые украшения и оружие, найденные при раскопках курганов. Соблюдая обряд, вместе с покойником клали предварительно умерщвленных жену, слугу, коней, а также копье, лук со стрелами, меч, орудия труда, домашнюю утварь, то есть все то, чем при жизни пользовался покойник. Все это будто бы должно было послужить умершему в его загробной жизни.

Бинокль давал возможность наблюдать за жизнью обитателей степи. Широко распустив хвост и раскинув крылья, над землей зависла обыкновенная пустельга. Выследив добычу, она камнем упала в траву и, схватив полевку, улетела кормить птенцов. Описывая большие круги, над степью парил в поисках поживы степной лунь.

Неожиданно в объективе бинокля возник сурок-байбак, стоявший живописным столбиком на холмике-сурчине, за ним другой, третий. Целая колония крупных зверьков, обжив большой бугор, жила своей жизнью. Они были так близко, что казалось: протяни руку — и прикоснешься к их потешным мордочкам с озорными навывкате глазами и сможешь погладить по золотистой спинке. Забавные зверьки, пощипав траву, резко вскидывались на задние лапки и, слегка подскакивая вверх, описывали на одном месте своеобразный круг. Так они устраивали обзор, чтобы ни пернатый хищник, ни лисичка-сестричка, ни серый волк не захватили их врасплох.

Снизу, семена короткими ножками, к Тарлану приблизился еж. Понюхав собаку, он недовольно фыркнул и попытался убежать. Волко-пес слегка ударил его лапой и, уколовшись об острые иглы, недовольно зарычал. Напуганный еж свернулся в клубок и стал похожим на солнышко, прокалывающее огненными лучами земную тьму. На старую осину сел зеленый дятел. Перескакивая с одного места на другое, он внимательно прослушивал ствол, а определив благодаря своему тонкому слуху возню личинок, принимался настойчиво долбить отверстие.

Торжественное молчание степи нарушалось лишь трелями нарядных жаворонков, залихватским свистом байбаков и клекотом парящего в вышине степного орла.

Чтобы дать возможность глазам отдохнуть, Рамазан откинулся на спину и, уставившись в бездонную синь неба, отдался только что пережитым впечатлениям.

Тем временем по еле приметной степной дороге, поросшей сочным подорожником, скрипя, в сторону Черного Яра тянулась неказистая телега, которую лениво тащил годовалый бычок Борька. Он беспрерывно помахивал кисточкой хвоста, сгоняя со спины надоедливых слепней. За телегой, натянув, как струны, налыгачи, брели корова Зорька и телочка Белка. Сморенные зноем и долгой утомительной дорогой, разметавшись на отцовском старом тулупе, спали двое ребят-погодков — пятилетний Ваня и шестилетний Коля. Дарья Петровна, их мать, задумчиво уставившись в спину своего мужа — Петра Тыщенко и размеренно помахивая веткой чилижника, отгоняла мух от спящих детей.

— Цоб-цобе! — время от времени покрикивал Петр на ленивого бычка и после длительного оцепенения расправлял свою сутулую спину, взмахивал левой рукой и неуклюже стегал кнутом бычка. Тот, будто проснувшись, дергал рывком телегу и бежал быстрее. Петр, не удержавшись от рывка, потерял равновесие и опрокинулся на спину, задрав кверху деревянную культю. Посмеявшись и поправив выбившийся из-под ремня пустой правый рукав, снова надолго погрузился в свои думы.

В его воспоминаниях нет-нет да и промелькнет тот бой под Краковом. Горстке оставшихся в живых бойцов с противотанковыми ружьями и гранатами досталось сдерживать стальную лавину прорвавшихся с флангов фашистских танков. В этом неравном бою осколком снаряда ему и отхватило напрочь правую руку и левую ногу по колено. Демобилизовавшись, Петр недавно вернулся домой, в казачью станицу Угольное, что раскинулась на правом берегу Илека, и окунулся в заботы мирной жизни. Собрав тележку, приспособил к ручке косы ремень и, застегнув зубами пряжку на плече для устойчивости, даже попробовал косить траву. «Вот натренирую руку, — в сердцах говорил он председателю колхоза — и приду работать хоть на косилку, а то куда я такой неумелый...»

Между тем скрипящая и мычащая «кавалькада» спустилась в лог. Его пологие берега поросли густым ковром ковыля и разнотравьем с желтыми островками чилижника. Петр слез с телеги, взял за налыгач бычка и повел вправо, вниз по логу, к реке Илек. На кочках телегу

стало кидать из стороны в сторону, дети проснулись и, словно птенцы в гнезде, непонимающе завертели головами, протирая глаза. Маленький Ваня уже собирался было зареветь, но Коля показал ему на ярко-желтого жаворонка, как бы зависшего над их головами. Он так красиво пел, заливаясь на всю степь, что Ваня заулыбался и раздумал плакать.

Вскоре остановились на краю поляны с хорошим травостоем, мать сняла детей с телеги и сказала им строго:

— Смотрите у меня, шалуны, далеко не бегайте, накажу!

В воздухе стоял густой дурманящий запах чай-травы и неумолчно звенели кузнечики-скрипачи. Мать занялась хозяйством, отец пошел распрягать бычка. Оба украдкой поглядывали на резвящихся детей.

Сорвавшись с ромашки, красавица бабочка Феб¹ полетела к Ване и, как бы дразня, затрепетала перед самым его лицом. Мальчик попытался ее схватить, но она увернулась и улетела, Ваня — за ней.

— Коля, — позвал он, — иди сюда! Какая красивая бабочка, давай поймем!

Сняв картузы, они теперь с двух сторон подступали к верткой бабочке. Когда им уже казалось, что она вот-вот будет у них в руках, красавица лугов мгновенно взвивалась вверх и, опустившись за спиной кого-нибудь из этих незадачливых ловцов, снова порхала на месте.

Так незаметно бабочка привела братьев к склону, поросшему кустами шиповника, дикой смородины и старым осинником, у подножья которого сверкала на солнце извилистая лента реки. Ребята сломали по осиновой ветке и стали гоняться за бабочкой. Удары веткой, конечно, не достигали цели, а бабочка летела все дальше, уводя ребят по склону вниз, к реке.

Вдруг Коля закричал:

— Ваня, смотри, какие маленькие кутята. Да много их, давай хоть одного поймем!

И, забыв про бабочку, ребята, цепляясь за колючие плети ежевики, стремглав бросились вниз по склону к вывороченной с корнями старой осине. Там, на солнышке, выстроившись в ряд, щурились, греясь на солнышке, волчата.

Увидев подбегающих к ним детей, один за другим они

¹ Обитает в пойменных лугах Оренбургской области.

скрылись в неглубокой норе-расселине. Ванюша, не мешкая, тут же полез в логово и, быстро нащупав, схватил одного волчонка.

— Поймал! Только царапается! — слышался его голос.

Прижав к груди волчонка и упираясь в стенки локтями, мальчик стал ногами вперед выбираться из логова. Но отверстие было узким, и Ваня, не в силах расстаться с волчонком, застрял, попав ногой в сплетение корней. Он не мог двинуться ни вперед, ни назад.

— Коля, вытащи меня, — услышал старший брат.

Он бросился было к Ване на помощь, но, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, невольно обернулся. Уставившись прямо на Колю своими желто-зелеными глазищами, чуть нагнув голову, из-за куста дикой смородины свирепо смотрела волчица. Мальчик от неожиданности вскрикнул, вскочил на ноги и сломя голову побежал вверх по склону с криком:

— Собака, собака! Там большая собака!

Тем временем на стане уже хватились детей, и, услышав крик Коли, навстречу бежали отец с вилами и мать, вытирающая на ходу о передник руки и не перестающая повторять:

— Батюшки, да что это такое случилось!

Увидев мелькнувшую среди кустов фигурку Коли, отец побежал к нему.

— Где Ваня? — спросил он трясущегося от страха сынишку.

— Там вон, в норе...

Петр побежал в указанном направлении с вилами наготове. Немного не добежав до логова, он вдруг увидел прячущуюся за кустами волчицу. В голове мгновенно мелькнула страшная мысль, что Ваня, его меньшенький, наверно, уже растерзан. Боясь поверить своим глазам, он осторожно пошел вперед, раздвигая ветки. Тут как раз подоспела Дарья Петровна с Колей, который показал на вход в нору.

Подобрались ближе, прислушались. Из темного чрева душного логова еле слышно доносился слабый голос Вани:

— Коля, вытащи меня, дышать трудно!

Вскоре вилами-тройчатками удалось расширить вход. Просунув руку, Петр за ноги поймал сына и вытащил его в обнимку с волчонком. Смахнув украдкой слезу радости, Петр передал Ваню жене, сказав:

— Вы идите на стан, я сейчас, мигом.

Он долго сидел у разрытого логова, вглядываясь в кусты и надеясь увидеть волчицу, и думал: «Как же быть с волчатами: порешить или не трогать? Если не трогать, то к зиме подрастут, залютуют, да так, что только держись скотина. Вот незадача!»

Из логова высунулся волчонок, но, увидев человека, мгновенно скрылся. И Петру вдруг стало жалко несмышленьшей.

— Нет, не поднимется у меня рука на беззащитных волчат, пусть живут. Пожалела же моих сыновей волчица, не тронула! Да, мать есть мать... — задумчиво сказал Петр и торопливо зашагал по склону на стан...

Донесшийся снизу шум, в котором четко слышалось причитание женщины, насторожил Рамазана, заставил сесть в тележку и пустить Тарлана вскачь. Спустившись в пойму, он объехал вытянувшееся у подножья Черного Яра захламленное упавшими деревьями озеро и очутился на широкой поляне.

В тени, под телегой, на старом одеяле, с еще толком не прозревшим волчонком играли Коля и Ваня.

— Что случилось? — обратился Рамазан к Петру Тыщенко, выходящему из леса с вилами-тройчатками в руках.

— Да вот, детишки играли и случайно наткнулись на волчье логово. Хорошо, что все обошлось!

— Сколько волчат было в логове? — поинтересовался Рамазан.

— Осталось пять, а с шестым — вон сыновья забавляются, — кивнул в сторону телеги Петр.

— Что, у вас на остальных зверят рука не поднялась? — спросил Рамазан, довольно улыбаясь.

Петр только смущенно пожал плечами.

Подъехав к ребятишкам, Рамазан попросил у них волчонка. Те, желая разделить с ним свою радость, охотно отдали его поддержать. Осмотрев щенка, он с разочарованием вернул его Коле, сказав Петру:

— Жаль, что в руки ребят попался кобель, а мне нужна сучка, которая бы потом стала преданной подружкой Тарлану.

Но он имел в виду не только это. Если приручить, а вернее, привязать к себе с щенячьего возраста волчицу, то она будет лучшим другом и более верной и преданной, чем Актыс и Актарнак вместе взятые.

— Что ж, если тебе нужна для дела волчица, сходи и выбери сучку покрепче. Логово вон под тем поваленным деревом, — махнул Петр рукой в сторону реки.

Рамазан предложил ему:

— Вам незачем брать домой волчонка. Когда он подрастет и наберется сил, вы не оберетесь неприятностей. Он в два счета порешит на вашем дворе всю мелкую живность, а там и за соседскую возьмется.

— Ты, пожалуй, прав, Рамазан! Забери от греха подальше волчонка и верни его в родное гнездо, — махнул рукой Петр и облегченно вздохнул.

Привязав Тарлана к орешине, Рамазан забрал у недоумевающих ребятишек несмышленища и, сунув его за пазуху, пошел на руках вниз по склону. Добравшись до вывороченной с корнями старой осины, он отпустил волчонка, и тот, ориентируясь на запах своих собратьев, шмыгнул в черный зев норы.

Проникнув в волчье логово, Рамазан обнаружил в нем только двух волчат. Остальных, как он понял, волчица успела перетаскать в укромное место и сейчас внимательно наблюдала на расстоянии за тем, что происходит в ее доме, не пытаясь защитить свое потомство. К радости мальчика, в нем осталась самочка. Забрав ее, он поспешил к Тарлану.

Вернувшись домой с необычным подарком природы, Рамазан стал думать над тем, как вернее подложить волчонка к щенкам, постоянно находящимся в тесном контакте со своей матерью. Он хорошо знал, что стоит ему поступить необдуманно, как Актарнак мгновенно опоз-

нает чужака с запахом волка, тут же набросится на него и задушит мощными челюстями. Чтобы избежать трагической развязки, мальчик поступил более осторожно. Как только дедушка Алимбай отозвал Актарнак, чтобы дать ей молока, Рамазан подложил к щенкам волчонка. Несмышлениши инстинктивно почувствовали запах зверя и насторожились. Но стоило Рамазану потереть мордочками щенят и волчонка, как запах успокоил их, и они принялись играть на равных. Вернувшись под навес, Актарнак, относившаяся с любовью и нежностью к своим малышам, сразу почувствовала витающий в воздухе подозрительный запах. Рамазан положил собаку рядом с собой и загородил живот кормилицы, к которому тут же один за другим подковыляли щенки, а с ними заодно и волчонок. Актарнак попыталась приподнять голову и посмотреть на щенков, но Рамазан уже успел незаметно потереть мордочку и голову волчонка о ее соски. Как только Актарнак покормила свое большое потомство, Рамазан увел ее в дом, чтобы щенки и волчонок подольше побыли вместе и приобрели общий запах. Насосавшись вволю материнского молока, щенки сбились в кучу и, блаженно посапывая, заснули. В самом низу, под вновь обретенными братьями и сестрами, животом кверху спал добродушный волчонок...

На исходе третьей недели знакомства Рамазана с путешественниками за здоровьем он увидел в бинокль караван из семи верблюдов, медленно бредущих с тяжелой поклажей соли к переправе через Илек. На их спинах он не увидел беспомощных больных, которые еще совсем недавно из-за своей слабости не могли сделать самостоятельно и шагу. К неописуемой радости Рамазана, все они шли пешком в голове каравана и, жестикулируя руками, о чем-то горячо спорили. Развернув на месте Тарлана, мальчик поспешил домой с радостной вестью...

О своем знакомстве с караванбаши Кадырбаем Рамазан поделился с дедушкой и бабушкой сразу же по возвращении с экскурсии, заявив им о своем твердом намерении отправиться с собаками на родину предков, а также попытаться найти там странную незнакомку Айнакуль.

Ворвавшись в дом, Рамазан, не в силах сдержать себя, закричал с порога:

— Дедушка, гости едут, а вернее, идут и скоро будут на переправе!

— Поезжай им навстречу, внучек, и пригласи своих друзей к нам отобедать, а я тем временем барашка осве-

жую. Пусть наши гости отдохнут по-домашнему перед дальней дорогой.

Достигнув реки, путешественники по команде положили ревуших верблюдов на землю и, взобравшись на их спины, с гиканьем переправились через обмелевшую реку. На берегу их уже поджидал улыбающийся Рамазан. Он передал аксакалу Кадырбаю приглашение дедушки Алимбая.

Посоветовавшись, путешественники решили сделать короткий привал. Не развьючивая тяжело нагруженных верблюдов, пустили их попасть под надзором женщины, в которой никак нельзя было узнать беспомощную больную.

Прежде чем идти в гости, мужчины решили помыться с дороги в теплых и ласковых струях степной реки. Нестерпимое желание увидеть руки Турдали Кадыровича заставило Рамазана приблизиться к нему вплотную. Тот протянул ему руки и сказал:

— Вот, посмотри...

На руках, словно под воздействием волшебства, пропала опухоль, исчезли кровоточащие раны, на месте которых остались лишь белые черточки. Тыльная сторона ладоней вместо темно-коричневого приобрела светло-рыжий оттенок.

В самой большой комнате, застланной новой кошмой, украшенной ярко-красным орнаментом, был накрыт дастархан. В голове его, на почетном месте, сидел аксакал Кадырбай. Пока пили чай с кислым сыром-куртом, приготовленным из верблюжьего молока, и вели непринужденную беседу, бабушка Курманай сварила баранину. В большой медный поднос с крупно нарезанными кусками мяса она положила сверху череп барана с обнаженными мозгами. В знак особого уважения дедушка Алимбай положил перед аксакалом Кадырбаем отварную баранью голову как символ степной власти, и тот, вооружившись ножом, принялся разделывать ее на части и раздавать другим гостям соответственно возрасту и положению.

Как только Кадырбай управился с бараньей головой, дедушка Алимбай подал ему как главному гостю большую берцовую кость — асыкжилик в знак дружбы и мира между ними. После соблюдения ритуала все приступили к поглощению сладкой пищи, облизывая после каждого куска мяса пальцы и громко чмокая губами от удовольствия. Заботясь о своем единственном внуке, бабушка Курманай приготовила ему бараньи уши и почки — ар-

кал, считающийся у казахов почетным угощением для детей.

Наевшись досыта баранины и напившись зеленого чая, главный гость и хозяин приступили к разговору, ради которого и состоялась встреча. Первым заговорил дедушка Алимбай:

— Наш внук Рамазан твердо решил испытать все трудности и лишения, чтобы заставить работать свои ноги. Мы подумали с женой и решили отпустить его. О великий Аллах, — воздев руки к небу, просил Алимбай, — дай нам сил дожждаться того радостного дня, когда наш внук переступит порог родного дома здоровыми ногами!

— Когда ты собираешься отправиться к нам в Кулакши? — спросил Кадырбай, заглянув в глаза Рамазану и, не услышав ответа, осторожно добавил: — Может быть, с нами поедешь?

— Куда я сейчас, с беспомощными щенками? Вот подрастут, окрепнут, тогда можно будет отправляться в путь, — ответил тот с некоторым сожалением.

— Это, конечно, важно, и все же мы должны знать, когда ты отправишься в дорогу, чтобы выслать навстречу человека с верблюдом для тебя, — настаивал аксакал.

— Как только спадет жара, откроется охота на птиц, поспеют ягоды и окончательно обмелеют речушки, что даст мне возможность без большого труда добраться до реки Эмбы к середине сентября, — предусмотрительно заглядывая вперед, решил Рамазан.

— Мы надеемся, что у тебя хватит сил, здоровья, терпения и стойкости духа на всю долгую и трудную дорогу. Да поможет тебе Аллах! — воздев руки кверху, подытожил почтенный Кадырбай, и гости, поблагодарив хозяина за гостеприимство, поднялись из-за дастархана.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В «Пестром лесу». Крутой поворот в жизни. Желто-бронзовый полз. Сбор в дорогу. Прощай, Тamarуткуль!

В августе, в день открытия охоты на водоплавающую и боровую дичь, Рамазан решил испытать себя в коротком недельном путешествии в урочище Шубарагаш, раскинувшееся в 15 километрах от Тamarуткуля в междуречье Илека и Малой Хобды. На рассвете, взяв с собой фляжку воды, горсть курта и попрощавшись с бабушкой и бабушкой, он отправился в степь. Дорогу, бегущую в сторону

«Пестрого леса» (так переводится с казахского Шубарагаш) во многих местах сильно передудло песком, что заставляло Рамазана браться за колеса и помогать Тарлану. Ближе к полудню среди выжженной солнцем степи обозначились контуры лесного массива, расцвеченного яркими красками приближающейся осени. Съехав с тяжелой дороги на целину, мальчик поехал напрямую, навстречу маящему лесу. Неожиданно из-под носа Тарлана с громким дребезжанием взлетел стрепет и, сверкая серовато-белой изнанкой крыльев, опустился в серебристые волны ковыля. И хотя по хохоту стрепетки было ясно, что взматеревший выводок затаился где-то рядом, но сколько Рамазан ни заглядывал под кусты полыни, так и не обнаружил молодых птиц.

Чем ближе подъезжал Рамазан к лесу, тем явственнее вырисовывались перед ним на фоне бугристых песков густые заросли осинника, размножающегося за счет корневой системы. В лощинах и межбарханных углублениях, в близком соседстве с грунтовыми водами, небольшими куртинами курчавились березы, достигающие в высоту двадцати метров. В балках, где постоянно присутствует вода, словно девушки, стояли нарядные ветлы с ниспадающими до земли рыжими ветвями-косами. Со склонов балок, густо поросших чилижником, жимолостью татарской, шиповником, неслась не умолкающая ни на минуту перекличка птичьих голосов.

На краю луга, в тени раскидистых берез, Рамазан устроил бивуак, а чтобы Тарлан не нарушал покой лесных обитателей, привязал его к березке. Достав из двуколки армейский котелок и вытряхнув из него волосяные петли, Рамазан принялся срывать выглядывавшие из травы перестоявшие ягоды земляники. Набрав немного ягод для чая, он вернулся на бивуак и, наслаждаясь природой, стал наблюдать за происходящим вокруг.

На лужайке, слегка подтопленной грунтовыми водами, кормились чиби́сы. Перелетая с одного участка на другой, носились над водой стайки куликов-фифи. Сверкая темно-зелеными зеркалами крыльев, среди скромно одетых уток плавали селезни чирков-свистунков. Из густой чащи леса несло́сь нежное воркование обыкновенных горлиц и властное «гур-р, гур-р» голубя-клинтуха. С ветки на ветку у самой земли порхали вездесущие варакушки. Над лугом, то падая вниз, то взмывая в небесную синь, с характерным криком носились золотистые щурки, хватающие на лету насекомых.

Со стороны ольхового колка донеслись тяжелые шаги по воде. С треском расступились высокие стебли тростника, и показалась могучая голова лоса, увенчанная молодыми лопатообразными рогами, напоминающими царственную корону. Заметив крупного зверя, Тарлан припал к земле и, вытянув морду, застыл в трепетном ожидании. Не чувствуя опасности, лесной великан направился краем колка в молодой осинник полакомиться корой. Гордая посадка горбоносой головы, плавные, неторопливые движения делали могучего зверя сказочным лесным владыкой. С восхищением и удивлением смотрел на сохатого Рамазан и как-то не верилось ему, что здесь, в степном лесу, живет такой крупный зверь, а в пойме Илека его и в помине нет. Поразмыслив, он пришел к выводу, что Илек со своими высокотравными лугами, лесами и рыбными озерами привлекает к себе массу людей. Здесь же, в глухой степи, лишь летом можно увидеть вблизи «Пестрого леса» одинокую юрту пастуха, что позволяет животным без помех жить и размножаться, заселяя лесной массив, раскинувшийся на площади в 5 тысяч гектаров.

Скрылся в чаще леса лось, и Рамазан, сложив волосные петли в меховой мешочек, надел на руки грубо сшитые им из кусков брезента рукавички и отправился обследовать окрестные места. На спуске в неглубокий ложок из

приземистых кустов бобовника стремительно взлетела большая стая серых куропаток. Спустившись вниз, мальчик быстро отыскал наброды птиц и поставил на их пути несколько волосяных петель с робкой надеждой поймать две-три куропатки на завтрак.

Обследуя лес, Рамазан обнаружил среди зарослей чивеника блестящего старый колодец-кундук глубиной более метра с пресной холодной водой. Утолив жажду и наполнив фляжку свежей водой, он решил пересечь на прямую перенасыщенный влагой заиленный песок и угодил во всепожирающий зыбун. Жидкая масса постепенно втягивала неосмотрительного охотника и, может быть, поглотила бы его целиком, если бы он не сумел резкими рывками вытащить руки и, перекатываясь с боку на бок, выбраться на твердый берег.

Далеко на краю неба уже догорал закат, и Рамазан вернулся на бивуак. Нарезав молодых побегов тростника и устроив из него удобное ложе, расположился в нем на ночь. Еще не успели сгуститься сумерки, как пронзительные и настойчивые крики земляных зайчиков-пищух заставили Рамазана очнуться от забытья и прислушаться. Одна из сеноставок, как еще называют пищух, своим пронзительным верещанием старалась прогнать незваного гостя, расположившегося у ее норки. Наскакивая на Тарлана, она подобралась к нему так близко, что тот не сдержался, прихлопнул широкой лапой нарушителя спокойствия и с удовольствием им поужинал.

Непонятные звуки, раздавшиеся в лесной тиши, разбудили чутко спавшего Рамазана. Подозрительная возня, доносившаяся из чащи, походила на жестокую схватку нескольких хищников, напавших на крупного безобидного зверя. Видя беспокойство Тарлана, мальчик решил, что это волки схватились с сохатым, и собрался помочь лесному владыке. Отцепляя сворку с ошейника волкопса, у которого от нетерпенья уже сверкали глаза, Рамазан не допускал мысли о звере посерьезнее волков. Обретя свободу, Тарлан в яростном порыве бросился в ту сторону, откуда доносились звуки. Вскоре Рамазан увидел, как он возвращается на бивуак с исцарапанной в кровь мордой, словно побитый. Кровь и странное поведение бесстрашного полузверя заставили мальчика насторожиться. С трудом дождавшись рассвета, он поспешил на поиски места, где произошла ночная схватка.

Из лесной чащи, чуть было не коснувшись иссиня-черным крылом головы Рамазана, стремительно вылетел

взматеревший тетерев. Мальчик, впервые встретивший боровую птицу, все же узнал ее сразу по лирообразному хвосту. С нескрываемым восторгом смотрел он вслед тетереву, пока тот не перевалил через золотистые верхушки молодых осин.

Проезжая краем березового перелеска, Рамазан обратил внимание на странную возню под старой березой. Подъехав ближе и внимательнее присмотревшись, он обнаружил большую рысью семью, пирующую на остатках задранной ночью косули. Молодые кошки, почувствовав опасность, недовольно наморщили носы и, обиженно оглядываясь, не спеша стали отступать к зарослям. Матерись, украшенная пышными бакенбардами и вздрагивающими на длинных ушах кисточками, куцым хвостом вперед тоже нехотя начала пятиться. Рамазан попытался подъехать к ней поближе, но рысь, выгнув спину и широко раскрыв пасть с мощными клыками, угрожающе зашипела, готовясь в любой момент броситься на преследователя. Глядя на устрашающий вид лесной красавицы, Рамазан сразу понял, почему волко-пес спасовал и не вязался в смертельную драку.

Рамазану тут же представилась вся картина ночной схватки двух зверей: у одного оружием обороны были лишь зубы, у другого, кроме них, еще длинные и острые когти, способные распороть живот любому врагу. Бешеная злоба закипела у матери-рыси, когда она увидела неожиданно появившегося волко-пса рядом с ее выводком, жадно пьющим горячую кровь еще не остывшей жертвы. Когда Тарлан обрушился на нее всей своей мощью, упав на спину и извиваясь змеей, мощными задними лапами рысь нанесла ему страшный удар в морду, глубоко распахав ее. Не зная, как подступиться к вооруженной когтистыми лапами крупной кошке, страшнее которой зверя, как известно, нет, Тарлан вынужден был вернуться на бивуак с рваным носом.

Отыскав лошину, на дне которой вчера были установлены петли, Рамазан извлек из них трех серых куропаток, двух перепелов и молодого зайца-русака, которого отпустил со словами:

— Беги, длинноухий, да не попадайся зимой в руки!

При виде богатой добычи у юного охотника моментально созрела идея: отловить два-три десятка перепелов и куропаток, закопать их вместе с пером в вязкую глину и изжарить в собственном соку под костром, а как только тушки будут готовы, снять с них обуглившуюся шкурку,

а мясо вместе с косточками просушить на горячем ветру, после чего истолочь в ступе на муку. Такая высококалорийная пища, вобравшая в себя силу солнечных лучей, послужит неприкосновенным запасом в длительном путешествии через безжизненную пустыню.

Зная из опыта, что перепела и серые куропатки предпочитают для обитания овражно-балочный рельеф, заросший кустарником, Рамазан оставил «Пестрый лес» и поехал к виднеющейся вдали большой балке.

На неоглядной равнине, покрытой пожелтевшими султанами ковыля, кормились три дрофы, изумительное украшение степей, желтовато-бурая с темными пестринками окраска которых, а также высокие и крепкие ноги приспособили их к обитанию на равнинах с твердыми почвами. Увидев надвигающуюся опасность, самая крупная из них, словно груженный лайнер, первой начала предвзлетный разгон. За ней, не отступая ни на шаг, бежали молодые птицы. Разогнавшись, они тяжело оторвались от земли и, плавно взмахивая могучими крыльями, на небольшой высоте полетели в сторону низины.

Осматривая в бинокль степные дали, местами расчерченные квадратами полей, Рамазан не верил, что здесь когда-то паслись косяки куланов, тарпанов, бродили табуны туров, вихрем проносились к реке на водопой стада сайгаков. Неконтролируемая охота и распашка целинных и залежных земель привели к тому, что все они исчезли и никогда не появятся вновь.

Избрав ориентиром одинокое дерево, стоявшее у изголовья балки, Рамазан направился к нему. В пути ему часто попадались приземистые кустики степной вишни, униженные рубиново-красными ягодами. Не слезая с двуколки, он срывал терпко-кислые вишенки и горстями отправлял их в рот. Выплевывая косточки, мальчик и не подозревал, что расселяет на своем пути новые вишневые кусты.

Располагаясь в тени раскидистой ветлы на короткий отдых, Рамазан услышал над головой характерное «кпр-ру, кпр-ру» журавлей. Там, в бездонной синеве неба, описывая круги перед посадкой, парили журавли-красавки. В небольшой семье трудно было отличить от взрослых молодых птиц, успевших за короткое лето вырасти и встать на крыло. В семействе журавлиных красавка меньше всех, но зато красивее и изящнее своих собратьев. Покружившись над просяным полем, журавли опустились на него и, грациозно вышагивая, бесцеремонно при-

нялись шелушить еще не дозревшие метелки проса. Рассматривая в бинокль этих красивых птиц, Рамазан не мог удержаться, чтобы не сделать с них зарисовку и описать внешние достоинства: «Оперение серо-сизой окраски, клюв зеленовато-серый, на голове от ушей назад тянутся пучки удлиненных перьев, что придает горделивой птице особую красоту». Такие записи и зарисовки, сделанные с натуры, позволяли Рамазану впоследствии, знакомясь со специальной литературой, определять вид животного.

В последнее утро короткого путешествия, проверяя поставленные на ночь петли, юный охотник обнаружил в одной из них вместо перепелки крупного желтобрюхого полоза, проглотившего целиком попавшуюся за лапку птицу. Заякорившаяся змея, длиной более двух метров и толщиной в руку, имела тускло-красную окраску с крупными симметричными щитками на голове. Почувствовав опасность, полоз мгновенно свернулся в петлю и угрожающе зашипел. Не успел Рамазан приблизиться к змее, чтобы получше рассмотреть рисунок на ее коже, как молниеносный бросок заставил его отступить.

Пытаясь освободить случайно попавшуюся на «крючок» рептилию, он подполз к ней вплотную, изловчившись, перерубил ударом ножа волосяную петлю и тут же почувствовал колющий удар в руку. На месте укуса появились две кровоточащие ранки. Инстинкт самосохранения заставил Рамазана впиться зубами в руку и отсосать отравленную кровь. Почувствовав свободу, полоз попытался уползти вверх по склону, но не тут-то было. Сильно раздувшийся живот не позволял сделать этого.

Глядя на бесплодные усилия полоза, Рамазан вспомнил жадного волка, который, дорвавшись до пищи, так наелся, что не в состоянии был спастись бегством от наседающих на него собак. Попав в безвыходное положение, серый разбойник остановился, отрыгнул всю без остатка пищу и на пустой желудок, словно ветер, унесся от своих преследователей. То же самое проделал и желтобрюхий полоз. На глазах мальчика резкими конвульсивными движениями тела он выбросил изо рта мешавшую ему уползти добычу и, бросая из стороны в сторону мощное веретенообразное тело, скрылся в зарослях. Через несколько минут после укуса Рамазан почувствовал легкий озноб и сухость во рту, что заставило его поспешить на берег реки.

Вскоре на берегу Илека, стреляя искрами, разгорелся большой костер. Заваренный листьями смородины, заки-

пал в котелке чай. Под костром в песке жарились обмазанные вязким илом перепела и куропатки. Выпив один за другим два котелка чая и сильно пропотев, Рамазан почувствовал заметное улучшение. Яд полозов не так токсичен, а поэтому не в состоянии убить человека. Зато от их укусов почти мгновенно погибают хомяки, суслики, молодые зайцы и птицы, на которых они в основном охотятся.

Короткое путешествие не только подарило Рамазану радость общения с дикой природой, но и расширило круг познаний о ней и лишний раз убедило его в своей жизнестойкости.

Рамазан отчетливо понимал, что предстоящее путешествие за Синее море, жизнь среди затерянных озер — это единственная возможность сдвинуться с места, встряхнуться и встать на ноги.

Вернувшись домой, Рамазан принялся готовиться к путешествию. На Тарлане съездил в Соль-Илецк, где на толкучке купил поношенную войлочную шляпу, чтобы защитить свои глаза от прямого попадания ярких лучей южного солнца. Из двух кусков брезента сшил на случай непогоды небольшую палатку. За щенка борзой выменял карманные часы, что даст ему возможность с помощью часовой стрелки, направленной в час дня на солнце, находить нужное направление. В кузнице отковал из стальной проволоки дюжину крючков для ловли рыбы. С помощью кузнеца Болебая усилил крепление двухколесной тележки, на которой предстояло преодолеть по бездорожью не одну тысячу километров. Джаманкул Керимович подарил своему бывшему ученику толстое увеличительное стекло, о котором Рамазан мог только мечтать.

— На юге 220—240 солнечных дней в году, и лупа будет тебе хорошим подспорьем при разжигании костра, — вручая подарок, пояснил учитель.

Учитель географии Данеш Муратбекович подыскал для будущего путешественника крупномасштабную гидрографическую карту Средней Азии и Казахстана. Изучив на карте предстоящий маршрут, Рамазан с помощью масштабной линейки нанес на ней жирную пунктирную линию и указал километраж между отдельными точками.

Скорый отъезд единственного внука на «край света» заставил пригорюниться бабушку Курманай. Занятая шитьем спального мешка для Рамазана из выделанных бараньих шкур, она украдкой вздыхала.

Как-то перед сном, порывшись в сундуке, Курманай

достала коробочку и извлекла из нее серебряную монету с дырочкой.

— Возьми, сынок, эту чудодейственную монету, она обязательно пригодится тебе в долгой дороге. Когда наберешь из тухлой лужи воды, так как другой просто не встретишь в пустыне, опусти серебряный полтинник в котелок. Это убережет тебя от расстройства желудка.

Из продуктов Рамазан взял с собой в дорогу лишь мешочек соли да неприкосновенный запас, который состоял из перемолотых в муку перепелов и куропаток. Он надеялся прокормить себя и собак охотой, рыбной ловлей и всем тем, чем богата осенью природа.

В последнюю ночь перед дорогой Рамазан спал плохо, урывками, дважды выбирался во двор и в который раз проверял незамысловатую поклажу, уложенную на задке тележки. Сидя в кругу четвероногих друзей и тихо лаская их, приговаривал:

— Возможно, мне и удастся сюда вернуться, но вам, мои друзья, никогда. Природа отпустила собакам малый срок жизни, которого не хватит на долгие годы нашего путешествия.

С первыми проблесками зари Рамазан уже вовсю хлопотал на дворе. Под дружное пенье первых петухов он догрузил тележку и принялся выючить борзых, в недоумении поглядывающих на своего повелителя.

— Ну что ты, старая, все убиваешься?! Не на фронт же едет наш сыночек, а за здоровьем! — как мог, успокаивал жену дедушка Алимбай и, поправив шлейку на Тарлане, решительно заключил: — Раз мужчина уходит из дома, значит, так надо!

Целуя внука и причитая, бабушка только и смогла сказать:

— Пиши, сынок, письма, всё будем знать, что ты жив. И постарайся найти ту женщину, нашу благодетельницу. Может быть, под ее именем скрывается какая-то тайна?

Провожая с опустевшего двора внука, ни дедушка Алимбай, ни бабушка Курманай не могли предполагать, что ровно через десять лет они увидят стройного молодого человека, уверенно переступающего порог родного дома с красавицей-женой и дочкой. Но чего будет стоить Рамазану эта победа!

А пока его ждала долгая дорога, полная драматических событий, нечеловеческих испытаний, удивительных приключений и романтических историй.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДОРОГОЙ ПРЕДКОВ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вверх по Илеку. Жадная щука. Корсак-Бас. Смелая ласка. Степная гадюка. Цыганка Настя. Шалость с барсуком обернулась бедой. Схватка с бандитами

В середине августа 1945 года, в разгар уборки хлебов, Рамазан отправился в свое первое путешествие длиной в две тысячи километров. Предстоящий путь пролегал через полудикие степи и пустыни и вел на побережье Аральского моря и дальше — на великие озера дельты Амударьи. До наступления холодных осенних дождей ему предстояло пересечь с северо-запада на юго-восток Урало-Эмбинское междуречье, что составляло одну треть от общей длины маршрута. Достигнув реки Эмбы, Рамазан перезимует в ауле Кулакши, а дождавшись весны, продолжит путь.

Распутывая замысловатые виражи проселочных дорог, бежит вверх по Илеку легкая двуколка, запряженная Тарланом. Из широкой корзины, сплетенной из тальника и подвешенной к задку тележки, выглядывают любопытные мордочки подросших за лето щенков: борзой-газы Ветки и волчицы Хобды. Вслед за двуколкой, не забегая вперед и не отставая ни на шаг, легкой трусцой бегут Актыс и Актарнак.

По берегу Илека, протянувшемуся от Мугоджарских гор до Урала на 623 километра, Рамазану предстояло добраться до его истока, а там, преодолев 40-километровое междуречье, выйти к истоку Темира, откуда по воде спуститься до Эмбы. Илек (в переводе с башкирского означает Сайгачья) названа так по той простой причине, что здесь в далеком прошлом обитали стада сайгаков. Людям, осевшим на ее берегах, река издревле служит верой и правдой. Она щедро одаривает чистой и вкусной водой, рыбой, орошает луга, огороды, лелеет в своей колыбели редкостной красоты черноольховые колки. В их тени бьют многочисленные родники с ледяной водой.

Круглый год они питают озера, болота, живописные осиновые рощицы, куртины, поросшие серебристым талом, жимолостью татарской, орешником и шиповником.

Пойму Илека вкось и вкривь разрезают многочисленные протоки, в которых после весеннего паводка, сверкая голубизной неба, покоятся озера-старицы. Среди змееподобных стеблей белоснежных кувшинок и желтых кубышек, плавно шевеля плавниками, ходят крупные лещи, щуки, сомы, головли, язи, лини и золотистые караси, частыми поклевками доставляющие рыболовам минуты радости. В прибрежных зарослях тростника и рогоза, на тучных лугах, расцвеченных яркими цветами, гнездятся серые и кряковые утки, чирки-свистунки, лысухи, погоныши, серые цапли, большая и малая выпи, чибисы и бекасы. На песчаных косах, отрыв лапками лунку, откладывают яйца речные крачки, кулик-сорока, ходулочки. Для многих птиц, зверей и рыб хорошим подспорьем в питании служат обитающие в пойме земноводные — остромордая и озерная лягушки, чесночница, — а из пресмыкающихся — водяной и обыкновенный ужи, болотная черепаха. В основании обрывистых озер живут в норах раки, охотящиеся ночью на личинок стрекоз и мелкую рыбешку.

На всем протяжении дно Илека песчаное, волнообразное. Лишь в глубоких омуты со стоячей водой дно покрыто толстым слоем ила, что способствует образованию на поверхности зарослей из ряски и других полуводных растений. Летом вода сильно прогревается и становится словно парное молоко, чем и привлекает к себе многих желающих окунуться в ее кристально чистых и ласковых водах.

В первый же день путешествия Рамазан испытал два приятных ощущения, что окончательно укрепило его веру в благополучный исход задуманного им дела.

Утром, когда он отправлялся в далекое путешествие, на окраине Тамаруткуля ему повстречалась одноклассница Загира с горкой просяных лепешек и от всего сердца угостила его маленьким горячим «солнцем». Вторая нечаянная радость дня — пойманная вечером крупная щука.

Проезжая берегом узкого и неглубокого залива, прижавшегося вплотную к противоположному отвесному обрыву, сквозь прозрачную толщу воды Рамазан увидел снующие по дну черные тени. Надвигался вечер, и юный путешественник, выбрав удобное место для ночлега, решил устроить бивуак. Сняв с Тарлана шлейку и высадив

из корзины на теплый песок щенков, занялся подготовкой к рыбной ловле.

Рамазану очень хотелось приготовить на ужин уху и накормить вареной рыбой щенков, только недавно переставших питаться молоком матери. Волко-псу и борзым-тазы предоставлялась возможность самим добыть пищу охотой, и они, не мешкая, тут же растворились в прибрежных зарослях.

Срезав тальниковое удилище и привязав приготовленную на такой случай волосяную леску с поплавком и крючком, Рамазан насадил на него пойманного кузнечика, размахнулся и забросил насадку на середину залива. Тут же к наживке устремилось несколько теней и завязалась борьба за обладание добычей. И видит Рамазан, как одна из рыб, схватив беззубым ртом кузнечика, поспешила с ним в узкое горло залива. Не глядя на поплавок, он ловко подсек красноперого голавчика и выбросил его на песчаный берег. Снова забросил крючок с насадкой, но голавлей почему-то не интересовала наживка, как в первый раз. Вся стая ходила большими кругами вокруг заманчивой добычи, но ни одна из рыбешек не отважилась поживиться ею. Рамазан не догадывался, что присутствие затаившегося в тени обрыва хищника заставило рыб сбиться в плотный косяк, чтобы избежать нападения. Лишь минут через пять одна из рыб смело набросилась на кузнечика и, заглатывая его, потащила поплавок в тень от косяка. Рывком в сторону Рамазан подсек небольшого голавчика и, недовольный слабой поклевкой, медленно повел удилищем над водой в сторону берега. Сквозь прозрачную толщу воды он хорошо видел, как небольшая рыба, зацепленная крючком за верхнюю массивную губу, пыталась сойти с него, но тщетно. Вдруг поперек залива вздулась вода, и под берегом раздался сильный всплеск. Не сообразив толком, что произошло, Рамазан инстинктивно ухватился обеими руками за удилище и резким рывком выбросил на берег... крупную щуку с зеленым отливом. Хищница, видно, давно наблюдала из тени обрыва за плотным строем красноперых голавлей и наконец, увидев медленно «плывущую» рыбешку, стремительным броском атаковала ее. Схватив голавчика с хвоста, щука плотно сомкнула унизанные острыми зубами челюсти, да так, что, даже выброшенная на берег, не захотела расстаться с легкой добычей.

В пойму Илека властно вползала ночь. Одна за другой зажигались на темном небе яркие звезды и, отражаясь на

поверхности залива, придавали ему сказочный вид. К догоравшему костру вернулись с охоты собаки и, расположившись на песке у воды, сытно позевывали.

Еле приметная проселочная дорога, бегущая вверх по Илеку, то ныряла в зеленый коридор поймы, то, повернув вправо, — в иссушенную летним зноем степь, раскинувшуюся бледно-желтым ковром в междуречье. На четвертый день пути взору Рамазана предстал любопытнейший природный феномен, возвышающийся над степью вблизи Илека. Юный путешественник не мог удержаться от соблазна, чтобы не побывать вблизи него и не осмотреть интересный геологический памятник.

На вершине балки Сарыбулак, имеющей вид огромного амфитеатра, взметнулась ввысь гора Корсак-Бас, что в переводе с казахского означает «Голова лисицы». Горацишка, сложенная из красноцветного песчаника, возвышалась на 310 метров над уровнем моря. Только железистая «шапка», укрывающая вершину, спасала ее от сокрушающих потоков дождевой воды, морозов и свирепых ветров. Просматривая в бинокль отвесную кручу, Рамазан обнаружил в нишах и расселинах множество гнезд, которые подновляют по весне прилетающие сюда на гнездование птицы. Для домового сыча, галок и голубей-сизарей гора круглый год служит надежным домом.

С амфитеатра, увенчанного горой, открывалась панорама восточной части Подуральского плато, называемой за скопление меловых обнажений Страной Белых Гор. За зеленой лентой Илека, подернутой яркими красками осени, среди далеко простирающегося мелового ландшафта, ослепляя снежной белизной, и возвышалась меловая гора Акбулак. Столь обширного скопления меловых отложений, как здесь, нигде в другом месте не сыскать.

В первую неделю путешествия у Рамазана как-то само собой сложился жесткий распорядок дня. Утром, с первыми лучами солнца, короткие сборы — и вся кавалькада трогалась в путь. Через четыре часа безостановочной дороги — короткий отдых на два часа. После отдыха — снова четырехчасовой путь по петляющей дороге в поисках удобного места для ночлега с рыбной ловлей и охотой.

Чтобы путешествие было не так обременительным и по-спартански легким, Рамазан пренебрег завтраком, обедом и лишь вечером готовил ужин из того, что удавалось добыть. И все же случаи нарушения этого распорядка дня стали для него жизненной необходимостью. Да и как

удержаться от соблазна при виде переспевших ягод у дороги, созревших арбузов и дынь, так и просящихся в рот! К исходу лета сама мать-Природа требует, чтобы человек убирал ее урожай, иначе она задохнется и погибнет от переизбытка.

В один из пасмурных дней, на спуске из степи в пойму, Рамазан увидел небольшую куртину, сплошь заросшую кустами красной смородины. Склонившиеся под тяжестью переспевших ягод ветки так манили к себе, что он не сдержался и съехал с дороги: с намерением досыта полакомиться терпко-сладкими ягодами и набрать котелок к вечернему чаю устроил незапланированный привал.

Собирая ягоды и отправляя их горстями в рот, Рамазан незаметно вышел к старому осиннику, где нос к носу столкнулся с любопытным зверьком — лаской. Издав звук «фь-ю-ить», зверек шмыгнул в нору, устроенную им в переплетениях корней. Обирая усыпанный крупной смородиной куст, мальчик снова услышал знакомый свист из-под могучего ствола полуразрушенной осины. Оттуда, сверкая бусинками любопытных глаз, выглядывали четыре симпатичных мордочки с крошечными ушками торчком. Отталкивая друг друга, ласки пытались получше рассмотреть впервые появившегося в их владениях человека и, видно, недовольные его присутствием, недружелюбно посвистывали. Решив поближе познакомиться, а по возможности и завести дружбу с красивым и необыкновенно юрким зверьком, Рамазан достал из мешочка оставшийся после ужина обжаренный над костром кусочек зайчатины и положил его в метре от норы. Спрятавшись за куст и вооружившись биноклем, стал внимательно наблюдать за снующими взад и вперед ласками. Острый запах, исходивший от зайчатины, сразу привлек внимание зверьков. Делая волнообразные скачки на коротких ногах, они часто подбегали к приманке, но близкое присутствие человека пугало их, и они убегали прочь. Одна из ласок, видно, быстрее всех освоившись с обстановкой, смело подбежала к добыче и, схватив ее, вернулась к норе. Набросившись всем скопом на легко доставшуюся поживу, зверьки быстро управились с ней. Подкрепившись и видя, что им ничто не угрожает, заметно осмелели и все ближе подбегали к затаившемуся в кустах Рамазану в надежде еще получить лакомство. И вдруг произошло то, чего он никак не ожидал, полностью доверившись безобидным ласкам. То ли блик, отбрасываемый объективом бинокля, то ли желание получить еще вкусной зайча-

тины заставило досужего зверька совершить головокружительный прыжок, и он оказался на бинокле. Нахально свистнув в лицо Рамазану, он тут же спрыгнул на землю и принялся бегать, намереваясь повторить злую шутку. Не желая больше оставаться в обществе непредсказуемых ласок, Рамазан спустился ниже по склону, где быстро наполнил котелок ягодами.

Замечательный зверек — ласка, лучший хранитель жилища и истребитель мышей, крыс, хомяков и полевок. Но он незаслуженно преследуется человеком. В вину шустрому зверьку ставится то, что он, проникнув через щель в конюшню, взбирается по ноге лошади на ее круп и бегаёт по нему без усталости взад и вперед, путая таким образом гриву. Лошадь, напуганная бесцеремонным обращением с ней «домового», как окрестили местные жители ласку, начинает нервничать и бьет копытами, круша стойло в щепки. При попытке сбросить со спины беспокоящее ее животное она резко крутит головой и взбрыкивает задними ногами, от чего сильно потеет. А ласка только того и добивалась. Прильнув к основанию гривы лошади, она с большим наслаждением слизывает обильно выступивший пот, утоляя таким образом солевой голод.

Проселочная дорога, бегущая краем зеленой зоны Илека, всегда приводила Рамазана и его друзей к изредка встречающимся на пути селениям. Чтобы не спровоцировать местных дворняг на драку со зверогонами, а также во избежание встречи с досужими мальчишками Рамазан объезжал их стороной. Если же на пути попадалась юрта пастуха или шалаш сторожа, охранявшего бахчи или огороды, то подворачивал к ним.

Медленно, как бы нехотя, умирал яркий предосенний день. Река, намереваясь нырнуть под железнодорожный мост, привела мальчика на небольшой луг с одиноко стоявшим стогом сена. Решив заночевать под его защитой, Рамазан подъехал к нему с подветренной стороны и, отпустив собак, принялся за устройство мягкого ложа из сена. Поднимая пласт, сброшенный ветром с макушки стога, он невольно похолодел: под сеном лежала, свернувшись в кольцо, степная гадюка с зигзагообразным узором на спине. Вместо того, чтобы опустить пласт и прикрыть им змею, Рамазан, будто замороженный, смотрел в ее немигающие глаза с вертикально поставленными зрачками. Глядя друг на друга, они будто пытались разгадать какую-то тайну. Не выдержав столь близкого соседства, молниеносным броском гадюка попыталась нанести

смертельный укус в лицо человеку, но, к счастью, не дотянулась до него. Хотя и с опозданием, инстинкт самосохранения заставил мальчика отпрянуть назад и машинально прикрыть змею пластом сена. Свистнув собак, успевших разбежаться по кустам, еще под впечатлением встречи, Рамазан поехал на поиски более надежного места для ночлега.

Проселочная дорога, выбравшись с поймы Илека на бугор, устремилась вдоль железнодорожного полотна Москва — Ташкент. Ровная, накатанная дорога хоть и спрямляла намеченный маршрут и облегчала участь Тарлана, но не в состоянии была напоить и накормить путешественников, пробавляющихся подножным кормом. Спустившись к реке, Рамазан обнаружил узкую тропку и поехал по ней к железнодорожному мосту, по которому с грохотом промчался товарный состав, оставляя за собой черный шлейф дыма. За мостом река местами была настолько мелкой и узкой, что Тарлану не представляло большого труда пересечь ее на широком перекате и выбраться на противоположный правый берег. За железнодорожным мостом Илек круто поворачивал вправо и, не расставаясь с железной дорогой добрую сотню километров, вел путешественников в сторону Мугоджарских гор, где зарождалась река.

Вынужденное соседство с железнодорожным полотном, по которому взад и вперед сновали пассажирские и товарные поезда, оправдывалось простой жизненной необходимостью. В пойме Илека в изобилии водится дичь, в глубоких омутах ловится рыба, есть топливо и родниковая вода. Голая степь не могла дать путешественникам всех этих благ, не считая сокращения пути на два-три дня. Лишь бездорожье, сопровождавшееся частыми спусками и подъемами через балки и овраги, омрачало настроение Рамазана. Разбитая на ухабах тележка постоянно требовала починки. Не только на запланированных, но и на вынужденных остановках мальчик брался за ключи, подтягивал крепежные болты, гайки, слабеющие день ото дня спицы велосипедных колес, оставлявшие после себя живописный след, напоминающий змеиный.

Проезжая над высоким берегом Илека, Рамазан увидел за поворотом реки проступающие сквозь легкую дымку очертания областного центра — города Актюбинска. Вставшее на пути «препятствие» вынуждало обдумать план обхода. Первое, что он решил, — это подойти вплотную к окраине города и с наступлением утра, когда

горожане еще будут спать, начать обход с севера. Ему не хотелось, чтобы люди видели странную процессию, движущуюся по улицам, и строили по этому поводу всевозможные догадки.

Кинув взгляд через реку. Рамазан обратил внимание на вереницу движущихся повозок, запряженных лошадьми. По истрепанным ротондам, натянутым над повозками, по пестрым одеждам женщин и кудрявым головкам детей, высовывающих носы из кибиток на колесах, он узнал в них цыган-кочевников. На подступах к городу первая повозка нырнула под железнодорожный мост и показалась на левом берегу Илека. Каждая цыганская семья, облюбовав на широком лугу удобное место для временной стоянки, распрягала лошадей и ставила палатку. Тут же запылали костры, над которыми варился не ахти какой обед, учитывая еще голодное послевоенное время.

Рамазану очень хотелось понаблюдать со стороны за жизнью цыганского табора. Не доехав сотню шагов, он разбил на противоположном берегу бивуак, а чтобы зверогонь не вязалась в кровавую свару с цыганскими волкодавами, посадил их на сворки. Занятый приготовлением пищи, Рамазан временами бросал короткие взгляды в сторону табора, где по заведенному раз и навсегда порядку кипела своя жизнь. После короткого обеда женщины, а с ними и дети, разбившись на две группы, ушли из табора на промысел. Большая толпа цыганок шумной гурьбой направилась в сторону города, другая, поменьше, задрав подолы, перешла реку вброд и потянулась на заработки в деревню. Одни мужчины были заняты скорняжным делом, чинили или ладили новую сбрую, другие, набросав в костер углей и устроившись на траве с ручным мехом и наковальней, принялись выковывать из бесформенных кусков металла серпы, мотыги, косы-литовки, вилы и другие скобяные изделия, которых еще недоставало в хозяйственных магазинах.

Накормив собак, Рамазан зажарил заячью тушку и, расположившись у костра, приступил к обеду. Он не заметил, как со стороны реки к нему подошла юная цыганочка и, увидев на дастархане горку жареного мяса, смело обратилась к растерявшемуся на миг путешественнику:

— Дай кусочек жареного мяса — спляшу!

Подавая босоногой девчужке истекающий жиром большой кусок зайчатины, Рамазан спросил:

— Как тебя зовут?

— Настя я, пятая дочь в семье, — довольная щедрым угощением, ответила она и, положив мясо в засаленный платок, спрятала его в потаенный карман одной из многочисленных юбок.

— Почему не ешь, пока зайчатина горячая и сочная? — спросил недоумевающий Рамазан и, наконец сообразив, махнул рукой.

Стройная смуглянка Настя с вплетенными в две иссиня-черные косы монистами выглядела живописно: ярко-голубую кофточку, заношенную до дыр, дополняли нанизанные одна на другую три широкие разноцветные юбки, а на узких плечах пламенел полушалок цвета осенних листьев. С маленьких ушей, свисали кольца-серьги. Окинув теплым, озорным взглядом Рамазана, цыганочка сбросила на траву полушалок и, картинно подбоченясь, подняла над головой тонкие руки. Чуть помедлив, она, бесшумно перебирая посиневшими от холода босыми ногами, пустилась в стремительный пляс. С запрокинутой назад головой и изгибающимся змеей тонким торсом, в безудержном экстазе потрясала чуть обозначившейся грудью, от чего по плечам пробегала волнами мелкая дрожь и звенели серебряные мониста. Из слегка полураскрытых обветренных губ выглядывал чуть подрагивающий язычок, а жгуче-черные глаза не отрываясь следили за улыбающимся Рамазаном, с неописуемым восторгом наблюдавшим за ней. Притопнув в последний раз, Настя выдохнула «хап» и, подхватив с травы полушалок, с разрумянившимся и сияющим лицом подбежала к Рамазану.

— Хочешь послушать задушевный цыганский романс? — слегка опустив глаза, лукаво спросила Настя.

— Спой, я с удовольствием послушаю! — польщенный вниманием цыганочки, воскликнул Рамазан. Зная заранее, что сейчас последует вопрос «Что дашь?», пододвинул к себе мешочек, пообещав: — Если хорошо споешь, отсыплю тебе две горсти илецкой соли.

Но до романса дело не дошло. Только Настя приняла картинную позу и приоткрыла ротик, как ее лицо помрачнело. Из только что бойкой, веселой цыганочки она превратилась в запуганное существо. Одернув юбки, Настя еще раз посмотрела за реку, бросила на ходу: «Отец идет, как бы нас обоих кнутом не отстегал!» — и побежала догонять своих товарок, подходивших к деревне.

По берегу Илека быстрым шагом шел средних лет цыган в начищенных до блеска хромовых сапогах, слегка

напущенных на них шароварах, в красной поддевке и, явно нервничая, беспрестанно хлопал черенком кнута по голенищу. Поровнявшись с палаткой, он большими прыжками перескочил в узком месте речушку, и только начал подниматься по косогору на бугор, как громоподобный рык Тарлана остановил его.

— Парень, спустись-ка вниз, поговорить надо, — с трудом сдерживая гнев, крикнул снизу цыган.

— Поднимайтесь смело, собаки не тронут, привязанные! — с какой-то внезапно нахлынувшей веселостью отозвался Рамазан.

Подойдя к палатке, цыган опустился у костра на корточки и, играя кнутом, строго спросил:

— Что это моя дочь перед тобой танцы-манцы устроила?

— Ничего особенного ваша Настя здесь не устраивала! Она просто от души сплясала, а за труд я дал ей полтушки жареной зайчатины, — пожимая плечами, объяснил недоумевающий Рамазан.

— Не сердись, парень! В каждой семье должен быть строгий порядок, — сменив гнев на милость, смущенно сказал цыган и, поднявшись, добавил: — Настя — девчонка хорошая, но еще бестолковая, а значит, отцовский догляд нужен.

— В поведении Насти не было ничего плохого, — оправдывался смущенный Рамазан. — Она у вас добрая, ласковая, романс старинный собиралась спеть за две горсти соли.

— Где солью разжился? — любопытствовал цыган и, не дождавшись ответа, предложил заманчивый вариант обмена: — Даешь пять горстей соли, а я тебе отдам кнут, без которого тебе в дороге никак не обойтись.

— Зачем мне кнут, когда собаки и так слушаются? — вопросом на вопрос ответил Рамазан.

— Хороший кнут и умение им владеть — надежная защита от нападения не только злых собак, но и недобрых людей, — убеждал несговорчивого путешественника цыган-жох и для большей убедительности решил продемонстрировать все его возможности.

Отступив от палатки шагов на десять, цыган взмахнул над головой кнутом и с оттяжкой щелкнул концом, будто выстрелил. От резкого звука борзые повскакали со своих мест и принялись лаять. Цыган снова размахнулся и с силой подсек концом хлыста верхушку орешины, будто срезал напроць шашкой.

— Как, меняемся? — довольный собой, с торжеством спросил цыган.

Без лишних слов Рамазан отмерил пять горстей соли и, решив попробовать себя, сунул кнут за штанишки, вскинул ноги и побежал к дальним кустам орешника. При виде бегущего на руках мальчика цыган невольно подался вперед и, не скрывая удивления, внимательно стал следить за его движениями, явно что-то обдумывая. С трудом добившись всего лишь одного выразительного «выстрела» кнутом, тем же путем Рамазан вернулся к палатке.

— Да ты, как я посмотрю, со своими способностями настоящий клад! — восхитился предприимчивый цыган и спросил: — У тебя родители есть?

— Нет у меня ни отца, ни матери, погибли! — с тоской в голосе ответил мальчик

— Это хорошо, что ты сирота! — с радостью заключил цыган.

— Что же в этом хорошего? — вскинулся Рамазан, еще не догадываясь, куда тот клонит.

— Иди к нам в табор, примем! Будешь жить в моей палатке, а по утрам я буду тебя отвозить с медвежонком на базар, где перед публикой вы вдвоем будете выделять всевозможные фортели. Настя тебе каждый вечер будет петь и плясать бесплатно, — разоткровенничался цыган.

— Нет, я никогда не буду зарабатывать себе на жизнь таким унижительным путем! — категорически отверг Рамазан предложение цыгана. — У меня в Каратогае живут больные дедушка и бабушка, так я еду к ним, чтобы вместе с ними жить, — пытаюсь сбить с толку цыгана, соврал он.

— Ты, парень, хорошенько подумай о моем предложении, завтра утром я приду. В случае отказа я сделаю так, что ты об этом пожалеешь и сам попросишься в наш табор, так как у тебя не будет другого выхода, — в упор посмотрев в глаза Рамазану, сказал цыган, будто резанул по живому, и ушел не попрощавшись.

Поразмыслив, Рамазан решил убраться подальше от этого злосчастного места. Может быть, это решение спасло от верной гибели его собак, в которых цыган видел главное препятствие для своей затеи. Не дожидаясь, когда тот придет на бивуак, Рамазан свернул палатку, упаковал вещи и под покровом ночи бесшумно снялся с места и направился в степь. Доверившись охотничьему инстинкту Тарлана, он, словно вор,

крадучись пробирался вдоль сонного города, ориентируясь по редким стационарным огням и лаю дворовых собак.

Долгожданный рассвет Рамазан встретил уже далеко от города. Чтобы не привлечь к себе внимание людей в открытой степи, он круто повернул на юг. Вернувшись на берег Илека, он подыскал среди густых зарослей полянку, снял шлейку с Тарлана и, упав на пожелтевшую траву, уснул в обнимку с утомившимися за тряскую дорогу щенками.

Ближе к вечеру вернулись с охоты зверогоны, проснулись отдохнувшие щенки и, тыкаясь влажными носами в лицо еще крепко спавшего Рамазана, требовали пищи. Разбудив своего кормильца, вместе с ним они отправились на берег реки ловить на ужин рыбу. Как ни ухитрялся рыбак, настоящего клева не было. Ловились лишь усатые пескари величиной с палец, которых Рамазан из жалости отпускал обратно в реку. Сквозь воду было хорошо видно, как стайка вездесущих пескарей с ходу атаковала насадку и рвала ее на части, не оставляя ничего более крупной рыбе. Последнего попавшегося пескаря Рамазан не снял с крючка, а, подтащив его поближе к берегу, бросил в сердцах на песок удилище и занялся костром.

Согрев чай, Рамазан расположился у ярко горевшего костра и достал неприкосновенный запас, но тут всплеск под берегом насторожил его. Звуки, напоминающие удары хвоста крупной рыбы об воду, разбудили борзых и волко-пса и заставили их пристальнее всматриваться в сторону реки. Лишь легкие на подъем щенки, сгорая от любопытства, помчались к воде и подняли визг. Странное поведение Хобды и Ветки заставило Рамазана отложить мешочек с энзэ и поспешить на берег реки. Первое, что бросилось ему в глаза, это удилище, которое, скользя змеей по песку, уползало в воду. Успев ухватиться за его конец, Рамазан резким рывком на себя вытащил на берег сома весом около десяти килограммов. Похоже было на то, что любопытный сомина, увидев сквозь воду пляшущие языки костра, подплыл к берегу и, наткнувшись на пескаря, проглотил его вместе с крючком.

Из жирного сома получилась не только вкусная, с янтарным блеском, уха, но и запеченное в песке под костром рыбное филе, завернутое в листья лопуха. После ужина Рамазан сварил из головы сома холодец, а чтобы он как следует застыл к утру, закопал котелок с содержимым в мокрый песок. Отсутствие хлеба, картошки, круп и

макаронов ничуть не сказывалось на аппетите юного путешественника, питающегося лишь дарами природы, которые мог добыть сам.

За станцией Алга заканчивалось путешествие вверх по Илеку. Не доезжая до станции Аккемир Рамазану предстояло покинуть гостеприимную реку, пересечь железнодорожное полотно и продолжить путь по степи вплоть до истока Темира. Но на последнем отрезке пути по Илеку его поджидала неприятность, которая в корне изменила характер передвижения.

С трудом продравшись по узкой тропе сквозь густой пыльный бурьян и всласть начихавшись, Рамазан выехал на полянку. Река в этом месте жмет к противоположному берегу, где беспощадно гложет не защищенный лесом податливый берег. Здесь, под крутым обрывом, разостлав на песчаном наносе корни-плети, был только низкорослый и редкий тростник. Придержав Тарлана, мальчик долго смотрел в бинокль вверх по реке в надежде подыскать удобное место для ночлега. Слабый ветер дул ему в лицо, играл верхушками тростника и гнал по нему одну за другой легкие волны. Но что это? Внизу, недалеко от обрыва, в зарослях, рыскал какой-то зверь. Тростник с шумом расступался и смыкался, резко кланяясь метелками. Наблюдая из-за обрыва, Рамазан подумал, не охотничья ли собака рыщет в поисках добычи. Борзые-газы, только что бежавшие вслед за тележкой, улучив момент, расположились рядом на отдых и не видели, что происходило внизу. Вот на узкий прогал выкатилось что-то серое на коротких ногах и снова проковыляло в заросли.

Убедившись в том, что это не охотничья собака, Рамазан решил спугнуть, видимо, занятого поисками пищи зверя.

Спустившись с тележки, Рамазан просунул руку между кустов полыни, отломил кусок грунта от обрыва и, размахнувшись, бросил в заросли. По тростнику, будто узкой полосой, прошелся вихрь — это прямо на Рамазана к обрыву стремительно мчался барсук. Юный охотник только сейчас обнаружил узкую звериную тропу, террасой взбегающую под крутым углом по обрыву вверх. Тяжело дыша, на обрыв вымахнул крупный барсук и, несмотря на неожиданную встречу с человеком и собаками, не бросился назад, а, шмыгнув между тележкой и Тарланом, покатил к зарослям, дразня зверогонов своей жирной тушей.

Неожиданное появление зверя под самым носом у

собак, вечно ищущих объект для охоты, внесло среди них настоящий переполох. Задетый за живое, первым бросился за убегающим нахалом Тарлан. За ним с лаем устремились борзые, которые, быстро обойдя волко-пса с тележкой без седока, врезались вслед за барсуком в высокий бурьян. Пытаясь удержать Тарлана, Рамазан кричал, звал его, но где там! Увлеченный азартом гона, волко-пес не слышал команды своего повелителя. Опасаясь за тележку и щенков, мальчик поспешил вслед за преследователями. Проломившись сквозь стену густого бурьяна, Тарлан неожиданно уперся в широкую промоину и, не раздумывая, прыгнул через нее. Сильный удар колес о край обрыва смял их до самых осей, придав форму большой буквы В. Когда Рамазан увидел, во что превратилась ходовая часть тележки, понял, что о продолжении путешествия на колесах не может быть и речи. Но он не винил ни себя, ни Тарлана в свалившемся на него несчастье, считая случившееся стечением обстоятельств.

Освободив Тарлана от шлейки, Рамазан вытащил из корзины целых и невредимых щенков, которые убежали вслед за волком-псом туда, откуда доносились звуки грызни борзых с настигнутым ими барсуком. Освобождая покалеченную тележку от вещей, мальчик слышал шум, издаваемый продирающимися сквозь перестоявшую полынь животными. Из зарослей, в сопровождении борзых и щенков, вывалился Тарлан с тяжелой ношей на спине, которую по-волчьи придерживал зубами за переднюю лапу. Довольные добычливой охотой собаки с нетерпением ждали своей доли.

Снимая шкуру с налитого жиром барсука и разделывая тушку, Рамазан вспомнил, что в одной из книг о Северной Америке он читал о кочевой жизни индейцев, которые до прихода на материк англичан не знали о существовании колеса. Вместо телеги на колесах им много веков служила простая в изготовлении волокуша, на которой они перевозили свой скарб, запрягая в нее лошадь. Присмотревшись к толстым веткам растущего в низине серебристого тала и облюбовав две подходящие лесины, он решил, что сразу после ужина займется изготовлением волокуши.

Накормив собак, Рамазан поужинал сочной барсучатиной и, сев на Тарлана, поехал в лесок за слегами для будущей волокуши. Срубив охотничьим ножом две длинные лесины, очистил их от веток и, привязав к шлейке Тарлана, вернулся на бивуак.

Неожиданно со стороны Мугоджарских гор подул сильный ветер. Он пригнал с северо-востока налитые свинцовой тяжестью тучи, из которых посыпал мелкий нудный дождь. В установленную Рамазаном палатку первыми забрались щенки Ветка и Хобда и, как водится у семейства собачьих в непогоду, принялись шумно играть, за что их пришлось наказать. Борзые и волко-пес не пытались спрятаться от дождя в палатке и, не теряя достоинства, терпеливо лежали под низкорослой орешинной, с которой струилась вода. Рамазан звал собак в палатку, но они лишь помахивали хвостами, выражая таким образом благодарность своему повелителю за его доброту и внимание.

Всю ночь не переставая лил холодный нудный дождь, заставивший Рамазана забраться в сшитый бабушкой спальный мешок и в тепле и уюте слушать шум непогоды. Конечно, ему было очень жаль, что сломалась тележка, ведь вскоре предстояло пересечь 40-километровый отрезок пути по плоской равнине между Илеком и Темиром. Лишь выпавший дождь вселял надежду на то, что тяжело нагруженный волко-пес и борзые смогут утолить жажду в придорожных лужах, где и ему найдется глоток воды, когда иссякнет запас из фляжки.

Лишь в полдень следующего дня поредели тучи, унялся дождь и в образовавшиеся голубые окна временами проглядывало солнце. О продолжении путешествия пока не могло быть и речи. Первым делом ему нужно было смастерить и опробовать волокушу. Он смирился с тем, что большую часть пути ему придется идти на руках и лишь в крайнем случае воспользоваться спиной Тарлана.

Утром следующего дня, когда солнце высушило на палатке осевшую за ночь росу, Рамазан сложил на волокушу вещи, запряг в нее Тарлана и сделал несколько пробных кругов по поляне. Хотя волокуша и не выглядела громоздкой, но четко прочерчиваемый ею глубокий след говорил сам за себя.

Вот и пришла пора расставания Рамазана с Илеком, поившим и кормившим его с детских лет. Небольшая семья Араловых появилась на берегу степной реки в тяжелый и голодный для страны 1933 год. Старший брат дедушки Алимбая, Аркарбай, давно жил в этих краях и в первый год коллективизации вступил со своими верблюдами, лошадью и овцами в колхоз. Он не столько работал в хозяйстве, сколько занимался любимым делом — охо-

той с борзыми и тайганом¹. Охотился Аркарбай на лис своеобразно: сажал на лошадь перед собой легкого на бег тайгана, который с высоты быстро обнаруживал бегущую лису или корсака и, прыгнув на землю, увлекал за собой борзых-тазы в дружном азартном гоне. Вскоре Аркарбай заболел и, чтобы повидаться в последний раз с младшим братом Алимбаем, написал знакомому в Кунград. Тот и передал письмо дедушке Алимбаю при встрече на скотном базаре. Так семья Араловых поселилась в доме старшего брата. Через два года после его смерти от тоски по мужу умерла его жена Орыкул. У них было два сына, но они оба погибли еще мальчишками во время ледостава на Илеке, а значит, саманный дом, живность и охотничьи собаки перешли в наследство младшему брату. Занятый выпасом колхозных овец, Алимбай не интересовался охотой, и постепенно зверогоны превратились у него в сторожевых псов. Шло время, и когда подрос внук Рамазан, он постепенно возродил охоту с борзыми в роду Араловых.

Перебравшись через обмелевший в осеннюю межень Илек, Рамазан в последний раз напился из него воды, наполнил фляжку и, увлекая за собой Тарлана, тащившего за собой волокушу с нехитрым скарбом, пошел на руках в сторону железной дороги. Выйдя на тропу, бегущую вдоль высокого полотна, направился к виднеющейся вдали станции в надежде найти там переезд. Встретив на пути неглубокую балку, мальчик обнаружил под железнодорожным полотном донный водовыпуск большого диаметра. Обрадовавшись «открытию», которое давало ему возможность не делать большой крюк, направился к нему. Но нарастающий гул приближающегося поезда заставил Рамазана остановиться на спуске в балку.

Со стороны станции Аккемир, набирая скорость, мчался пассажирский поезд № 85 «Ташкент — Москва» (почему-то прозванный местным населением «Максимкой»). Опустившись на пожелтевшую траву, Рамазан решил попрощаться с последним поездом своего детства. Помахивая рукой, он искренне улыбался высунувшимся из окон переполненных вагонов пассажирам, которые отвечали ему тем же. И вдруг, заглушая стук колес, до Рамазана донесся пронзительный крик женщины. Из тамбура проходящего мимо вагона, чуть было не угодив в собак, вылетел чемодан. Ударившись о землю, он несколько раз перевернулся и на глазах Рамазана едва не развалился на

¹ Тайган — охотничья собака по зверю.

части. Вслед за чемоданом с подножки вагона спрыгнули двое мужчин и с душераздирающим криком — женщина. Видно, хорошо натренированные прыгать с поездов, мужчины отделались лишь легкими ушибами и, стряхнув с себя налипшие колючки, молча направились к чемодану. В плачущей женщине Рамазан разглядел рослую девушку. С трудом поднявшись с земли, она потерла содранные в кровь колени и, слегка прихрамывая, пошла вслед за парнями.

По детской наивности Рамазан не догадывался, что перед ним разыгрывается жестокая драма, в которой ему невольно отводится главная роль. Но недоброе предчувствие заставило его снять с Тарлана шлейку, развьючить борзых и приказать им лежать рядом. Внимательно наблюдая за происходящим, он временами бросал взгляд то на подозрительных парней, то на чемодан, из которого выглядывали книги, бежевая туфля лодочкой и лопнувшая наволочка со струившимся на землю пшеном. Один из парней, что был намного выше рябого напарника, подошел к чемодану, пнул его ногой и, увидев сидящего на гребне откоса балки мальчишку с собаками, хриплым голосом прокричал:

— Марш отсюда, щенок, со своими шавками, не то кишки выпущу! — и, в доказательство к сказанному, достал из-за пазухи кнопочный нож с длинным лезвием и бесцеремонно принялся срезать багажные ремни, не давшие чемодану рассыпаться на части.

— Что вы делаете, мародеры? Ведь последнее отбираете у студентки! — заламывая в отчаянии руки, истошно кричала девушка.

— Зачем трогае чужое? Отдайте чемодан хозяйке, он ведь не ваш?! — по-доброму обратился Рамазан к ухмыляющимся грабителям.

— Да это наша сестра — меньшая, так что валяй со своими дворнягами пока цел! — вступил в разговор подошедший к Рамазану рябой толстяк.

— Они мне не братья! Это настоящие грабители с большой дороги! — внесла ясность девушка и, приложив к высокой груди руки, взмолилась: — Отдайте хотя бы книги, господом Богом прошу!

— Что ж, раз тебе дороги книжки, мы вернем их тебе, но за особую плату! — подчеркивая последние слова, пообещал длинный и добавил, смакуя: — Ты вон какая красивая да ядреная девка, грех не полакомиться таким розанчиком!

— Еще раз прошу вас по-доброму, отдайте девушке чемодан с вещами, иначе плохо будет! — поняв, к чему клонит бандит, твердо пообещал Рамазан.

— Ты что тут пицишь, пащенок, жить надоело?! Ну так я помогу тебе отправиться на тот свет! — угрожающе закричал рябой бандит и, выхватив из-за спины финку, рванулся к Рамазану.

Тут произошло то, чего нападавший никак не ожидал. Защищая своего повелителя, Тарлан набросился на бандита с грозным рычанием, вонзив мощные клыки в его руку. Взвыв от боли, тот выронил финку и, закрывая лицо руками, упал на землю. Пытаясь избежать зубов рассвирепевшего волко-пса, он скатился по откосу на дно неглубокой балки.

Высокий головорез, поняв наконец, что парнишка зря слов на ветер не бросает, метнулся к оцепеневшей от страха девушке. Схватив ее за косу, намотал на левую руку и, запрокинув голову, занес нож над горлом.

— Зачем берешь на душу грех?! — закричал Рамазан.

— Убери собаку, пацан, иначе зарежу на твоих глазах девчонку! — зловеще поводя над ее горлом длинным ножом, ревел палач.

Рамазан не ожидал такого поворота событий и на какой-то миг растерялся. Чтобы заставить парнишку побыстрее избавить сотоварища от волко-пса, высокий хладнокровно полоснул острым концом ножа по слегка припухшему девичьему подбородку. Тонкая струйка крови, словно зловещая змея, стремительно поползла по шее и, достигнув груди, устремилась по ложбинке под кофточку.

— Скорей отзови собаку, иначе полосну по горлу девчонку, ты будешь виноват в ее смерти! — истерически кричал бандит, бросая короткие взгляды то на Рамазана, то на волко-пса, рвущего в яростной злобе одежду на его напарнике.

— Тарлан, ко мне! — зычным голосом подал команду Рамазан.

Оставив распростертого на земле бандита, Тарлан пулей помчался из балки на зов повелителя. Высокий, увидев, что собака оставила в покое его друга, с силой оттолкнул от себя девушку. Приготовившись на всякий случай, он пристально следил за бегущим на зов хозяина Тарланом. Как только волко-пес поровнялся с ним, Рамазан в порыве отчаяния и злости громко подал команду:

— Ату-у его, Тарлан! — и для большей убедительности махнул рукой в сторону высокого.

Круто развернувшись на бегу, волко-пес бурей налетел на онешившего от неожиданности бандита, но удар ножом все же пришелся ему по плечу. Второго удара не последовало, так как Тарлан вцепился в руку высокого выше локтя, повалил его на землю, и тот, взревев от боли, выронил нож.

Собрав оружие бандитов, лежавших ничком и тихо поскуливающих от боли, Рамазан поспешил к девушке.

— Не плачь, все уже позади! — как мог, успокаивал он ее и, подумав, предложил: — Тебе надо поторопиться на станцию и сообщить в милицию о случившемся, а я с собаками покараулю вору до вашего прихода.

Обливаясь слезами и размазывая струившуюся с подбородка кровь, девушка поднялась с земли и пристально посмотрела в сторону железнодорожного полотна. И вдруг ее лицо озарилось улыбкой. Смахнув слезы, девушка закричала:

— Дядя Ага-ай! Идите скорей сюда! На меня бандиты напали!

Глянув через плечо, Рамазан увидел на железнодорожном полотне путевого обходчика с большим гаечным ключом на плече. Услышав знакомый голос, он тут же поспешил по откосу насыпи вниз, ругаясь на чем свет стоит.

— Ах, подлецы, на дочку дежурного по станции напали! Ну, держитесь, негодяи, сейчас я с вами разберусь!

Девушка поспешила навстречу обходчику и, чтобы внести ясность, коротко рассказала ему суть происшедшего с ней несчастья. Из их разговора Рамазан узнал, что девушку зовут Таня, а ехала она в Оренбург, где собиралась учиться в педагогическом институте.

— Только отец посадил меня в переполненный пассажирами вагон, — объясняла Таня, — как поезд тронулся. Я попыталась пройти с тяжелым чемоданом вовнутрь вагона, как эти двое преградили мне дорогу. Один из них, вон тот, что повыше, любезно предложил мне свою помощь, и я сдуру обрадовалась и отдала чемодан. Другой парень толкнул меня в глубину тамбура, и тут я поняла, что они воры, и подняла крик, но было уже поздно. Чемодан полетел под откос, за ним прыгнули воры. Я же сгоряча прыгнула за ними, не успев даже сообразить, что подвергаю себя серьезной опасности.

— Отчаянная у тебя головушка, соседushка! Разве можно доверять свои вещи незнакомым людям? — покачивая головой, отчитывал доверчивую девушку путевого обходчик.

— Да, вы правы, дядя Агай! Если бы не парнишка со своими собаками, бандиты не то что вернуть чемодан с вещами, еще бы надругались надо мной. А там, чтобы спрятать концы в воду, не задумавшись, убили бы, — смахнув скатившуюся со щеки слезу, с трудом договорила Таня.

Один из бандитов, ругаясь трехэтажным матом, попытался встать. Внимательно следивший за ним Тарлан подбежал к нему и цапнул за ногу, от чего тот вскрикнул и снова опустился на землю. Таня, внимательно посмотрев на своего спасителя, медленно подошла к нему.

— Как тебя зовут, герой? — спросила она ласково.

— Рамазан Аралов я, а герой — мой верный друг Тарлан, — ответил он и ласково потрепал по загривку волко-пса.

— Спасибо тебе, Рамазан! — низко склонив свою красивую головку с ниспадающей до пояса косой, сказала Таня: — Помни, что ты для меня теперь на всю жизнь герой, и кто знает, может быть, наши дороги когда-нибудь еще сойдутся!

— Что будем делать с ворами? — обратился Рамазан к обходчику Агаю. — Может быть, отпустим их? Они свое получили сполна и вряд ли отважатся еще раз на такое.

— Нельзя преступникам прощать! Им что — отлежаться в укомном месте, зализут раны и снова, как те матерые волки, возьмутся за старое, работать-то родители их не приучили! Пусть посидят в тюрьме годиков пять-шесть, все меньше людей за это время пострадает от них, — твердо заявил обходчик Агай и попросил Рамазана: — Ты пока-рауль бандитов со своими собаками, а мы с Таней на станцию за милиционером съездим. Там у меня ручная дрезина, — кивнул он в сторону железнодорожного полотна.

Когда Рамазан остался один на один с бандитами, тот, что лежал поближе к нему, взмолился:

— Ты, паря, отпусти нас, мы и так наказаны!

Вторя ему, снизу донесся хриплый голос рябого:

— Мы тебе дадим много денег! Ты только уйди со своими собаками подальше, а мы как-нибудь уползем, схоронимся так, что никто нас не найдет, — пообещал он Рамазану.

— Я вас, дяденьки, дважды предупреждал, чтобы оставили в покое девушку и отдали ей чемодан, так нет, вы не послушались! Пусть теперь с вами милиция разбирается, — сказал, будто отрезал, Рамазан.

Через час к месту происшествия подошла грузовая

автомашина с возбужденными мужчинами, среди которых были отец и брат Тани. Милиционер попросил Рамазана придержать забеспокоившихся собак и, одев на бандитов наручники, приказал им встать. Стонущих и хромающих, их посадили на машину и повезли на станцию Аккемир. Проводив машину, отец Тани подсел к Рамазану и, помолчав, произнес:

— Спасибо, сынок, что заступился за дочь, не дал извергам надругаться над ней!

— Каждый мужчина на моем месте не дал бы в обиду беззащитную женщину!

Внимательно присмотревшись к Рамазану и его собакам, отец Тани спросил:

— Скажи, если не секрет, откуда ты и куда направляешься?

— Из-под самого Илецка добрался я сюда по реке, а путь держу за Синее море, в страну больших озер.

— Не в Каракалпакию ли ты нацелился?

— Да, туда, там по Устюрту мои предки кочевали.

— Ей-ей, куда замахнулся! Нужда, что ли, какая приключилась?

— Вот, ноги после несчастного случая отказываются ходить. Думаю, что, связав жизнь с большим озером и бешеной Амударьей, я заставлю их ходить.

— Задумал ты доброе дело, вот только хватит ли у тебя сил и выдержки побороть самого себя?

— Раз задумано, значит, будет сделано, — твердо сказал Рамазан и, слегка улыбнувшись, добавил: — Я к вам лет так через десять еще в гости загляну!

— Такому гостю, как ты, мы всегда будем рады. Удачи тебе, неутомимый человек!

Рамазан окинул долгим взглядом полянку, на которой только что было наказано зло, и лицо его посветлело от радости. В жестокой схватке с бандитами Рамазан вышел победителем, а значит, ему удалось побороть в себе страх.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В степи между Илеком и Темиром. Колесо — подарок перекати-поля. Схватка с верблюдом. У истока Темира. У водопада

За железнодорожным полотном перед взором Рамазана открывалась степь, которая манила его своей многоликостью и загадочностью и совершенно не пугала своей

безбрежностью. И наоборот, близость железной дороги, а значит, цивилизации грозила неприятностями. Поэтому, не останавливаясь на отдых, Рамазан спешил покинуть ее пределы, откуда, как напоминание о пережитом, еще доносились гудки паровозов.

В сумерках, наткнувшись на ложину, он решил сделать привал. Расстелив брезентовую палатку и забравшись в спальный мешок, проспал под надежной защитой преданных друзей до самого утра. Холодный утренник с легким налетом инея на траве не испугал Рамазана. Он влез в меховой конверт, застегнул ремни-помочи на груди и, натянув на руки теплые рукавички, продолжил путь на руках вдоль разбитой полевой дороги, бегущей со станции Аккемир в сторону хутора Моисеевский.

Под напором разгулявшегося к полудню ветра один за другим катились навстречу колющие шары перекасти-поля, напоминающие своей формой колесо, вприпрыжку бегущее по степи. Стоило ветру ослабнуть, шары-колеса замедляли бег, ложились плоской частью на землю и лениво переваливались с боку на бок. Но стоило ветру усилиться, перекасти-поле мгновенно вставали на ребро и, снова превратившись в прообраз колеса, мчались вдаль до тех пор, пока не скатывались в ложину или овраг. Возможно, таким образом 4 тысячи лет тому назад природа подсказала степным народам изобрести колесо. Так подарок перекасти-поля решил, да и поныне решает проблему передвижения.

В пути тяжело нагруженные собаки, а с ними беспечные щенки часто попадали к лужам, а утолив жажду, терпеливо продолжали путь на юг. В глухой степи не было слышно пенья птиц, пересвиста сусликов, так как одни, накопив жир, завалились в норах спать, другие, отгнездившись, улетели на юг в теплые края. Лишь над горизонтом черными тучами проносились скворцы да, вспарывая острым клином синь неба, проходили стороной запоздалые стаи журавлей.

Впереди, растянувшись по степи, паслось большое стадо верблюдов-дромадеров. Среди темно-рыжих животных резко выделялся белый верблюд-самец. Еще издали заметив стаю собак, смело направляющихся в расположение его гарема, он от злости тряхнул головой, будто пытался избавиться от неожиданно возникшего перед ним видения. Всмотревшись еще раз и, видно, убедившись в реальности происходящего, верблюд рывком на всю степь

и быстрым шагом направился навстречу стае, которой управляло непонятное существо, идущее вверх ногами.

В брачный период верблюды-самцы, как правило, становятся опасными для человека. Зная это по собственному опыту, Рамазан опустился на землю и, подав своим друзьям команду остановиться, на всякий случай освободил Тарлана от волокуши.

По сравнению со своими собратьями белый верблюд выглядел гигантом. На мощной и сильной шее в такт шагам покачивалась огромная голова, а мозолистые образования на передних и задних ногах, на которые он опирается, когда ложится на землю, настолько загрибели, что походили на старую древесную кору. Когда до расположившихся на траве путешественников оставалось шагов десять, с лежки вскочил Тарлан и, взъерошив загривок, угрожающе зарычал, показав остановившемуся верблюду мощные клыки. С грозным самцом, ревностно оберегающим покой своих верблюдиц, в разговор вступил Рамазан.

— Ты что же, дурить вздумал? — вежливо обратился он к дромадеру-гиганту.

В ответ верблюд пробормотал что-то свое, отгрынул жвачку, и зеленый плевок-шар полетел в обидчика, угодив ему в грудь.

— Вот нахал! — смахивая расплывающуюся зеленую массу, возмутился Рамазан и, чтобы прогнать верблюда, громко закричал: — Марш с дороги, иначе проучу тебя как следует! — и, выхватив из-за пояса цыганский кнут, изо всех сил стеганул невозмутимо стоявшего гиганта, готовящегося ко второму плевку.

Разгневанный верблюд, которому в подобной ситуации ничего не стоит убить человека, взревел не столько от боли, сколько от унижения, и рванулся в бой. Вращая большими выпуклыми глазами, щелкая от злости желтыми зубами, он лягнул по пути набросившегося на него Тарлана и устремился на Рамазана. Защищая своего повелителя, в схватку ввязались неразвьюченные борзые-тазы. Преградив путь ревущему верблюду, они смело бросились на него, пытаясь вцепиться в шею, но ударами головы и передних ног он лихо отбивал их наскоки. В самый критический момент, когда Рамазан был вынужден взяться за охотничий нож, чтобы отразить нависшую над ним смертельную опасность, подоспел Тарлан. Прыгнув сзади на опущенную голову верблюда, он вцепился ему в ухо. Крутанув мощной шеей, верблюд отбросил волко-пса

в сторону. В этот момент с двух сторон на него навалились борзые. Не выдержав схватки с дружной стаей, хозяин гарема бросился бежать под защиту своих невест, внимательно наблюдавших за происходящим. Отозвав собак, Рамазан дал им возможность прийти в себя от возбуждения, обошел стороной стадо степных великанов и продолжил путь на юг.

На третий день пути по рыжей равнине Рамазан увидел вдали выплывающие из-за горизонта туманные горы, питающие своими мощными родниками степные реки Темир, Уил и Хобду. Еще вчера, как только опустела фляжка, мальчика и его собак от жажды начало тянуть к придорожным лужам. Но настоящая на верблюжьих и овечьих орешках вода не внушала доверия.

Еле приметная дорога, попетляв по степи, привела Рамазана к истоку Темира. Еще на подступах к нему он услышал шум падающей воды. Когда подошел поближе и глянул вниз, то увидел необычное творение природы.

Из-под нависшей козырьком горы с ревом вырывался поток воды и, падая в кипящий водоворот, поднимал к небу каскад серебряных брызг. Невысокий водопад, оглашающий шумом все вокруг, поразил Рамазана своей мощью. Налюбовавшись сверху, он спустился вниз и, отыскав просторную лужайку, решил на ней заночевать. Утолив жажду кристально чистой водой, он разбил палатку и в сопровождении любопытных щенков пошел к водопаду, который, словно магнит, притягивал его к себе.

Каскад падающей воды снизу выглядел еще грандиознее. Присев на берегу стремительно убегающей вдаль речушки, Рамазан не отрываясь смотрел на водопад, над которым сверкала сотворенная из мельчайших капель радуга. Под впечатлением увиденного как-то сами собой сложились стихи.

Рожденный выходом грунтовых вод,
Природный дар из года в год,
Поток живого хрусталя
Льет щедро на поверхность дня.

Еще в шестом классе Рамазан пристрастился писать стихи о природе, для чего завел тетрадку, написав на обложке большими жирными буквами «Лирика Рамазана Аралова». Когда тетрадка наполнилась стихами, он отобрал три самых лучших и, набравшись смелости, послал в Оренбургский областной совет Союза писателей. Вскоре на его стихи пришел разгромный ответ за подписью само-

го председателя, где говорилось: «...Оставьте глагольное рифмоплетство, попробуйте себя в прозе». После такого письма Рамазан убрал с глаз подальше свою «лирику» и никогда к ней больше не возвращался. И вот же надо такому случиться: его вновь посетило вдохновение.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вниз по Темиру. Вынужденный обмен. Лиса Патрикевна. В урочище Каратугай. В ледяной купели. Во власти жестокой болезни. Встреча на Эмбе

На пути к Эмбе немногочисленные в межень и бурный в паводок Темир несет свои воды среди живописных долин и песчаных массивов, щедро питая влагой прибрежные тугаи, поросшие ивняком, джидой, тамариском. Многочисленные роднички и мочажинки, вокруг которых толпятся кустарники и деревья, подпитывают реку на всем ее 168-километровом пути. Справа, подчеркивая красоту и гармонию степного края, сквозь белесую дымку видны горы Байсары и Бесобо.

Утром, налюбовавшись в последний раз сверкающим в лучах восходящего солнца водопадом, Рамазан наполнил фляжку кристально прозрачной водой, поднялся с поймы наверх и пошел на руках вдоль Темира к его устью. С поломкой тележки ему пришлось отказаться от распорядка дня. Из-за частых остановок на отдых вдвое сократились дневные переходы, которые составляли всего 12—15 километров в день. Проселочная дорога, бегущая под уклон в сторону Эмбы, лишь местами давала Рамазану возможность ехать на Тарлане, что позволяло удлинять переходы, не делая дополнительных остановок.

В полдень следующего дня, остановившись на привал у родничка, Рамазан согрел чай и, развернув географическую карту, склонился над ней. Изучая предстоящий маршрут от верховья до устья Темира, он наткнулся на хутор Покровский. Наличие русского поселения в сердце Западного Казахстана удивило его и заставило внимательнее взглянуть на карту. В верховьях Темира, Уила, Хобды Рамазан обнаружил целое скопление русских станиц, хуторов и деревень, и он стал строить всевозможные догадки об их появлении. Чтобы знать причину массового заселения диких степей Казахстана русскими поселенцами, необходимо заглянуть на три века назад.

В XVII — начале XVIII века урало-каспийские степи

были просто «диким полем», где на тучных пастбищах, среди многочисленных рек, речушек и пресных озер, пасли свои стада казахи-кочевники, и не помышлявшие поднимать пласты могучего степного чернозема под посевы зерновых. За Уралом начинались киргиз-кайсацкие степи — кочевые территории трех казахских государственных объединений: Младшего жуза (Малой орды) на западе, Среднего жуза (Средней орды) в центральной и Старшего жуза (Большой орды) в восточной части Казахстана.

Занимаясь переустройством Российского государства, в начале XVIII века Петр Великий обращает внимание на казахские степи, лежащие за Уралом, и уже в 1722 году предрекает: «...Всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата».

Словно предугадав намерения Петра I, казахи сами искали сближения с Россией и нашли в ней поддержку и военную помощь в защите своих земель от набегов воинственных соседей. В 1716 году посольство хана Тауке (Среднего жуза) ведет в Тобольске переговоры о принятии казахами русского подданства. С такой же просьбой в 1718 году обращается к Петру I и хан Младшего жуза Абдулхаир. Лишь в 1731 году, после неоднократных просьб хана, императрица Анна Иоанновна подписывает желанную грамоту. В 1740 году на подданство России присягнул и Средний жуз.

К этому времени Младший жуз занимал территорию на западе Казахстана. Его летние кочевья располагались по Илеку и другим левобережным притокам Урала, а зимовки — в районе реки Ирғиз и Северного Приаралья.

Принимая российское подданство, хан Абдулхаир просил, чтобы на Урале была сооружена русская крепость, которая бы служила для его народа защитой от набегов. Выбор места под строительство крепости пал на урочище «Красная горка», где река Сакмара впадала в Урал. В апреле 1743 года был построен город-крепость, названный Анной Иоанновной Оренбургом. Если Петербург был окном в Европу, то крепость Оренбург стал окном в Туркестан.

В 1817 году была построена соль-илецкая оборонительная линия по «запольной» реке Илек. С тех пор началось заселение и освоение девственных степей по Илеку, а позже и за его пределами. Созданные здесь форпосты и кордоны впоследствии были преобразованы в казачьи станицы, хутора и поселки.

Уже вечерело, когда Рамазан, обойдя стороной преградивший путь глубокий овраг, вышел к хутору Покровский, узкой полосой вытянувшийся вдоль железной дороги Кандагач¹ — Гурьев. Позади послышался топот мчавшихся галопом лошадей, заставивший мальчика опуститься на землю и осмотреться. Следом за Рамазаном, сменив галоп на быстрый шаг, ехали двое мужчин, внимательно наблюдавших за пришельцем. Чтобы не вступать в разговор, мальчик сел на Тарлана и поехал под уклон в сторону автодорожного моста, перекинутого через Темир.

— Похоже, артист в наш хутор с представлением едет? — вступил в разговор один из них и, обратившись к товарищу, спросил: — Ты, Петро, видел, как мальчишка шпарил на руках, да так, что быстрым шагом не догонишь?

— Да, он и на волкодаве сидит как лихой наездник! — вторил ему вслед товарищ.

Поровнявшись с Рамазаном, один из верховых, что был с деревянной культей вместо ноги, спросил:

— К нам в Покровский едешь?

— Нет, я в устье Темира спешу! Мне бы до холодов туда добраться.

— Фью-ють, куда хватил! — удивленный ответом мальчишки, присвистнул молодой мужчина с сильно обожженным лицом.

— Неужто таким путем собираешься осилить все 150 километров? — воскликнул инвалид-фронтовик и добавил с горьким сожалением: — Тебе, паренек, недели две придется помучиться, а если зачестят дожди, то и того больше.

— Если бы у меня не сломалась тележка, я б дней за пять это расстояние осилит, — с сожалением произнес Рамазан.

— Нет, парень, тебе таким путем не добраться до Эмбы! Надо что-то придумать! — задумчиво произнес бывший фронтовик и, окинув оценивающим взглядом Ветку, предложил: — Давай меняться, я тебе лодку-плоскдонку, а ты мне — молодую борзую.

— Что вы, дядя, Ветка мне самому нужна для продол-

¹ Кандагач — в переводе с казахского означает «Кровавое дерево». Во время миграции сайгаков с севера на юг многотысячное стадо наткнулось на строящуюся на их пути железную дорогу Москва — Ташкент. Не в состоянии побороть в себе страх и преодолеть неожиданно возникшее препятствие, животные скопились в небольшом урочище. Строители, поняв, что можно без большого труда поживиться дармовым мясом, начали жестоко истреблять безобидных антилоп, обильно оросивших деревья своей кровью.

жения родословной! — удивившись столь странному предложению, ответил Рамазан.

— Зря отказываешься! Твои борзые-тазы еще в расцвете сил и не одно потомство успеют подарить тебе до старости, — пытался убедить несговорчивого охотника фронтовик.

— Конечно, обмен для меня — выход из создавшегося положения. Но дайте мне подумать, — уклончиво ответил Рамазан, предложив в свою очередь: — Я заночую на реке, ниже железнодорожного моста, приезжайте утром, поговорим.

— Кстати, там у нас причал, и плоскодонку сможешь уже сегодня осмотреть, она вторая с того края, — посоветовал ему фронтовик и умчался вместе с товарищем в сторону хутора.

Миновав разбитую грейдерную дорогу, Рамазан спустился к реке и, нырнув под железнодорожный мост, вышел к заливчику с покачивающимися на легких волнах лодками, прикованными цепями к металлическим штырям. Отыскав плоскодонку, на которой, в случае удачного обмена, можно было продолжить путешествие по реке с комфортом, Рамазан подобрал удобное место для ночлега и, вооружившись удилищем, занялся рыбалкой. Накормив испеченной на костре рыбой Ветку и Хобду, задумался.

Да и как ему было не задуматься, если завтра предстояло расстаться с Веткой. Жил Рамазан со своими четвероногими друзьями как нельзя дружнее. Он никогда не кричал на них, не грозил и тем более не бил за явную провинность. Свое недовольство выражал лишь словами, которые они понимали лучше, чем кнут. Вечерами, когда ужин был позади, юный охотник занимался приручением и воспитанием молодой волчицы, подкармливая ее с рук. Научил Хобду подавать лапу, по команде ложиться и сидеть, прыгать в воду за брошенной палкой, за что она получала дополнительный корм. Она любила стаскивать с головы своего воспитателя шляпу и убегать с ней в кусты, принимать живое участие в рыбалке, наблюдая за поплавком. Хобда росла сильным и красивым зверем, радуя и удивляя Рамазана своей сообразительностью. Во время игр Ветка или Хобда, увидев расположившегося на берегу с удилищем своего хозяина, сломя голову бежали к нему. Уткнувшись влажными носами ему в грудь, ждали, когда он приласкает их. Если он почесывал за ухом у одной, то другая из ревности пускала в ход зубы и, изгнав

подружку, подставляла свою голову. При отборе щенков Рамазан отдавал предпочтение слабому полу. Объяснял это тем, что сука более послушна, недрачлива и не убегает из дому, как это часто делает кобель. В собачьих сварах и особенно в зимних свадьбах она словно царица — неприкосновенна среди рвущих друг друга кобелей, которые и сами не трогают ее, и другим не дают покуситься на ее материнское предназначение. Воспитанием Ветки Рамазан еще не занимался, так как до обучения охотничьим навыкам она не доросла, и потому решил отдать ее в чужие руки. Поскучав недельку-другую, она привяжется к новому хозяину, а там подоспеет пора постижения азов охотничьей мудрости, но уже с тем охотником, с которым ей придется работать по зверю. Да и с завершением путешествия в дельту Амударьи жизнь Рамазана в корне изменится. Полностью отпадет необходимость в охоте, так как озеро Судочье, богатое рыбой и пернатой дичью, обеспечит его стол разнообразной пищей. К тому же большая часть жизни будет протекать не на берегу, а на воде, чтобы давать постоянную нагрузку на бездействующие ноги.

Утром, вычерпав из лодки воду и отметив места, где предстоит починка, Рамазан стал готовиться к отплытию. Он тщательно обдумывал план безболезненной разлуки Ветки с Хобдой да и со всей стаей. Вскоре на берегу появились вчерашние знакомые и, спешившись с лошадями, направились к Рамазану.

— Добрый день, молодец! Не забыл наш вчерашний разговор? — обратился к нему бывший фронтовик.

— Вопрос решенный: Ветка ваша! — с ноткой сожаления ответил мальчик и, кивнув в сторону реки, добавил: — Лодка-то подтекает, проконопатить надо бы!

— Не беспокойся, материалы и инструмент мы прихватили, сейчас сделаем! — обрадовавшись состоявшемуся обмену, пообещал бывший фронтовик.

Вытащив на берег плоскодонку и перевернув ее вверх дном, мужчины принялись со всей тщательностью конопатить. Заделав не видимые глазу щели, растопили битум в ведре, пролили швы. Спустив лодку на воду, сели в нее вдвоем и давай гонять по речке. Убедившись в ее надежности, причалили к берегу, и бывший фронтовик весело отпираторовал:

— Судно в полном порядке, товарищ капитан, можно отправляться в дальнейшее плаванье!

Пока Рамазан застилал дно плоскодонки сухой тра-

вой, но его просьбе мужчины приладили на широком сиденье толстый брус для упора ног. Во время погрузки Ветку оттеснили от стаи и отвели подальше. Оттолкнувшись веслом от песчаного берега, Рамазан вывел утлое суденышко в фарватер реки и, подхваченная быстрым течением, лодка поплыла в неведомую даль. Собаки, попав в необычную для них обстановку, с любопытством провожали проплывающий мимо берег, заглядывали за борт и, увидев на воде свое отражение, в недоумении крутили головами и недовольно фыркали. После первых неприятных ощущений Хобда пришла в себя и, осмелев, принялась искать Ветку. Принюхиваясь, она лазала между разложенными вещами, взбиралась на корму, подолгу смотрела на отдаляющийся хутор. Молодая волчица в отчаянии заглядывала в глаза невозмутимо сидевшему на веслах кормильцу и тихо поскуливала, будто спрашивала: «Куда подевалась моя подружка?»

Рамазан не раз видел, как гребцы, взмахивая веслами, гонят лодку вслепую — сидя спиной вперед. Они никогда не увидят той сказочной красоты, какая открывается за каждым поворотом реки. В первый же день, раз и навсегда сломав традицию, Рамазан поплыл лицом вперед, любуясь красотой открывающихся перед ним неоглядных далей. При этом он испытывал восторг, который внушает ландшафт, глубоко проникнутый священным спокойствием природы. Почти на каждом километре пути на Рамазана, как из рога изобилия, посыпались приятные встречи.

Низко над рекой вихрем пронеслась стайка длинноносых куликов и с лету ткнулась в подтопленную водой низину. Приглядевшись сквозь призмы бинокля, Рамазан увидел под лучами солнца словно только что сорванный и аккуратно рассыпанный по берегу букет из полевых цветов. Так скромно и вместе с тем по-осеннему нарядно были одеты тяжелые на взлет, ожиревшие бекасы. Проплывая мимо обширной мочажинки, спускающейся к реке, на которой кормились кулички, Рамазан ударил веслом о борт, и с низины с характерным отрывистым вскриком взлетели бекасы и, спиралью ввинчиваясь ввысь, стремительно понеслись с дуга. Зрелище было настолько захватывающим, что, забыв о веслах, мальчик восторженно следил за полетом «золотых птиц». Чтобы поймать на мушку летящую зигзагообразно птицу и сразу же вдолгонку удачным выстрелом, нужно большое мастерство. Ведь недаром английское слово «снайпер» переводится на русский язык как «умелый стрелок по бекасам».

Сидя намного выше расположившихся на дне лодки собак, Рамазан увидел, как из-за бугра на миг показалась лиса и, сверкнув пушистым хвостом, пропала с глаз. Прижавшись к прибрежным зарослям, мальчик отложил весла и, ухватившись за ветку тамариска, стал внимательно следить за подозрительным бугром. Через некоторое время оттуда большим рыжим клубком выкатилась лиса и, потеряв всякую осторожность, принялась крутиться на одном месте, словно волчок. То впивалась зубами в бок или в хвост, то ожесточенно чесала лапой за ухом, то падала на спину и, зарывшись острой мордочкой в живот, пыталась поймать донимавших ее насекомых. Видно, лиса, спасаясь от погони, вынуждена была схорониться в старой заброшенной норе, где и набралась блох, клещей и других паразитов. В отчаянии рыжая кумушка вскочила на ноги и, не разбирая дороги, помчалась большими прыжками к реке. Прибежав на берег, она снова стала кружить, хватая себя зубами за задние ноги. В конце концов лиса пошла на такую хитрость, от которой Рамазана невольно взяла оторопь. Вырвав с живота клочок шерсти и зажав его в зубах, медленно стала входить в воду. Погрузившись по самый нос и кончик поднятого кверху хвоста, куда по ее лисьему соображению должны были сбежаться донимавшие ее паразиты, разжала зубы с клочком шерсти и скрылась под водой. Шумно вынырнув, она, словно ошпаренная, выскочила на берег, тщательно встряхнулась и, видно, почувствовав некоторое облегчение, потрусила по лугу. Рамазану было жаль лису, попавшую впросак, и он даже не подумал натравить на нее своих зверогонов.

За подобную изобретательность и смекалку лису не зря называют Патрикеевной. Оказывается, в давние времена жил в Новгороде князь Патрикей Наримунтович, прославившийся на весь белый свет своей хитростью в торговых делах. Лиса обладает хорошим слухом, великолепным чутьем, и лишь нужда заставляет ее хитрить, проявляя при этом настойчивость, смекалку, изобретательность и смелость, граничащую с самопожертвованием.

Только в полдень, видя, что четвероногие пассажиры все чаще стали перебирать лапами, а порой порывались перемахнуть через борт, Рамазан решил дать им возможность размяться и причалил к берегу. Почувствовав твердь, борзые устремились в прибрежный кустарник и быстро напали на горячий след зайца-русака. Подняв с лежки

куцехвостого зверя, борзые, беспрерывно подавая голоса, азартно повели его в степь. Казалось, вот-вот они догонят длинноухого, но голоса, перевалив за бугор, и вовсе затихли. Тихо, ни звука. Лишь через несколько минут напряженного ожидания ухо уловило наконец далекие голоса борзых, погнавших зайца в обратном направлении. Гон приближался, и Рамазан, зная из опыта прошлых лет, что заяц, описав большой круг, обязательно вернется к покинутой лежке, затаился в кустах с Тарланом. С бугра в пойму, высоко взбрыкивая задними ногами, к спасительным зарослям во весь дух мчался крупный русак с бархатным ремнем на спине. Следом, оглашая степь музыкой гона, щедро гнали в пяту неутомимого зайца борзые. Русак бежал с такой грациозной игривостью и был так красив, что Рамазану расхотелось напустить на него Тарлана. Стоило ему поровняться с кустом, как из-за него выскочил волко-пес и в три прыжка отсек косому путь. Зажатый с трех сторон, взматеревший русак сделал головокружительный прыжок и, избежав зубов Тарлана, метнулся навстречу подоспевшему Актысу и угодил ему в зубы. В награду за расторопность Рамазан поощрил его лапками. Охота есть охота: сильных и сообразительных она кормит, а слабым приказывает долго жить.

День клонился к вечеру, когда Рамазан обратил внимание на проплывающие над берегом крыши домов крупного райцентра, носящего одноименное название с рекой. Его радовало то, что за день пути, с остановкой на разминку собак, ему удалось проплыть 30 километров, повторяя вслед за рекой ее замысловатые изгибы. Спустившись по реке ниже поселка Темир, он облюбовал удобный для ночлега мысочек и, причалив к нему, занялся приготовлением ужина из зайчатины.

С приобретением лодки отпала необходимость спать на продуваемом осенними ветрами берегу. Нарезав верхушек тростника, Рамазан выстлал ими дно плоскодонки и завалился спать в обнимку с Хобдой. От малейшего шороха или всплеска она вскакивала на ноги, прислушивалась, а затем для уверенности лезла в воду и прошаривала кусты в надежде найти затаившуюся, как бывало во время игр, Ветку. Видя, как тяжело переживает разлуку молодая волчица, Рамазан стал поощрять ее лаской, лакомой пищей, за что она платила ему еще большей привязанностью.

Во время сплава по реке Рамазан не разрешал собакам

покидать лодку и сопровождать ее берегом. Им ничего не стоило ввязаться в драку с спровоцировавшими их сторожевыми собаками пастухов или, подняв с лежки лису или корсака, броситься за ними в азартном гоне далеко в степь. Если бы он давал им такие поблажки, то чаще пришлось бы причаливать к берегу и ждать возвращения зверогонов, а то и отправляться на Тарлане на их поиски. Пустая трата времени не позволила бы ему преодолеть 150-километровый путь по воде за пять-шесть дней.

Шел третий день путешествия по реке, когда Рамазан увидел среди безбрежной степи сверкающий в осеннем убранстве лесной массив, раскинувшийся на левом берегу Темира. Подплывая к урочищу Каратугай¹, он обратил внимание на большой табун верблюдов, идущих походным маршем из степи к реке. Достигнув правого берега, двугорбые бактрианы принялись шумно пить воду, неотрывно следя за плывущей мимо них лодкой со странными пассажирами. Образовавшаяся на берегу живая стена из верблюдов-гигантов пугала своей непредсказуемостью. Стоит одной из верблюдиц заподозрить в волке-псе зверя, намеревающегося напасть на ее верблюжонка, как разгневанная мать разнесет лодку в щепки вместе с путешественниками. Колышущаяся стена из верблюдов неожиданно оборвалась на престарелом табунщике, сидящем на рыжем мерине. Поровнявшись, Рамазан весело поприветствовал седобородого старца по-казахски:

— Аман, ата!

— Аман, аман! — ответил настороженно пастух, спросив в свою очередь: — Кайда барасын?²

— Эмба, аул Кулакши! — махнув вниз по реке, ответил Рамазан.

— Ой-ой-бай³, — покачал головой табунщик и еще больше удивился, когда на его вопрос «Откуда плывешь?» Рамазан ответил, что он из Тamarуткуля.

— Каскыр бар?⁴ — поинтересовался мальчик.

— Коп, коп!⁵ — воскликнул старик с жаром и принялся объяснять, что видел утром, как после ночного налета на кошару два волка переплыли реку и скрылись в Каратугае.

Рамазан намеревался, добыв двух-трех серых разбой-

¹ Каратугай — Черный лес.

² Кайда барасын? — Куда направляешься?

³ Ой-ой-бай — выражение удивления, восторга.

⁴ Каскыр бар? — Волки есть?

⁵ Коп — много.

ников, получить в Кулакши за их шкуры в качестве аванса верблюда для охоты.

Спускаясь вниз по реке, он внимательно просматривал с помощью бинокля открытую полоску между кромкой леса и береговой линией в надежде увидеть отсыпавшихся после ночной охоты волков, но прибрежная полоса была чистой. Над рекой стояла умиротворенная тишина, нарушаемая лишь редким всплеском весел. Но вдруг оттуда, где заканчивался лес и начиналась степь, донеслись странные звуки, похожие на приглушенное рычание чем-то недовольного зверя, которые насторожили собак. Не успела лодка коснуться берега, как борзые попрыгали на отмель и по команде Рамазана бросились в лес на поиски. Вытащив на отмель лодку и сев на Тарлана, в сопровождении Хобды он направился к кромке леса.

Торжественной тишиной встретил их озаренный предзакатным солнцем лес. В осеннем убранстве стоят среди бугристых песков березовые рощицы с густым подлеском и молодые осинники с лимонно-желтыми листочками. С них молча слетают последние золотые листья и, медленно кружась, ложатся на разноцветный ковер. Многообразием красок радуют глаз кусты крушины, калины, шиповника, униженного ярко-красными ягодами. Стайка припозднившихся с отлетом птиц, словно разноцветные осенние листья, облепила голую осинку и оживленно переговаривается — видно, держат между собой совет перед дальней дорогой.

Стоял звонкий прозрачный осенний день, сопутствующий удачной охоте, но борзые молчали, значит, волков близко не было.

Рамазана беспокоило одно: если собаки, подняв с лежки зайца, увяжутся за ним, тогда пропала охота на волков: серые разбойники уйдут незамеченными по оврагам или низинам.

В момент томительного ожидания до слуха Рамазана донеслись голоса борзых. По их злобному лаю он определил, что они все же наткнулись на безмятежно спавших после ночного разбоя волков и устремились вслед за ними. От льющей из степи музыки гона охотничье сердце Рамазана погрузилось в истому. Не подвергавшиеся до сих пор преследованию, обленившиеся от обилия кормов, да к тому же еще нажравшись до отвала баранины, волки быстро начали сдавать. По неумолкаемым звукам гона Рамазан догадывался, что хищники, не желая покидать лес и выходить в голую степь, повернули обрат-

но. Гон нарастал, катился многократным эхом по лесу, подогревал нетерпенье Тарлана. Чувствуя, что вот-вот в поле зрения появятся удирающие от преследования волки, Рамазан отцепил сворку с ошейника волко-пса. На помощь борзым с громopodobным ревом рванулся Тарлан и на подступах к лесу перехватил ослабшего от долгого гона волка.

В самый разгар жестокой схватки подоспел Рамазан. Страшно рыча и скаля окровавленные зубы, на него исподлобья смотрел затравленный волк, удерживаемый Актысом за загривок. Чтобы помочь ему ускорить развязку, Рамазан принял из-под борзой переярка. Актарнак и Тарлан схватились с другими — матерым волком с рваными ушами, но упустили момент для расправы, и тот, стряхнув с себя Тарлана, оторвался от них. Улучив момент, зверь отрыгнул килограммов пять мяса и налегке попытался убежать от навалившихся на него зверогонов. Крепконогие борзые — истые стайеры, способные к длительному гону и затяжной травле, — быстро настигли матерого и навалились на него, опрокинув на спину. Тут подоспел Тарлан и, вцепившись в горло хищнику, сомкнул мощные челюсти.

Снимая шкуру с матерого, Рамазан обнаружил под ней еще одну — из жира. Это лишний раз подтверждало, что расплодившиеся в здешних местах волки жили вольготно.

Желая узнать о ночной жизни леса, раскинувшегося на песчаном массиве среди безбрежной степи, Рамазан решил заночевать на берегу. Подобные песчаные массивы, меловые горы и соляные купола были щедро разбросаны природой в Урало-Эмбинском междуречье. Из книг он знал, что все это — всего лишь продукт отложения морских бассейнов, отступивших на юг миллионы лет назад. Сейчас каждый песчаный массив, поросший впоследствии лесом, соляные купола, прикрытые земляными чехлами, и меловые горы стали памятниками природы.

С наступлением темноты из леса к реке первыми пожаловали степной хорек и корсак: один — с намереньем утолить жажду, другой — обшарить заливанный волнами песчаный берег в надежде найти что-нибудь съестное. Более любопытных привлекала невесть откуда взявшаяся на берегу лодка, но, встреченные грозным рычанием собак, они тут же убегали под защиту деса.

Глухой ночью из зарослей неожиданно вывалился барсук. Перехваченный борзыми и Тарланом, он жестоко

поплатился за свою беспечность и после схватки остался лежать на берегу. Выбравшись из лодки, в крошечной темноте Рамазан подобрал отъевшегося перед зимней спячкой лесного отшельника и положил на корму, чтобы на следующий день накормить собак.

На рассвете его разбудил заунывный вой одинокого волка. Ему ответили из разных мест другие голоса, и полилась душераздирающая какофония возвращавшихся с охоты на дневные лежки зверей.

По голосам юный охотник научился определять их принадлежность. Матерый волк воет басисто и протяжно, волчица — выше и короче, но заунывно. Звуки, похожие на щенячье повизгивание, выдают присутствие прибылых волчат. Вой волков — это своеобразный разговор между членами стаи. Из него они узнают о найденной добыче, предупреждают друг друга об опасности, что облегчает управление большим семейством, состоящим, как правило, из трех поколений. В пору зимних свадеб взматеревший волк с его помощью находит себе спутницу жизни. В зависимости от настроения волки издают радостный, траурный и призывный вой, который чаще всего звучит перед предстоящей облавой на крупного зверя.

Утром, поприветствовав выплывающее из-за горизонта солнце, Рамазан погрузился вместе с собаками в лодку и продолжил путешествие вниз по Темиру. Подгоняемый надвигающимися с юго-запада тучами, он плыл и плыл без остановки весь день, пока не увидел на правом берегу небольшой аул. Проплывая мимо приземистых землянок, раскинувшихся на изрезанном оврагами бугре, мальчик увидел у кромки воды молодого казаха, поившего пегую кобылу с резвящимся подле нее жеребенком-стригунком. Чтобы уточнить на карте свое местонахождение, Рамазан направил лодку к берегу и после традиционного приветствия спросил у него:

— Как называется ваш аул?

— Кенкияк! — ответил тот с некоторой опаской, но, бросив беглый взгляд на смирно сидевших в лодке охотничьих собак, затем на корму, где лежали для просушки шкуры волков и барсука, видно, понял, что перед ним не просто мальчишка, а настоящий охотник, и предложил:

— Причаливай, гостем будешь!

Прикинув, что до устья Темира остался всего один дневной переход, Рамазан направил лодку к берегу. Увидев приплывшего к аулу незнакомого человека и, видно, желая узнать из первых рук свежие новости, люди потя-

нулись к реке. Молодой казах взял с лодки шкуру матерого волка, осмотрел ее со всех сторон и, пораженный ее размером, зацокал языком от восторга.

Появление на берегу юного путешественника постепенно открывало сердца степняков. Пока шел разговор о засилии волков в здешних местах, из аула принесли горячие лепешки, свежий верблюжий сыр, айран и вареную баранину. Хотя Рамазан давно не ел домашней пищи, он не притронулся к ней, пока не оделил четвероногих друзей верблюжьим мясом.

— Поживи у нас недельку-другую, дорогим гостем будешь! — упрасивал Рамазана старый табунщик. — Волки почти всех жеребят порезали в табуне!

— Не могу я задержаться у вас на такой большой срок! Меня в ауле Кулакши ждут, поди, беспокоятся! Не расстраивайтесь, я обязательно буду охотиться в ваших краях, и уже зимой вы почувствуете заметное облегчение.

Короткий осенний день клонился к вечеру, и Рамазан, попрощавшись с гостеприимными жителями аула, отчалил от берега. Накрапывающий дождь подгонял его, вынуждая побыстрее найти подходящее место для ночлега, но голый, неприветливый берег был пуст, и он, налегая на весла, плыл дальше. Неожиданно бегущая в тесных берегах речушка вырвалась на широкую равнину и разлилась на несколько небольших рукавов. Выбрав из них более многоводный, Рамазан направил в него плоскодонку. Задевая за дно, она медленно продвигалась вперед и, пройдя небольшой отрезок пути, снова уперлась в развилку рукавов.

Высадив из лодки четвероногих, Рамазан взялся за весло и, упираясь им в вязкое дно, продвинулся еще на десяток метров. Дождь заметно усилился, и мальчик, пытаясь как можно быстрее вырваться из злополучного болота на большую воду, разделся и не раздумывая плюхнулся в холодную и жидкую массу, крепко державшую в своих объятиях лодку. До большой воды, куда одна за другой стекались маловодные протоки, оставалось всего метров двадцать. Беспреданно подсовывая под лодку весло, словно рычагом, поднимал Рамазан тяжелую корму и толкал ее вперед. До желанной цели оставалось всего метров десять, когда лодку окончательно засосало в грязи, да так, что ни назад, ни вперед. Видя безвыходность своего положения, мальчик решил попробовать в качестве «бурлаков» собак. Всучив им в зубы длинную бечеву, привязанную к носу лодки, приказал: «Тащи!»

Упираясь ногами в вязкое дно, пытаясь хвостами вперед, четвероногие друзья, а с ними и Рамазан, с трудом сдвинули с места застрявшую плоскодонку. Не давая ей осесть в вязком месиве, метр за метром тащили ее, выбиваясь из последних сил. В одном злополучном месте от сильного рывка лодка резко пошла вперед, отчего Рамазан не удержался и по инерции перекувыркнулся через голову, угодив с размаху в глубокую трясину. Нахлебавшись грязной мути, словно ошпаренный ледяной водой, выскочил из купели. Ухватившись за ошейник подоспевшего вовремя Тарлана, выбрался из засасывающего болота. Так вчетвером, метр за метром, мокрые и грязные с ног до головы, они вытащили лодку на большую воду. Вскочив в лодку, Рамазан быстро пересек реку и, не думая об удобствах для ночлега, причалил к зализанному волнами пустынному берегу. Отмывшись от грязи и водорослей, с единственной надеждой согреться принялся бегать на руках под морозящим осенним дождем, но дрожь, охватившая все тело, не отпускала, его. Забравшись в спальный мешок и укрывшись от дождя брезентом, вместе с Хобдой в обнимку, он пытался согреться ее горячим дыханием.

Наступила черная, непроглядная ночь. Ветер, усиленный дождем, совсем разбушевался. Он безжалостно сорвал с лодки брезент, отчего на дне собралась вода, заставившая Рамазана выбраться из спального мешка, переложить повыше подмокшие вещи и, в который уже раз, закрепить брезент. В полночь ветер утихомирился, перестал барабанить дождь, и мальчик, постепенно согревшись, провалился в глубокий сон.

Тревожный вой Тарлана, предвещающий недоброе, вернул Рамазана к действительности. Проснувшись, он сразу понял, что тяжело заболел. В ушах стоял звон, заметно усилился жар, отчего тело покрылось потом, а в дополнение ко всему стал болеть живот. Откинув брезент, он мутным взглядом посмотрел по сторонам.

Хотя день уже занялся, вокруг еще стояла мокрая и серая муть. Молочно-белый туман только что начал подниматься над водой и, гонимый легким ветерком, перемещался к прибрежным зарослям ивняка. На берегу, словно изваяния, сидели собаки и, не отрываясь, следили за малейшими движениями своего повелителя. Взмахом руки Рамазан подозвал их к себе и, лаская, надтреснутым голосом пожаловался:

— Заболел я, собачки! Похоже, лихманка меня скру-

тила. Надо пробиваться к людям, они вылечат, помогут встать на ноги.

Оттолкнувшись веслом о песчаный берег, Рамазан выгнал лодку на середину реки и, пустив ее по течению, снова забрался в спальный мешок. Не отставая ни на шаг от плоскодонки, медленно сносимой течением, берегом брели, понунив головы, преданные ему собаки. Он не мог понять, какая таинственная болезнь вселилась в него и все больше и больше овладевала им. Казалось бы, от длительного пребывания в ледяном болоте под осенним дождем он должен был схватить простуду, но кашля не было и хрипа в легких тоже. И решил, что причина всему — сильные боли в животе.

Очнулся Рамазан от страшной боли в области позвоночника. Приступ разыгравшейся не на шутку болезни в прямом смысле слова скручивал его в бараний рог. Не выдержав страшной боли, он упал спиной на дно лодки и в полубессознательном состоянии попытался выпрямить спину. Придя в себя, но еще чувствуя тяжелое недомогание, Рамазан глянул за борт. Лодка, прижатая течением к невысокой стене тугая, словно привязанная, стояла на месте. Собаки, переминаясь с ноги на ногу, терпеливо наблюдали за ней.

Небольшой лесной массив, вытянувшийся узкой полосой вдоль левого берега Темира, привлек внимание Рамазана изобилием дров, так необходимых для костра, и возможностью разбить палатку. Глянув в бинокль вниз по реке, он увидел противоположный берег Эмбы, поросший тугаем, а ниже — высвеченную уходящим на закат солнцем блестящую полоску воды. До заветной реки было рукой подать, но надвигающаяся ночь и болезнь заставили Рамазана подумать о ночлеге. Выбираясь из лодки, он спугнул трех черных птиц с длинными загнутыми крючком клювами и мощными лапами с перепонками. При виде диковинных птиц у него невольно сорвалось с губ:

— Чудеса! Клюв хищника, а лапы гуся!

Так впервые Рамазан встретился с обитателем южных водоемов — большим бакланом, залетающим с Каспийского моря порыбачить в среднее течение Эмбы.

Превозмогая боль в животе, непрерывно смахивая застилающий глаза пот, Рамазан поставил палатку, а с помощью собак перетащил с лодки вещи, набрал хворосту и запалил костер. Отпустив борзых поохотиться, он согрел воду и заварил из припасенных листьев смородины чай, достал энзэ и заставил себя проглотить две горстки.

В сумерках вернулись с охоты борзые, и Актарнак молча положила к ногам Рамазана небольшого длинноухого зверька, похожего на зайца. Он долго крутил его в руках, но так и не разобравшись, в недоумении произнес:

— Странный зверек! Не русак, не беляк, а какое-то подобие зайца!

Рамазан впервые держал в руках зайца-толая, или песчаника, широко населяющего приэмбаевские пески и полупустыню. Стоило ему заглянуть в один из трех определителей видов животных, которые он вез с собой, наверняка бы докопался до истины. Но сейчас ему было не до этого.

Ночь прошла беспокойно, в каком-то кошмарном бреду. Глубокой ночью из степи до слуха Рамазана донеслись крики людей, пытавшихся шумом прогнать напавших на кошару волков. Прогремел выстрел, а вслед за ним по реке прокатились звуки от ударов по надтреснутому котлу. Желая хоть как-нибудь помочь попавшим в беду людям, слабым голосом он подозвал зверогонов, в нетерпенье перебирающих ногами у входа в палатку, и подал им команду «Ату-у его!». С радостным повизгиванием они перемахнули через бугор и, словно ветер, умчались в черную степь.

Забывшись в тревожном сне, Рамазан не слышал, когда вернулись после схватки с волками собаки. Лишь назойливое «бэ-э» невесть откуда взявшегося барана время от времени возвращало его к действительности, и мозг снова погружался в полусонное забытие, вызывая картины далеких и давно забытых ощущений, навеянных ранним детством.

К утру утихла боль в животе, схлынул жар, ослабла скованность. Пересилив еще цепко державшее его недомогание, Рамазан выбрался из палатки и, упираясь локтями, пополз вверх по склону с намерением разобраться в случившемся ночью. Преодолев подъем и расположившись на бугре вместе с собаками, он глянул в сторону поднимающегося над степью солнца и впервые увидел аул Кулакши — последнюю точку путешествия в этом году.

Между аулом и его бивуаком в степи стояла небольшая кошара, а рядом с ней — саманный дом пастухов. Из него, в сопровождении женщины и детей, вышел рослый мужчина, вскочил на стоявшую лошадь и поскакал в сторону Темира. Он еще не доехал до реки, как лошадь под ним заупрямилась. Спешившись, пастух взял ее под уздцы и неуверенным шагом пошел вперед. В бинокль

Рамазан видел, как он нагнулся и поднял с земли мертвого волка. Приторочив его к седлу лошади, пастух осмотрелся и, сделав несколько шагов в сторону, подобрал еще одного зверя. Довольный легко доставшимися ему трофеями, продолжил путь к реке.

Посмотрел Рамазан на своих зверогонов и понял по свежим ранам на их мордах, что это итог их ночной работы. Наблюдая за верховым, в своем воображении он рисовал картину ночной схватки собак с волками, в результате которой у его палатки появился баран.

Под покровом ночи на кошару было совершено нападение стаи волков. Удовлетворив звериную страсть, волки-родители, чтобы преподнести урок подрастающим прибылым волчатам (один из изощренных методов охоты), схватили крупную овцу зубами за уши и, подгоняя ее упругими хвостами, повели от кошары к реке на растерзание молодым волкам. Тут на полдороге их и перехватили зверогоны и после жестокой схватки отбили барана, а волкам пришлось расплатиться собственными шкурами.

Прискакав на берег Темира, пастух долго смотрел вверх по реке и, увидев причаленную лодку, а на бугре сидящего в обществе волко-пса и борзых человека, а также бегающего вокруг овцы волчонка, не разобравшись в происходящем, вытянул камчой лошадь и умчался в Кулакши.

Продолжая почесывать за ухом у волко-пса, любуясь стройностью и поджаростью быстроногих борзых, Рамазан недоумевал: почему в природе редкость встретить больного, искалеченного или испаршивившегося животного, когда среди людей все эти напасти можно видеть на каждом шагу?

Животные постоянно поддерживают чистоту своего тела. Чаше, чем человек, купаются в воде, по утрам трутся о росную траву, снег, тщательно вылизывают мех, особенно после еды, умудряются с помощью когтей расчесывать свалявшиеся ворсинки; чтобы избавиться от паразитов, купаются в пыли, в золе погасших костров, тем самым забивая насекомым дыхательные органы. С помощью шероховатого языка зализывают свои раны, массируют нагноения, места ушибов. Во избежание запора массируют языком животы щенкам, тщательно умывают их. Некоторые грызуны ухитряются затаскивать в норы растения, которые своим резким запахом отгоняют насекомых. Едят всевозможные ягоды, фрукты, арбузы, дыни, выкапывают сладкие корни и луковицы растений,

накапливая в организме необходимые витамины. Норы и логова, как правило, у них чистые. Такие животные, как сурки, ондатры, дикобразы, имеют определенное место для туалета. Во время болезни звери полностью переходят на голодание, находят и поедают лекарственные травы, а иногда ядовитые. Чтобы вывести из кишечника глисты, находят растения с острыми зазубринками или крючками. Как правило, звери и птицы, поднимаясь с лежки, делают гимнастику: вытягиваются, горбятся, тщательно встряхиваются, совершают длительные пробежки или полеты. Именно звери открыли для человека немало грязелечебных «ванн», минеральных источников и инстинктивно пользуются ими, чтобы избавиться от недуга.

Учитывая все эти наблюдения, Рамазан приказал Тарлану встать и, легонько подталкивая его в зад, попросил:

— Пойди, Тарланушка, в степь, и найди такую траву, которая бы вылечила меня от напасти!

Поняв приказ повелителя по-своему, волко-пес убежал в степь. Порыскав недолго, он принес в зубах сучковатую палку для разведения костра, а с ней заодно — пучок сухой травы. То ли случайно, то ли намеренно прихватил Тарлан то и другое, поди разберись в его действиях. Подняв палку, Рамазан отбросил ее к костру и, когда глянул на лежавшую у ног пожелтевшую травку с крупными плодиками, несказанно обрадовался. Он держал в руках хорошо знакомую ему лекарственную траву — адраспан¹, которую бабушка Курманай собирала в песках и развешивала для просушки на жердях в кладовой. Но от каких болезней пользовала она себя, дедушку Алимбая и соседей, он никак не смог вспомнить.

— Не беда! — заключил Рамазан. — Раз им помогало, значит, и мне польза будет!

Набрав в котелок воды, он зажег костер и, вскипятив воду, побросал в нее мелко нарезанные стебли адраспана. Поставив его на тлеющий костер для настоя, поспешил в палатку.

Как и вчера, в одно и то же время, на Рамазана с еще большей силой обрушился приступ. Хотя и лежал он на волчьих шкурах, разостланных на песке, ему казалось, что под ним раскаленные камни. От нестерпимой боли в

¹ *Адраспан (казах.)* — гармала обыкновенная, широко применяется местным населением при малярии, простуде, расстройстве желудка, как снотворное и от ряда других болезней.

снине Рамазан стонал, изворачивался змеей, словно живая рыба, попавшая на горячую сковородку, подскакивал вверх.

Как бы сочувствуя своему повелителю, у входа в палатку расположились его четвероногие друзья. Положив головы на вытянутые передние лапы, они неотрывно наблюдали за тем, какие муки ему причиняет болезнь.

Не выдержав мучений, Рамазан подозвал к себе волко-пса, запустил руку в жесткий загривок и, стараясь пересилить боль, сжал его до хруста в пальцах:

— Ты видишь, Тарлан, мне плохо? Пойди на бугор, позови людей!

Волко-псу очень не хотелось покидать своего повелителя, но послушаться он не посмел. Рамазан всегда разговаривал с собаками как с равными, и Тарлан легко научился понимать язык звуков повелителя.

Над степью, будоража тихий осенний день, полился волнующий вой волко-пса: прозвучавший сначала как величественный клич, он постепенно перешел в плач, вызывающий сочувствие. Рамазан не слышал зывающего о помощи воя, у него снова перед глазами поплыли оранжевые круги, судорожно забилось сердце, мутной пеленой заволокло сознание...

Примчавшись в аул Кулакши, чабан спешил к дому заведующего отделением совхоза Магзона и вошел к нему. За пиалой чая хозяин дома и аксакал Кадырбай обсуждали предстоящую поездку вверх по Темиру на поиски Рамазана, не прибывшего в аул в назначенный срок. Прервав своим появлением их разговор, чабан с горечью сообщил о ночном нападении волков, а также рассказал, что видел издали странного незнакомца, приплывшего на лодке с верховьев Темира с борзыми и волком.

— Так ведь это и есть Рамазан, а мы тут сокрушаемся, думаем, не случилось ли чего с ним, человека собираемся послать на его поиски! — обрадовался сообщению аксакал Кадырбай. — Но почему он сменил тележку на лодку? Что заставило его остановиться, не дойдя до нашего аула?

— Зачем гадать, только зря время тратить! Ехать надо и на месте во всем разобраться! — предложил Магзон, поднимаясь с кошмы.

Когда вышли из дома во двор, заведующий отделением увидел притороченных к седлу волков и радостно воскликнул:

— Молодец, Актай, сразу двух разбойников подстре-

лил! А я все думал, что ты большой трус, — сказал довольный Магзом и дружески похлопал чабана по плечу.

— Волки не мои! — с сожалением ответил Актай. — Ружье-то у меня старенькое, да пороха и дробь к нему нет. Стрелять приходится из самоделки, лишь бы пугнуть.

— Кто же, по-твоему, расправился с волками? — спросил Магзом. — Может быть, борзые-тазы, которых ты видел?

— Да, я слышал ночью, как после нападения на кошару волки затеяли жестокую свару у реки, там я и нашел вот этих двух, — внес некоторую ясность Актай.

Вскоре мужчины отправились на кошару. За изгородью, где ночуют овцы, перед ними предстала ужасающая картина. У некоторых из овец мощными челюстями волков были вырваны бока, острыми клыками вспороты животы, напрочь отхвачены головы. Когда семнадцать погибших животных были снесены в кучу, составлен акт и оставалось лишь скрепить его подписями, в приоткрытое окно из степи ворвался вой волка. Все разом выбежали наружу и, глянув вдаль, увидели сидящего на бугре крупного волка, старательно выводившего свою заунывную песню.

— Никогда не слышал, чтобы среди белого дня, да еще на виду волки выли! — пожимая плечами, произнес удивленный Актай.

— Видать, нужда заставила завывать! — добавил Магзом.

— Раз волк воет днем, значит, там случилась беда, спешить надо, — предложил Кадырбай и вскочил на лошадь.

Когда верховые подъезжали к воющему волку, лошади занервничали и, переминаясь с ноги на ногу, отказались идти вперед.

— Тарла-ан! Тарла-ан! — узнав волко-пса, позвал Кадырбай.

Прервав вой, полузверь насторожился и, видно, вспомнив знакомый голос или просто откликнувшись на свое имя, побежал навстречу спасителям, приветливо помахивая хвостом. Лошади забеспокоились, но седоки, видя необычное поведение странного волка, осадили их на месте. Не добежав шагов двадцать, Тарлан еще энергичнее завилял хвостом, выражая таким образом свою радость. Затем сорвался с места и, увлекая верховых за

собой, побежал обратно. Временами он останавливался и оглядывался назад, будто звал за собой.

Когда волко-пес спустился к реке, следовавшие за ним верховые увидели на берегу лодку и прижавшуюся к зарослям тугая палатку с лежавшими у входа борзыми и волчонком.

— Рамазан! Почему не встречаешь гостей? — сдерживая волнение, вскричал спешившийся с лошади Кадырбай.

Аксакал все еще надеялся, что сейчас покажется улыбающийся путешественник и поприветствует давнего знакомого, но вместо него и добрых слов он услышал невнятные звуки, доносившиеся из палатки. Встревоженный Кадырбай торопливым шагом направился к ней. Понимая, что с хозяином случилась беда и ему нужна помощь, перед ним покорно расступились собаки. Войдя вовнутрь, Кадырбай тихо спросил:

— Что случилось, Рамазан? Заболел? — и, не услышав вразумительного ответа, добавил: — Я дедушка Кадырбай из аула Кулакши. Ты меня помнишь?

Вместо ответа послышалась только бессвязная речь. Положив руку на лоб Рамазана, Кадырбай произнес:

— Потерпи, сынок, еще немножко, скоро окаянная малярия перестанет тебя ломать. Я-то уж знаю ее, сам переболел в твои годы.

Ощувив прохладное прикосновение, Рамазан приоткрыл глаза и спросил слабым голосом:

— Кто здесь? — а услышав знакомый голос, забеспокоился: — Я сейчас встану, вот только немножко еще полежу! — и, сжав руку Кадырбая, застонал.

В палатку просунулся Магзом и, присев рядом, спросил у аксакала:

— Что же нам делать?

— Как только прекратится приступ и парню станет полегче, можно будет везти его домой, — ответил он спокойно. — Пока разбирайте палатку и грузите вещи в лодку. Я сам поплыву с больным до аула, а там встретите.

Постепенно приходя в себя, Рамазан с восхищением смотрел на спокойное и ласковое лицо аксакала Кадырбая. Он попытался сказать ему что-то теплое, но, так и не найдя слов, горько заплакал.

Человек в отличие от животного умеет плакать — это одна из его привилегий. Чтобы смягчить стресс, нужно не стыдясь поплакать, после чего наступит заметное облегчение. Подчиняясь инстинкту, не столько от страданий,

сколько от обиды, что стал беспомощным, Рамазан отдался слезам.

Как только прекратился бред и мальчик почувствовал заметное облегчение, он отказался от помощи Магзома и сам пошел на руках к лодке. Забравшись в нее, Рамазан расположился с Хобдой на брезенте и, бросив случайный взгляд на дымящийся костер, вспомнил о приготовленном им лекарстве. Когда по его просьбе ему подали котелок с еще теплым настоем адраспана, он с жадностью осушил его до дна.

Сносимая быстрым течением лодка миновала устье Темира и, подхваченная течением двух слившихся рек, понеслась по Эмбе в сторону Каспийского моря. Налегая на весла, Кадырбай срезал под острым углом реку и причалил к левому берегу. Вслед за лодкой реку переплыли собаки. Страхнув с себя струившуюся воду, они подставили бока скупым лучам осеннего солнца и молча сушили свои мокрые шубы. Борзые и волко-пес ревниво поглядывали на своего хозяина, которого со всех сторон обступили прибежавшие из аула люди. Их удивляло то, что мальчишка с парализованными ногами проделал с помощью собак путь длиной в 600 километров. Еще больше их поразило, когда из лодки были извлечены две шубы серых разбойников.

Пристройка к дому, в которой недавно жил младший сын Кадырбая с семьей, была отдана на время Рамазану. Собакам был предоставлен загороженный плетнем двор с навесом, надежно защищенный от холодных ветров и надоедливых дворовых собак.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

**Зимовка на Эмбе. Акжал. Зимняя охота на волков.
Гибель Тарлана. Внезапная слепота. Дыхание весны**

После знакомства с жителями аула Кулакши Рамазана стали лечить методами народной медицины. В первый же день вечером Кадырбай привел к нему древнюю старушку-знахарку Орыкул. Для начала она напоила больного на ночь крепким полынным чаем.

При тусклом свете фонаря «Летучая мышь» Рамазан внимательно всматривался в знахарку, поражаясь подвижности ее костлявых рук, хорошо сохранившемуся зрению и манере говорить нараспев. Густые, обесцвеченные временем волосы, спадающие ниже плеч, и нос капель-

кой, смотрящий вниз, делали ее похожей на ведьму. Но ее материнское внимание к нему и доброжелательность говорили об обратном.

— Пойду домой, приготовлю для тебя лекарства позадиристее, — сказала она улыбаясь и, уходя, пообещала: — Больно-то не расстраивайся, скоро опять молодцом станешь.

За добытых Рамазаном волков ему было выдано совхозом в виде премии полмешка муки и столько же пшена. В дополнение ко всему на его двор привели того самого барана, которого его собаки отбили ночью у волков.

На следующий день приступ малярии повторился. Лишь на четвертые сутки благодаря травам болезнь начала отступать.

В один из осенних дней, когда еще стояла золотая пора «бабьего лета» и над степью серебристыми прядями низко летела легкая паутина, оправившийся после болезни Рамазан в первый раз выбрался во двор. С затаенной тоской он смотрел на широкую пойму реки Эмбы, резво несущей свои воды в Каспий, и не заметил, как к нему пожаловал Магзом с молодой объезженной верблюдицей. Передавая в руки поводок, он сказал :

— Это тебе, Рамазан, аванс в живом виде! Добудешь до весны 25 волков — верблюды будут твой и можешь на нем отправляться хоть на край света.

Двугорбая верблюдица-бактриан была на редкость спокойной, покладистой, позволяла делать с ней все что угодно. По команде «чок-чок» она ложилась, подставив спину, с «чу-чу» вставала с земли осторожно, боясь уронить седока. Рамазан был несказанно рад такому крепкому, выносливому и нетребовательному «вездеходу пустыни».

— Когда начнешь приручать верблюда, пусть он почувствует не только твою привязанность к нему, но и твердую руку, — советовал ему аксакал Кадырбай.

Верблюд-бактриан обладает мощной и сильной шеей, и управлять им с помощью недоуздки невозможно, поэтому, как правило, в перегородку между ноздрями ему вставляют колышек. Без носового поводка управлять им трудно, да и удила не вставишь, как у лошади: верблюд постоянно пережевывает жвачку.

Теперь предстояло сделать для путешественника седло, обшитое овечьими шкурами, которое не беспокоило бы животное в длительных переходах по пустыням. Не откладывая, Рамазан вместе с Кадырбаем приступили к

изготовлению сбруи. Из сыромятных ремней были сделаны подпруги, грудной ремень, подхвостник, планки, крючки, что позволяло надежно скреплять упряжь.

Рамазан был крайне удивлен, когда предусмотрительный Кадырбай вместе с медным боталом, которое вешается на шею верблюда для определения его местонахождения ночью или в густом тумане, вынес из сарая старую кавалерийскую пику.

— Пика хоть и примитивное оружие, но ничего не потребует в отличие от прожорливого ружья. У тебя сильные руки и острый глаз. Научись хорошо владеть пикой, и в случае нападения на тебя крупного хищника ты легко поразишь его.

Рамазан пытался было возражать, но, подумав, решил взять пикку, посчитав, что с ее помощью гораздо легче и быстрее можно будет добить из-под собак затравленного волка.

Пока Рамазан болел, а потом готовил сбрую для верблюдицы Акжал (такое имя получил его новый друг), слонявшиеся по двору зверогоны истосковались по охоте. По утрам, когда мальчик появлялся на пороге дома, к нему подбегали его четвероногие друзья и, «улыбаясь хвостами», ждали, когда он позовет их в степь или в пойму реки погонять выкунившегося «красного зверя».

В окрестностях Кулакши Рамазан не раз слышал ночью вой волков. С центральной усадьбы совхоза ему не раз приносили тревожные вести о нападении хищников среди бела дня на пасущихся животных.

Как-то в аул приехал главный зоотехник совхоза Омурзак и, зайдя к Рамазану, рассказал ему о дерзких нападениях волков на домашний скот и, что удивительно, на аульных собак.

— Днем, как правило, волки отлеживаются в лесном массиве Жагабулак, что за рекой, а ночью, раздражившем дворовых собак, приходят на окраину аула. Часть волков затаивается за изгородями или в палисадниках окраинных домов, а другие, на виду у собак, нагло разгуливают по улице. Выведенные из себя дворняжки с остервенелым лаем бросаются на серых разбойников. Те же, сделав вид, будто испугались, поджимают хвосты и убегают за пределы аула. Ничего не подозревающие собаки бросаются за ними. Выждав удобный момент, затаившиеся хищники выскакивают из засады и, отрезав опешившим от неожиданности собакам путь к отступлению, нападают на них.

— Что ж, если волки так обнаглели, значит, пора с ними посчитаться, — сказал Рамазан и пообещал: — Через день я начну охоту в ваших краях.

На следующий день, приготовив все необходимое для длительной охоты на волков, Рамазан решился написать первое после разлуки с дедушкой и бабушкой письмо в Тамаруткуль. В нем он и словом не обмолвился о том, что переболел малярией, зато в подробностях расписал, как его гостеприимно встретили в ауле и какую помощь оказывают в подготовке к путешествию за Синее море.

Как бы невзначай внук решил порадовать их тем, что у него есть свой верблюд, на котором он завтра отправляется на охоту.

Ночью на промерзшую землю тонкой пеленой лег первый снежок. Рамазан надеялся, что по свежим следам собаки быстро найдут зверей. С рассветом, под радостное повизгивание борзых-тазы, Рамазан начал собираться в дорогу. Он подергал вниз носовой поводок Акжал, и она покорно опустилась на землю, подставив двугорбую спину нетребовательному седоку.

Картина выезда на большую охоту выглядела торжественно. Чтобы поглазеть на охотника и его собак, собрался весь аул. По единственной улице степенно и невозмутимо вышагивала молчаливая Акжал, неся на себе счастливого охотника, «упакованного» в меховой конверт. В волчьем треухе на голове, с биноклем на груди и пикой в правой руке, юный охотник был похож на древнего воина-степняка, отправляющегося в дальний поход. На длинной сворке, рядом с верблюдом, трусил смычок борзых, а впереди, прокладывая путь, бежали Хобда и Тарлан, смиренно переносивший ее шалости. Рамазан не любил быть на виду у людей, но, глядя на их улыбающиеся лица, был счастлив. Да и как было не радоваться, когда в глазах казаха хорошие собаки возвышают их хозяина.

Через два часа пути Рамазан увидел на противоположном берегу Эмбы лесной массив, узкой полосой убегающий вверх по реке. Недоезжая центральной усадьбы верблюдоводческого совхоза имени Абая, юный охотник свернул с дороги и пересек сильно обмелевшую реку, несущую в низовье островки звенящей шуги¹. Не углубляясь в лес, поехал краем опушки, присматриваясь к следам, оставленным животными после ночной охоты. Из-под кустика

¹ Шуга — льдинки; идет по рекам перед ледоставом.

склонившейся полыни выскочил заяц-толай и, подзадрив собак, еще не спущенных со сворок, умчался в чащу. Чтобы не насторожить дремавших на дневной лежке волков, он не собирался натравливать собак на зайцев, лисиц и корсаков и упорно продолжал двигаться вперед вдоль леса.

Если осень раскрашивает тугай в золотисто-багряный наряд, то предзимье, притушив его пестроту, придает ему грустное однообразие. В просветах перелесков не было видно порхающих птиц, — лишь громкое карканье ворон, преследующих охоту, нарушало звонкую тишину леса.

Успех охоты на волков во многом зависит от терпения, находчивости и сообразительности охотника, нередко полагающегося на свою интуицию, а также от зверовых собак, отличающихся отличным слухом и сильным обонянием. Если эти качества вместе взятые сработают слаженно, то успех охоты обеспечен. Понимая всю сложность своей задачи, Рамазан тем не менее решил не возвращаться в Кулакши, пока не очистит от волков всю местность, прилегающую к центральной усадьбе совхоза. Он собирался охотиться не только днем, но и ночью, будучи уверен в том, что только слившись с природой, сможет изучить повадки местных волков и, день ото дня сужая круг, приблизиться к ним вплотную.

Нет в природе более энергичного, умного и беспощадного хищника, чем волк. О своем появлении он заявляет дерзкими нападениями на домашних животных. Зимой волку невозможно пропитаться в одиночку, поэтому звери объединяются в стаи и рыщут, наводя страх на все живое. Во время охоты в стае четко разделены обязанности. У них есть загонщики, чаще молодые и крепконогие волки-перехватчики. В засаде, как правило, затаиваются старые матерые звери. Разумно используя складки местности, глубокий снег, лед, куда чаще всего загоняют жертву, крутые подъемы и спуски и все рассчитав, начинают облаву. У волков постоянная привязанность друг к другу, а чаще — семейная преданность. С наступлением брачного периода в январе-феврале начинается распад стаи. Прибылые волки-двушлетки обзаводятся своими семьями. В поисках добычи волк пробегает за ночь 50—70 километров и при весе в 60—80 килограммов может съесть целого барана. Такой крупный зверь, задрав лошадь, способен оттащить ее в укромное место на целый километр. Слабых и раненых в стае не терпят, загрызают насмерть, иначе не выжить остальным — здоровым.

Первый день поисков волков не дал обнадеживающих результатов. Вечером, облюбовав полянку, окруженную высоким кустарником, Рамазан решил заночевать на ней. Запалив костер, он снял шкурки с трех зайцев-песчаников, добытых накануне борзыми, накормил своих друзей и стал внимательно вслушиваться в быстро сгущающуюся ночь.

На краю леса паслась не расседланная на всякий случай Акжал. Вдыхая бодрящий воздух морозной ночи, Рамазан не мог оторваться от сверкающих яркими узорами звезд, высыпавших на ночном небосклоне. Тепло костра, мирно лежащие рядом собаки и тишина, повисшая над рекой и лесом, располагали его ко сну. Как только от костра с треском летела в сторону искра, дремавшая Хобда резко вскидывала голову и, заметив, куда упал огонек, бежала туда разобраться — кто издает пугающие звуки. Коснувшись снега, искра тут же гасла, и молодая волчица, покрутив в недоумении головой, бежала обратно к Рамазану. Уткнувшись в его грудь влажным носом, она на время затихала.

Неожиданно возникший в ночи подозрительный звук заставил собак вскочить на ноги и прислушаться. До слуха Рамазана донесся протяжный гудящий стон, напоминающий вой ветра. Одиноким вой подхватили другие голоса, и полилась над рекой надрывающая душу симфония переговоров вышедших на охоту зверей.

«Волки!» — током передалось по всему телу юного охотника. Рамазан резко и громко подал команду «Ату!». Присыпав снегом тлеющий костер, он захихнул Хобду во вьючный мешок, сел на Акжал и поспешил к месту предстоящей схватки. Переправившись через реку вброд, Рамазан выехал на высокий левый берег Эмбы. С помощью бинокля он четко увидел на фоне заснеженной стеди очертания ближайших домов, а перед ними — схватку зверогонов с волками, которые никак не ожидали столь дерзкого нападения с тыла. Подъехав к месту схватки, Рамазан попытался разобраться, кто кого одолевает, чтобы в нужный момент пустить в ход пику. Безлунная ночь не позволяла добрать зверя из-под борзых. Схватка Тарлана с двумя хищниками, навалившимися на него, была короткой. Один из них с прокушенным горлом бился в предсмертных судорогах, другой, огрызаясь, пытался спастись бегством. Отрезав ему путь, Рамазан занес над его головой пику и, когда озлобленный волк с грозным рычанием бросился на Акжал, чтобы вцепиться ей в шею,

точным ударом в грудь пригвоздил его к земле. Появление человека, подбадривающего криком собак, внесло смятение в стаю хищников, и они поспешили покинуть поле боя.

В скоротечной схватке было взято четыре волка — один матерый, два переярка и один прибылой. Подобрав и приторочив к седлу добычу, Рамазан вернулся в лес и при ярком свете костра принялся снимать с волков шкуры. Управившись с работой к утру, он забрался в спальный мешок и, довольный началом охоты, быстро уснул на мягкой постели из волчьих шкур.

Как только разгорелся день, юный охотник отправился вверх по реке, придерживаясь края леса, вытянувшегося узкой полосой вдоль Эмбы более чем на 20 километров. На снежной целине он быстро отыскивал следы, оставленные волками, и, проехав вдоль них километров пять, обнаружил среди зарослей лаз, сквозь который звери шыгнули на дневку. Направив борзых по свежему следу, Рамазан продолжил путь, внимательно вслушиваясь в звонкую тишину. Чуткие волки, давно заслышав преследующих их собак, мигом снялись с лежки и, делая большие прыжки, пытались уйти вверх по реке незамеченными. В погоне за волками Рамазан проехал еще километров пять и, заметив впереди движущиеся точки, остановил Акжал. Просматривая в бинокль верховье реки, он увидел небольшой аул, а ниже его, в пойме реки, пасущееся стадо овец и коров, которых стерегли трое подростков. Увлеченные какой-то игрой, мальчишки не видели, как из леса вышли шесть волков. Даже не пытаясь напасть на встревожившихся овец, они обошли их стороной и вошли в воду, всплеск которой насторожил ребят. Оторвавшись от игры и увидев волков, они подняли дружный крик. Перебравшись на противоположный берег, звери вытянулись гуськом и один за другим скрылись в устье глубокого оврага. Преследуя волков, зверогоны, не раздумывая, бросились вслед за ними в воду.

А у Рамазана тем временем созрел план перехвата беглецов на выходе из оврага. Пустив в галоп Акжал, он быстро домчался до отвешка оврага, где увидел волков, вытесненных снизу напористым гоном борзых. Выставленные в степь хищники в замешательстве остановились. Отрезая путь, им навстречу мчался Тарлан. Зажатые с трех сторон, волки не бросились бежать кто куда, а под предводительством матерой волчицы устремились навстречу Тарлану. Тут следом за ними из оврага вымахнули бор-

зые, и на глазах Рамазана закипела горячая свара. Схватка Тарлана с волчицей скорее походила на танец фокстрот¹. Вцепившись пасть в пасть и встав на дыбы, они с грозным рычанием крутились на одном месте, не уступая друг другу ни в силе, ни в ловкости. Рамазану с большим трудом удалось приблизиться к ним, а изловчившись, насмерть поразить ударом пики волчицу, которой так и не удалось спасти разгромленную стаю. Актарнак, перехватившая переярка, намертво вцепилась ему в ухо и, пригнув голову к земле, держала до тех пор, пока не подъехал Рамазан и не добрал волка. Схватка Актыс с прибылым была короткой: прижав зверя к земле, он с яростью вцепился ему в горло. Показывая сверху борзым на убегающих в степь оставшихся в живых трех волков и поощряя их криком «улю-лю-лю», Рамазан, взбодрив тяжелую на бег Акжал, помчался вслед за ними. Актыс и Актарнак составляли чудесный смычок, быстрый в поиске и на гону. В завязавшейся травле они могли водить зверя весь день, развивая скорость до 80 километров в час. Когда борзые настигли беглецов и повисли у них на хвосте, волки применили хитрый маневр. Резкими прыжками в сторону они меняли направление, что давало им ничтожный шанс оторваться от преследования. Подоспев, Актыс схватил переярка за гачи², и тот, опрокинувшись на спину, всего на миг подставил свое горло. Его участь была решена. Из шести преследуемых волков лишь одному переярку удалось унести ноги.

Успеху охоты с борзыми и волко-псом на лютых хищников сопутствовало то, что перед ее началом Рамазан одевал им на шею широкие кожаные ошейники, унизанные длинными и острыми шипами из медных гвоздей. У волков же горло было самым уязвимым местом, и во время схватки собаки первым делом стремились вцепиться в него.

За две недели охоты в урочище Жагабулак Рамазаном было добыто 9 волков: 4 матерых, 3 переярка и 2 прибылых. Попутно было затравлено 6 лисиц, 3 корсака и более 20 зайцев-толаев, мясо которых пошло в пищу неутомимым охотникам.

Чтобы сдать пушнину в приемный пункт райпотребсоюза, Рамазану предстояло заехать на центральную усадьбу совхоза, где ему должны были выплатить премию за

¹ *Фокстрот* — в переводе с немецкого означает «танец лис».

² *Гачи* — нога выше коленного сустава.

добытых волков и отоварить продуктами за сданные шкуры. От совхоза, на территории которого были затравлены хищники, также полагалась натуральная премия — за каждого волка по одному барану. Стоимость их должна была пойти на частичное погашение аванса за верблюдицу Акжал.

И вот юный охотник въезжал на Акжал на центральную усадьбу совхоза имени Абая в сопровождении своих помощников. С живописно расцвеченных боков верблюда свисали золотистые и серебристые шкуры волков, лисиц, корсаков и зайцев. Пестрота пушнины приковывала внимание идущих навстречу людей, и они подолгу смотрели вслед бредущему по улице верблуду, радуясь вместе с охотником его удаче.

Получив в пушном приемном пункте причитающуюся премию за шкуры, Рамазан поспешил на почту, откуда послал свой первый денежный перевод на имя бабушки в Тамаруткуль, который больше, чем любое красноречивое письмо, говорил о его жизни.

Но недолго пришлось зверогонам зализывать раны, нанесенные волками. За время отсутствия Рамазана в ауле большая стая хищников дважды напала на соседнюю овчарню. Пробыв дома всего один день, юный охотник вместе с собаками отправился на поиски серых разбойников, обосновавшихся в пойме Темира. Подъезжая к дому чабана, стоявшему рядом с кошарой, Рамазан невольно обратил внимание на шкуру волка, висевшую на стене для просушки, и, не сдержавшись, спросил у вышедшего ему навстречу знакомого чабана:

— Что, Актай, волка подстрелил?

— Нет, голыми руками за хвост поймал, — не без гордости ответил чабан и, пропустив в дом Рамазана, рассказал ему за пиалой чая занятную историю.

Когда волки наведались первый раз в кошару и вынудили овец высадить ворота, им удалось без большого труда зарезать 12 животных. После этого случая чабан стал ночевать в сарае вместе с овцами. В прошлую ночь с восточной стороны сарая, где снега надуло под самые застрехи, Актай услышал хруст снега. В одном из окошек показалась голова зверя. Последовал сильный удар лбом, и в сарай со звоном посыпались стекла. Высадив окно, старый опытный волк развернулся, спустил хвост вовнутрь сарая и, грозно рыча, принялся им вертеть, словно ветряная мельница крыльями. Перепуганные овцы заматались в панике, намереваясь, как и в прошлый раз,

проломить всей своей массой ворота и вырваться наружу. Но пастух не растерялся. Подбежав к окошку, он подпрыгнул вверх и, схватив волка за хвост, повис на нем. Перепуганный хищник пытался вырваться, стал рычать еще сильнее и грызть от злобы стену. Вдруг волк с силой выбросил струю вонючей жидкости, угодив прямо в лицо пастуху. Актай разжал руки, отпустив волка. Каково же было его удивление, когда утром в двадцати шагах от сарая он обнаружил лежавшего на снегу... мертвого волка, у которого, видимо, с перепугу не выдержало сердце.

Не задерживаясь у чабана, Рамазан сел на Акжал, свистнул свору и поехал по Темиру в надежде найти в пойменных зарослях отсыпавшихся волков. Два дня бежали борзые по свежим следам уходящих от преследования хищников. На третий день звери сами решили поохотиться на собак, утолив мучивший их голод, а заодно разделившись со своими преследователями.

Неразлучный смычок борзых всегда старался не терять друг друга из поля зрения, и в тот момент, когда на Актарнак из засады напали волки, Актыс с грозным лаем ворвался в горячую свару. Заслышав голоса попавших в беду друзей, к ним на помощь подоспел Тарлан и в один миг разметал волков. Подъехав к месту свалки, Рамазан пустил в ход пику и принял из-под собак одного за другим трех дерзких хищников.

За неделю охоты в пойме Темира Рамазан и его зверогонцы взяли 7 волков, несколько лисиц и зайцев. Таким образом большая территория в окрестностях Кулакши была очищена от серых разбойников.

Затем Рамазан устроил своим собакам трехнедельный отдых. Отдохнувшие и заметно скучающие от безделья, они все настойчивее стали звать своего повелителя в поле. И тут из соседнего аула, что расположен ниже по течению Эмбы, приехали два чабана с просьбой посчитаться с осмелевшими волками, нападающими на домашний скот среди бела дня.

— Нет покоя от волков не только ночью, но и днем. Вчера, во время водопоя верблюдов, из зарослей выскочили шесть серых разбойников и напали на верблюжонка. Если бы не мой напарник, заколовший вилами одного из них, зарезали бы верблюжонка, — сказал один из них и тяжело вздохнул.

— Не расстраивайтесь, завтра же с утра отправлюсь в ваши края.

Проводив чабанов, Рамазан занялся подготовкой к долгой охоте.

В первый день зверогоны подняли с лежки 7 волков. Почти за три недели Рамазаном было принято из-под собак 8 волков, а одного переярка он привез в аул, все жители которого сбежались посмотреть вблизи на живого волка.

— Отдай нам, Рамазан, волка, мы его на цепь посадим, пусть люди посмотрят на кровожадного зверя, да знают, кто у них скот режет! — обратился к нему чабан Альтек.

— Берите, да только смотрите, чтобы детей не покусал. Волк — зверь лютый! — без малейшего сожаления отдал Рамазан свою добычу.

Отказавшись заночевать у гостеприимных хозяев, юный охотник переехал скованную ледяным панцирем реку и, прижимаясь к лесу, направился в сторону аула Кулакши. Вечерело, когда он, выехав на край лесного массива, решил остановиться на ночлег.

Вслед за угасающим днем над степью начали сгущаться тучи, обещая разродиться обильным снегопадом. В полночь над притихшими тугаями закружил первый хоровод снежинок. Постепенно усиливаясь, снег повалил сплошной стеной. На рассвете снегопад прекратился, и вместе с выкатившимся из-за горизонта солнцем на снежной целине четко обозначилась серебряная дорожка. Чем выше поднималось солнце, тем красочнее становился запорошенный снегом таинственный лес с лучисто искрящимися на солнце снежинками. Отправляясь в путь, Рамазан глянул в последний раз в глубину тугая, где увидел на заснеженной полянке трех резвящихся зайцев. Словно расшалившиеся ребятишки, они вставали на дыбки и, высоко взбрыкивая задними ногами в «штанах», совершали друг над другом головокружительные сальто-мортале, кусали за уши и при этом сильно кричали. Вместо того, чтобы натравить гончих на зайцев-толаев, затеявших брачные игрища, Рамазан резко свистнул, и куцехвостые зайчишки разбежались в разные стороны.

Последняя охота на исходе зимы была не столько трудной, сколько опасной для борзых, так как волки повсеместно справляли свои свадьбы, нередко заканчивавшиеся кровавыми схватками между соперниками. Агрессивные самцы стаями преследовали волчиц и, чтобы стать отцами нового волчьего выводка, презрев смерть, домогались от них взаимной любви. В последней схватке с

волками сильно пострадали Актарнак и Актыс, и сейчас, заметно приотстав, они с трудом плелись прихрамывая. Перед Акжал, размеренно ступающей по рыхлому снегу, бежал неутомимый Тарлан. Вдруг он резко остановился, пристально посмотрел на край леса и, заметив там какое-то движение, насторожился. Придержав верблюда, Рамазан посмотрел в бинокль туда, куда наострил уши волкопес, и увидел то, чего больше всего опасался.

Небольшая стая волков, ведомая светло-рыжей волчицей, бежала краем леса. Если к волчице приближался настойчивый кавалер, она свирепо оскаливалась на него, а порой пускала в ход зубы. Обиженный поклонник не пытался дать ей сдачи и терпеливо сносил незаслуженные укусы. Влюбленные в нее соперники готовы были разорвать на части любого, кто посмел бы с ней заигрывать. Они тут же все скопом набрасывались на него, но, получив хорошую трепку, он почему-то не покидал процессию, а, движимый любовной страстью, пристраивался в хвост последнему волку.

Воспылав с первого взгляда любовью к молодой, необыкновенно игривой волчице, Тарлан стремительно сорвался с места и, влекомый инстинктом отцовства, помчался к ней.

— Тарла-ан! Верни-ись! Порвут тебя волки-и! — кричал ему вслед Рамазан, но где там!

Волко-пес дважды останавливался на зов, бросал на своего повелителя умоляющий взгляд и, тряхнув в нетерпении головой, продолжал бежать к стае волков, настороженно смотревших в его сторону. Рамазан не мог послать ему на помощь сильно покалеченных борзых, зная наперед, что увивающиеся за волчицей кавалеры сейчас просто непредсказуемы в своих действиях и быстро с ними расправятся.

Приспев к волчьей свадьбе, Тарлан первым делом поставил соответствующие метки на кустах и деревьях, утвердив таким образом свое господство на данной территории. После чего бесцеремонно подбежал к своей возлюбленной, внимательно наблюдавшей за неожиданно появившимся в ее обществе кавалером-гигантом. Волчица позволила ему обнюхать себя, не куснула Тарлана и даже не огрызнулась на него, как она поступала по отношению к преследовавшим ее кавалерам, а, наоборот, встретила его ласково, ответив легким помахиванием хвоста. На фоне заснеженного леса волко-пес выглядел красивым и статным полузверем. Широкая лобастая голова, могучая

шея и мускулистое тело говорили о его силе и выносливости, на что и рассчитывала молодая волчица: ведь ее будущее потомство должно быть крепким.

Презрев опешивших от неожиданности соперников, ласкаясь к принявшей его в свое общество волчице, волко-пес побежал с ней бок о бок краем леса. Такого нахальства волки не могли выдержать. Они еле сдерживали себя, чтобы не разнести его в клочья. Опытный Тарлан, не раз участвовавший в волчьих свадьбах, ждал этого момента и на всякий случай держал ухо востро.

Оскалив зубы и злобно рыча, старый матерый волк первым бросился на Тарлана, но не успел в него вцепиться, как, сбитый с ног, отлетел в сторону. Поняв, что в одиночку с соперником не справиться, волки навалились на него всем скопом. Пустив в ход острые клыки и зубы, они с остервенением впивались Тарлану в бока и спину. Матерый волк, улучив момент, вцепился ему в шею, но лишь сомкнул челюсти, как тут же отскочил в сторону, тряся пораненной о шипы пастью.

Сбросив с Акжал волчьи шкуры и приказав борзым и Хобде стеречь их, Рамазан помчался на верблюде к месту схватки. С высокой спины бегущего верблюда он отчетливо видел, как стойко отбивался Тарлан от навалившихся на него разом семи волков. Пока шла схватка за обладание самкой, молодая и игривая волчица, впервые познающая радость любви, невозмутимо сидела у кустика и, щурясь от ярких лучей февральского солнца, преспокойно наблюдала за происходящим. В этот тяжелый момент Тарлану явно не хватало смекалистых и ловких в схватках с волками Актарнак и Актыс. Вцепившись одному из соперников в горло, он в яростной злобе вырвал его. Не дремал и матерый волк. Используя свой многолетний опыт и мудрость, он, изловчившись, сумел захватить морду Тарлана. Удерживая волко-пса за нижнюю челюсть, матерый дал возможность остальным волкам впиться ему в ноги и опрокинуть на спину. В этот момент один из соперников полосанул острым клыком по податливому животу от грудной клетки до самого паха, обнажив трепещущие внутренности Тарлана. Еще живой, он из последних усилий освободился от матерого и вонзил острые клыки в шею своего убийцы, задушив его мертвой хваткой.

Подъехав к месту, где только что кипела смертельная схватка, Рамазан увидел страшную картину: рядом с

задушенным волком на красном снегу лежал умирающий Тарлан. В отчаянии он закричал нечеловеческим голосом и, спустившись с Акжал на снег, пополз к волко-псу, обливаясь слезами. Услышав голос своего повелителя, Тарлан встал на подкашивающиеся ноги и, волоча по снегу выпавшие внутренности, пошел к нему навстречу. Оставляя за собой кровавый след, он подполз к Рамазану и, как бы прощаясь, вяло лизнул его в лицо шершавым языком. Жизнь все неотвратимее покидала гиганта, глаза его постепенно застилал туман, а задние ноги, молотя рыхлый снег, все еще пытались опереться о твердую землю. Уронив голову на руки своему повелителю, Тарлан резко откинул голову в сторону, дернулся в последний раз и, вытянувшись во всю длину, затих навсегда. Рамазан не мог смотреть без содрогания на безжизненное тело любимого друга, закончившего свою жизнь в расцвете сил. Кто как не Тарлан был его ногами, добычливым кормильцем, терпеливо сносившим вместе с ним все невзгоды. Теперь, когда не стало преданного друга, на плечи Рамазана лег тяжелый груз, который ему придется нести одному долгие годы.

Не выдержав то ли запаха дымящейся на морозе крови, то ли ее вида, Акжал дико взревела и, оставив Рамазана, умчалась по своим следам в заснеженную степь. С грустью в глазах и щемящей болью в сердце провожал Рамазан убегающую верблюдицу.

Чтобы не позволить разному зверью попировать над трупом своего друга, Рамазан решил похоронить его на дереве. Подтащив коченеющий труп волко-пса к ближайшей березке, он с помощью цыганского кнута затащил его на развилку дерева, где и оставил на съедение зимующим в лесу птицам.

С хрупкой надеждой посмотрел Рамазан в бинокль в ту сторону, куда убежала верблюдица, и увидел в окружении борзых и волчицы Хобды покорно стоявшую беглянку Акжал. Чтобы добраться до своих друзей, ему предстояло преодолеть километровый путь по свежавыпавшему снегу. Рамазан попробовал идти на руках, но тут же погрузился по самые плечи в рыхлую массу. Тогда он решил катиться через голову, ползти, лишь бы побыстрее добраться до поджидавших его друзей.

С первых же метров в глаза Рамазану ударил невыносимо яркий свет, отраженный стократным зеркалом от снега, нестерпимо блестевшего под солнцем своей белизной. Время от времени он плотно сжимал глаза и продол-

жал ползти, порой наугад, оставляя за собой глубокий след-борозду. Впереди, кроме верблюда, не было видно другого ориентира. Лишь ослепительно белая пелена слепила до рези глаза. Неожиданно яркий солнечный день стал заметно тускнеть, окрасив снег в синий цвет, а затем в темно-серый. И вдруг сверкающий белизной день совсем померк. словно только что вылупившийся из яйца птенец, Рамазан крутил головой из стороны в сторону в надежде увидеть хотя бы что-нибудь, но непроглядная тьма окружила его со всех сторон. Еще не сознавая того, что с ним приключилась очередная беда, он принялся тщательно протирать глаза. Но окутавшая его черная мгла не рассенвалась, и он понял, что ослеп. В отчаянии Рамазан плотно прижал ладони к глазам и, словно обреченный зверь, издал дикий вопль:

— Я осле-еп! Ослеп навсегда-а!

Он еще долго кричал, звал на помощь своих собак, но вскоре понял, что широкая степь, укрытая пышными снегами, глушила все звуки. В порыве отчаяния Рамазан сжал ничего не видящие глаза и упал ничком в снег на скрещенные руки. Так сверкающий белизной день стал для него темнее черной ночи.

Выплакав все слезы, не отрывая от сомкнутых глаз руки, Рамазан попытался успокоиться и сосредоточиться. Но рядом с ним не было его верных друзей, а из-за большой отдаленности аула нельзя было уловить слухом мало-мальские звуки, которые могли бы послужить ему ориентиром. «Неужели, — думал Рамазан, — меня ждет медленная и мучительная смерть?» И тут же отогнал от себя дурные мысли. «Нет, я никогда не дамся костлявой смерти в руки. Я буду бороться из последних сил за свою жизнь, пока не выберусь из снежного плена к людям».

Когда отчаяние улеглось, смирившись с жестокой участью, Рамазан решил ползти к реке вслепую. Он знал, что за ней, связывая между собой аулы, бежит берегом конная тропа, по которой изредка проезжают люди. Он попытался оторвать голову от рук, приподняться, но какая-то сила удерживала его в этом положении. Неожиданно, будто во сне, перед ним предстал белокаменный город, мулла в белых одеждах, а рядом с ним — молодой полководец. «Да, я же читал в одной из книг о подобной слепоте!» — ухватившись за тонкую ниточку надежды, прошептал Рамазан.

...Взяв штурмом небольшой город на арабском Востоке, молодой полководец с триумфом въезжал в широко

распахнутые ворота крепости. За крепостной стеной перед ним предстал построенный из белого известняка город с нестерпимо блестящей мостовой. Ему в глаза ударил яркий свет, исходящий от залитых солнцем белокаменных строений. От рези в глазах у полководца обильно потекли слезы. Часто прикладывая к воспаленным глазам белый платок и не подавая вида, он машинально продолжал победоносное шествие по улицам города. Неожиданно перед ним вместо белокаменных домов предстала черная стена. Это заставило его придержать коня. Поняв, что ослеп, полководец приказал привести местного муллу. Когда к его светлости привели перепуганного муллу, тот осмотрел его слезящиеся глаза и, поняв причину внезапной слепоты, решил воспользоваться своими знаниями во благо города, отданного полководцем своим воинам на поругание и разграбление.

— О, мой повелитель! Я верну тебе зрение, только прикажи своим воинам прекратить насилие и поджоги! — взмолился мулла.

Упавший было духом полководец обрадовался появившейся надежде и отдал распоряжение о прекращении грабежа.

Взяв под руку слепого с повязкой на глазах, мулла привел его к мечети, представлявшей собой небольшой куб с конической крышей и пестреющей на портале арабской вязью. Введя полководца в мечеть, местами прощитую насквозь ядрами, священнослужитель постелил коврик и, посадив на него слепого, принялся заделывать щели, через которые с улицы проникал яркий свет. Присев рядом с несчастным, мулла прошептал молитву, прося Аллаха о прозрении ослепшего его раба. Просидев в кромешной темноте час, мулла поднялся с коврика, подошел к наружной двери и слегка приоткрыл ее. Из глубины мечети до слуха священнослужителя донесся радостный возглас, невольно сорвавшийся с уст прозревшего полководца:

— Я вижу! Откройте шире дверь, дайте мне взглянуть на моих воинов! Пусть они порадуются вместе со мной моему прозрению!

— Не спеши, мой повелитель! Дай глазам привыкнуть к свету, — с трудом удерживая полководца, спокойно сказал мулла.

Постепенно глаза привыкли к дневному свету, и прозревший слепой вышел из мечети наружу. На радостях полководец отдал команду покинуть взятый с большими

потерями «заколдованный» белый город. Таким образом мулла спас свой город от разрушения, а жителей — от неминуемой гибели или рабства...

«Не приключилась ли со мной такая же временная слепота?» — уцепившись за ниточку надежды, подумал уже отчаявшийся было Рамазан. Поборов страх перед неизвестностью, он приподнял голову и, еще боясь увидеть лишь темноту, приоткрыл глаза. Не веря своим глазам, он увидел припорошенную снегом морду волка, выбирающегося из лощины. Выхватив нож, Рамазан приготовился к отражению нападения зверя, но, приглядевшись к нему повнимательнее, по вилянию хвоста узнал в нем волчицу Хобду. За ней, подгоняемая грозным рычанием борзых, неторопливо вышагивала Акжал. При виде неожиданно появившихся, будто из-под земли, друзей прозревшие глаза Рамазана засверкали радостью. Не веря своему счастью, он с некоторой боязнью посмотрел в сторону скатывающегося за горизонт багрово-красного солнца и принялся с жаром обнимать Хобду, которая сумела привести за собой всех остальных. Взобравшись на спину верблюда, Рамазан запел от радости. Да и как было не петь, если зрение вернулось к нему будто по волшебству. Поглядывая сверху на ласкающихся борзых и волчицу Хобду, он недоумевал: «Как они смогли услышать на таком большом расстоянии мой голос?» Подумав, он пришел к выводу, что диапазон воспринимаемых собаками звуков намного шире, чем у человека.

Несмотря на морозную ночь, Рамазан вернулся в лесок и, приторочив к седлу последние трофеи Тарлана, вместе с друзьями отправился в Кулакши. Всю дорогу беспокойно вела себя Хобда. Она часто останавливалась и, задрав морду к зябко подрагивающим звездам, надрывно выла: звала Тарлана, которому так и не стала невестой.

Что же помогает Рамазану выходить «сухим» из столь сложных ситуаций, из которых, казалось бы, нет выхода? Все объясняется одним простым, но веским словом *везение*. Психологи утверждают по этому поводу, что личные качества среднего человека, в силу его физических и умственных ресурсов, обеспечивают лишь 10% успеха, остальные 90% — это везение, удача.

Вернувшись с последней охоты домой, Рамазан сдал добытую пушнину в приемный пункт и решил подбить итоги: за осенне-зимний сезон им было принято из-под зверовых собак 28 волков, 36 лисиц, 14 корсаков и более сотни зайцев-толаев, что позволило с лихвой рассчитаться

с совхозом за верблюдицу Акжал, получить денежную премию и продукты в виде муки и крупы, так необходимых в длительном путешествии. Желая отблагодарить гостеприимную семью Кадырбая, предоставившую жилье и все те удобства, которыми пользовался Рамазан в течение полугода, он подарил хозяину добротную шкуру волка на малахай-треух, а его жене Бахыт и внучке Анар — по паре лисьих шкур и корсачьих горжеток на воротники и шапки. В дополнение ко всему юный охотник предложил аксакалу Кадырбаю деньги, но тот, поблагодарив его за щедрый подарок, категорически отказался от них.

Вслед за февральскими холодами пришло мартовское тепло. Под воздействием горячих солнечных лучей и теплых дождей быстро начал таять снег. Первыми почувствовали весну сороки и вороны, затевавшие с раннего утра воздушные игрища: ныряли с небесной крутизны вниз и, перевернувшись у самой земли, свечой взмывали ввысь, парили, кувыркались через голову, с криком гонялись друг за другом, совершая головокружительные пируэты. В теплый полдень на пустынный берег Эмбы опустился ворон и, нахохлившись, глухо прокаркал, будто известил всех обитателей поймы о начале весеннего паводка.

Под треск раскалывающегося на части льда с грохотом понеслась в сторону Каспийского моря Эмба. В ее мутных потоках по пояс в воде оказались принаряженные золотыми сережками ивы, белоствольные березки, затопленные по самую макушку кустарники, а между ними, сверкая синевой, плыли неторопливые льдины. Над затопленными дугами день и ночь летели на север утки, гуси, серые журавли. На прогретые солнцем мелководья спешили на нерест щуки. Стремительные потоки воды промывали глубокие омуты с отжимавшей в них рыбой, очищали заливы, уносили с лугов и подтопленного леса мусор.

Эмба, берущая свое начало с Мугуджарских гор, вытянулась с севера на юг на 712 километров. Несмотря на летнее маловодье, река имеет цепь глубоких плесов и затонов, отороченных изумрудной зеленью из тростника и рогоза. В бирюзовых водах обитают линь, сом, голавль, щука и болотная черепаха, откладывающая яйца в прибрежных песках. Пойменные луга украшают гирлянда небольших озер и живописные оазисы из березово-осиновых колков. Местами к реке вплотную подступают песчаные массивы, облесенные непролазными тугаями: Уркач, Шагабулак, Кокджида, оживляющие своей пестротой при-

эмбинский ландшафт. Под их тенистым пологом бьют студеные родники, бегут прозрачные ручейки с растущей вокруг них душистой клубникой и ежевикой. В самые засушливые годы тугай хорошо увлажнен, благодаря чему в нем из года в год формируются торфяные кочкарниковые болота. Среди перевитых хмелем деревьев растут кустарники: крушина, калина, шиповник, джужган, чингиль, красным заревом у воды пламенеет тамариск. Там же, на правом берегу, один за другим чередуются шишкообразные останцы-терткули, покрытые сверху шапкой из плотных железистых песчаников — это Музбель в верховье реки, а ниже впадения Темира в Эмбу возвышаются над степью Байсары. Сверкают белизной в низовье реки меловые горы: Актолагай, Койкара, Иман Кора. На приподнятом левом берегу Эмбы местами встречаются невысокие уютнообразные сырты¹, обращенные своим острием к реке.

Еще в начале XX столетия Эмба имела обширную дельту, которая по многочисленным рукавам впадала в Каспийское море. Сюда на нерест из Каспия заходили белуга, осетр, севрюга, шип. С 1939 года Эмба не доходит до моря, теряя свои воды в солончаковой равнине Прикаспия.

В «Книге Большого чертежа» достоверно описано: «...С горы Урук [Мугоджары] потекла река Гем [Эмба]... а Гем река не дошед до Хвалынского [Каспийского] моря 20 верст, пала в озеро». Почему-то принято считать, что Уральские горы и река Урал служат перегородкой между двумя частями света — Европой и Азией. В последнее время географы и ботаники утверждают, что граница между Европой и Азией проходит по подножью Уральского хребта, Мугоджарским горам и реке Эмбе. Именно на этой линии стыкуются материковые платформы Европы и Азии, являющиеся мозгом Земли. Граница же по реке Урал имеет всего лишь историческое значение.

С наступлением весны Рамазан испытывал необъяснимое чувство перелетной птицы. Птиц влекло на север — к родным местам гнездовья, юного путешественника на юг — в озерный край дельты Амударьи. Еще не затих перезвон весенних ручьев, а прибрежные тугаи не наполнились веселым гомоном пернатых, как Рамазан засобирался в дорогу, туда, куда манила его неизвестность.

— Зачем спешить? Весна только началась, да и моро-

¹ Сырты — высокие, вытянутые бугры.

зы по ночам еще кусаются! — отговаривал его Кадырбай, зная, что еще не установившаяся как следует весна может доставить массу неприятных сюрпризов.

— Ехать надо сейчас, — настаивал на своем Рамазан. — Если весна будет короткой, да к тому же засушливой, быстро пересохнут лощины со снеговой водой, и тогда собакам, да и мне придется туго.

— Не отчаивайся! Твоя верблюдница свободно может нести на себе 300 килограммов груза, и два-три больших бурдюка с водой, взятые на крайний случай, помогут тебе в трудное время утолить жажду, а там, глядишь, и колодец отыщется.

— Сколько бы я ни взял с собой воды, хватит ее ненадолго, а что пить потом такой ораве? Нет, дедушка Кадырбай, вы не правы! В дорогу надо отправляться сейчас, пока стоят холода и идут дожди.

Юноша и старик склонились над картой и, по воспоминаниям бывшего кочевника, нанесли в пределах намеченного маршрута колодцы с полупресной водой глубиной 80 и более метров. Всматриваясь в гигантское бело-желтое пятно между Эмбой и Аральским морем и не обнаружив на нем ни одного населенного пункта, Кадырбай сокрушенно покачал головой и попытался в последний раз отговорить Рамазана от рискованного путешествия.

— Чтобы научить вполне здорового, но трусливого человека плавать, — начал аксакал издалика, — его бросают в воду. Поборов страх, проявив сообразительность, силу, он в конце концов сам выплывает на берег. Ты же, добровольно отправляясь в безжизненную пустыню с парализованными ногами, подвергаешь себя нечеловеческим испытаниям.

— Не сидеть же мне целыми днями на солнышке и шуриться от удовольствия, как тот кот! — ответил Рамазан. — Что я могу поделать с собой, если меня тянет туда, где есть надежда оживить полумертвые ноги! Или я достигну своей цели, или погибну — другого мне не дано.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СКВОЗЬ ПЕСКИ И КАМЕННУЮ ПУСТЫНЮ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

И снова в путь. «Пожар» в пустыне. По древнему руслу Манисая. Филины — «крылатые волки». Премудрая лиса. Сквозь пески Сам. В бурю. В содончаковой пустыне Жарынкудук

Еще не успел растаять на северных склонах снег, как в один из мартовских дней Рамазан отправился в самое длинное и опасное путешествие. Ему предстояло пересечь пески Сам, солончак Жарынкудук и каменную пустыню плато Устюрт.

Утром, положив по команде посреди двора верблюда, хорошо заученными движениями рук Рамазан принялся без лишней суеты навьючивать покладистое животное, меланхолично пережевывающее жвачку. Разместив вьючные мешки с грузом и пристегнув с правого бока Акжал пику, он подал ей команду, встать. Подтянув потуже подпруги, юноша ухватился обеими руками за толстый конец волосяной веревки, свисающей с передней луки седла, и, быстро перебирая руками, словно акробат, взобрался на спину верблюда.

Провожая Рамазана в дальний путь, умудренный жизненным опытом Кадырбай дал ему последние наставления:

— Никогда не забывай три главных заповеди — это осторожность, продуманность и тщательность во всем.

— Спасибо, дедушка Кадырбай, за добрый совет и все хорошее, что вы сделали для меня. Если бы не вы да не та закалка, которую я получил в охоте на волков, вряд ли отважился бы на такое опасное путешествие в одиночку, — произнес Рамазан с дрожью в голосе.

— Ты, парень, славный, любознательный, да и умом Аллах не обидел. Все это поможет тебе найти правильную дорогу в жизни. Найти себя — большая удача, а потерять — несчастье.

Будто на большом корабле, уходящем в далекое пла-

вание, уезжал Рамазан на верблюде в бескрайние просторы дикой пустыни. Жители аула Кулакши с грустью в глазах провожали смельчака и его четвероногих друзей.

Все выше поднималось солнце, заливая мягким светом просыпающуюся полупустыню. Схваченные морозным утренником, первые ростки трав подталяли и под лучами солнца загорелись тысячами алмазов, яхонтов и рубинов, ставших крохотными разноцветными фонариками.

Впереди, насколько хватало глаз, простиралась бесконечная равнина, переходящая на горизонте в синь неба. Ничто не останавливало блуждающий взгляд Рамазана, лишь тонкие нити испарений, исходящие от оттаивающей земли, вились над горизонтом, подобно нитям белого шелка. Привычка быть наедине с природой помогала Рамазану и в пустыне. Ее одинокое величие скорее успокаивало его, чем пугало.

Навстречу, словно самолеты в боевом порядке, волна за волной летели на северо-запад стаи серых журавлей. Рамазану было интересно наблюдать, как птицы перестраиваются во время полета. Когда концы клина оказывались неравными, то стая часто делилась на два угла. Шеренга разрывалась, а середина оторвавшегося ряда выдвигалась вперед, образуя новую вершину. Соединялись углы тоже быстро, двигаясь сначала в виде ломаной линии, которая

вскоре сглаживалась. Получившийся угол с неравными концами вскоре выравнивался. Иногда Рамазану удавалось видеть смену журавлей в вершине угла. Место передового занимал большей частью сосед и, по-видимому, они менялись, залетая друг под друга, так как силуэты на несколько мгновений сливались.

Над головой юного путешественника заливались трелью первые гости обновленной природы — жаворонки. Неожиданно из-за ближайшего бугра с характерным криком поднялась стайка журавлей-красавок. Провожая взглядом элегантных птиц, одетых в красные чулки, Рамазан невольно придержал верблюда: охватив полнеба, с востока на запад двигалась сплошная масса дыма с яркими проблесками пламени.

— Пожар! — невольно сорвалось с губ Рамазана.

Развернув Акжал, он помчался к ближайшему бугру, чтобы сверху разобраться в происходящем.

Когда глянул туда, где только что бушевал «пожар», то не увидел ничего похожего на пламя и дым. Над пустыней широкой рекой струился лишь восходящий поток нагретого воздуха, а вдали маячили облитые солнцем бледно-розовые сырты. Все это вместе и создало оптический обман, который можно было принять за пожар.

Из всех животных, обитающих в Средней Азии, верблюд — самый высокий, что позволяет сидящему на его спине обозревать все вокруг. А длинная и подвижная шея бактриана дает ему возможность легко дотянуться до корма. Рамазан всегда был добр к нему, зная, что верблюд, обладающий хорошей памятью, невозмутим только внешне. Он очень обидчив и за причиненную ему боль может отомстить: укусить, подмять под себя обидчика. Рамазан никогда не стегал Акжал кнутом, когда нужно было прибавить шагу, не кричал на нее, если она, завидев лакомый куст, уходила в сторону от маршрута. Склонив к земле длинную шею, она ловко подхватывала шершавым языком колючку и, отправив ее в рот, с похрустыванием пережевывала на ходу. Верхняя раздвоенная губа у верблюда работает как пинцет-захват, а бронированный ороговевающим эпителием рот, мощные зубы, верхние резцы и клыки позволяют ему поедать колючки с крупными шипами. Благодаря доброму отношению хозяина Акжал была необыкновенно покладистой и доверчивой. С остановками на кормежку верблюдица свободно проходила за день 35—40-километровые отрезки пути, что вполне устраивало Рамазана.

Он не преследовал цели завершить путешествие как можно быстрее. В пути его интересовало все, что представляло загадку. Рамазан постоянно разговаривал со своими друзьями. По интонации, выражению лица они прекрасно понимали его и беспрекословно подчинялись. Просыпаясь ночью, Рамазан первым делом прислушивался, а уловив ласкающие слух звуки ботала засыпал снова. Проснувшись в предрассветный час, он устремлял свой взор в звездное небо. Звезды рассказывали ему все: где находятся страны света, когда наступит рассвет, какой будет погода.

Западную часть Туранской равнины вкось и вкривь пересекают полусухие бессточные русла, наполняющиеся весной снеговой и дождевой водой. Таким древним руслом, имеющим значительную протяженность, был Манисай, по которому еще два-три века назад излишки паводковых вод сбрасывались в Эмбу. Имеющая многочисленные изгибы впадина не раз пересекала путь Рамазану, заставляя его каждый раз то спускаться вниз, то взбираться по крутому склону наверх. В бессточных впадинах, котловинах, наполненных до краев вешними водами, останавливалась на короткую жировку масса перелетных птиц.

Срезав очередной изгиб русла Манисая, Рамазан спустился с высокого берега в узкую долину. В просветах между кустами серой полыни его взгляд задержался на растерзанном кем-то зайце-толае. Придержав верблюда, он спустился по веревке на землю. «Странно, кому же длинноухий попал на ужин, когда вокруг не видно звериных следов?» Лишь разбросанные на песке перья поведали о том, что на безобидного зверя напал филин. Рамазан долго рассматривал рыхлое перо-пушинку с загадочным рисунком, напоминающим арабскую вязь.

У народов Туркестана, исповедующих ислам, с незапамятных времен существует культ священных животных. У казахов и киргизов духом-покровителем является филин. Своим уханьем по ночам он как бы предупреждает об опасности, а рисунки на его перьях будто содержат суры из корана, за что филина прозвали «птицей мудрости». Если кто ради забавы принесет птицу домой, казахи и киргизы выкупают ее и выпускают на волю. Если филин погибнет от рук браконьера или умрет от старости, они ощипывают его до последнего перышка и этими перьями, как талисманом, украшают головы детей. С древнейших времен киргизы и казахи считают, что в филина вселяется дух покойного отца.

Угрюмую глушь Манисая разбудил леденящий душу крик филина. Глянув в сторону небольшого озера, Рамазан увидел крупную птицу, летевшую с тяжелой добычей в когтях. Филин спешил на трубный зов своей подруги, сидевшей на выступе чернеющего вдали обрыва. Проследив за полетом пернатого хищника и заметив место, где он опустился, Рамазан направился туда.

Ступая по звериной тропе, проложенной хищниками среди обвалившихся известковых глыб, Акжал привезла Рамазана к отвесному чинку, возвышающемуся сорокаметровым уступом над мрачной долиной. Глянув в неглубокую нишу, он увидел в тени двух дремавших филинов, похожих на каменных идолов. Заслышав посторонние звуки, птицы ожили и тревожно завертели кошачьими головами, украшенными пучками перьев. У подножья чинка повсюду валялись черепа, кости птиц и грызунов, ссохшиеся шкурки ежей и крылья только что съеденной без остатка утки, которую филин добыл на рассвете в прибрежных камышах.

Рамазан решил поближе познакомиться с загадочными птицами. Заняв удобное и безопасное место для гнездовья еще с приходом весны, семья филинов внимательно рассматривала сверху спящих у подножья собак и верблюда. Рамазан похлопал в ладоши, и «крылатые волки», как метко окрестили филинов охотники за беспощадное истребление дичи, тяжело снялись с насиженного места. Взмахнув могучими крыльями, они, к немалому его удивлению, плавно опустились на голую полянку.

Отпустив верблюда попастись и сгорая от любопытства, Рамазан побежал на руках к спокойно сидевшим на открытом пятачке птицам. «Странно! — недоумевал он. — Почему они не улетают? Наверное, понимают, что я не причиню им вреда?» А те, уставившись на Рамазана большими оранжевыми глазищами, напыжились и, приняв угрожающую позу, будто говорили: «Попробуй подойди!»

Зная, что подобная встреча с осторожными птицами вряд ли повторится, Рамазан хотел понять причину их доверчивости, которая могла стоить им жизни. Он попытался приблизиться к птицам сзади и проверить, увидят ли они его на фоне яркого солнца. Когда до филинов оставалось всего ничего, они разом повернули кошачьи головы, вращающиеся будто на шарнирах, и, угрожающе щелкая круто загнутыми клювами, уставились на юношу. Присмотревшись к одной из птиц, Рамазан увидел торчавшую из клюва кость. Как бы в подтверждение догадки

филин пригнулся, вытянул шею и, только юноша протянул руку, чтобы помочь ему, выбросил изо рта трубчатую кость. Сделав несколько скачкообразных прыжков, филин остановился и снова вытянул шею.

Оказывается, филины, насытившиеся до отвала, были неспособны к длительному полету. Одна из птиц — та, что освободилась от погадок¹, взмахнула крыльями, низко полетела над водой и опустилась на противоположном берегу озера. Другая, так и не расставшаяся с излишками пищи, улучив момент, большими скачками поспешила укрыться от посторонних глаз в зарослях под обрывом.

Филины, как и все совиные, необыкновенно искусные охотники. Услышав в ночной тиши шорох или писк животного, птица снимается со своего наблюдательного поста и, направив когтистые лапы на звук, в крошечной темноте схватывает жертву без промаха.

Разобравшись со странным поведением филинов, Рамазан продолжил путь вдоль отвесной стены чинка, взметнувшегося местами в небо на 100 метров. Ему вслед еще долго неслись крики «ууб-бу, ууб-бу» этих птиц.

Позади остались полусухие русла Манисай и Шаган, оживляющие полупустыню небольшими зеркалами голубых озер с отражающимися в них живописными скалами-чинками с сидящими на карнизах и парящими в вышине стервятниками. Впереди отдельными серыми полями с заполненными снеговой водой низинами лежала солончаковая пустыня. Скопившаяся за первый месяц весны вода, как правило, в мае испаряется, от чего образуются растрескивающиеся такыры с близким залеганием грунтовых вод, где кочевники чаще всего роют колодцы.

Рассматривая в бинокль солончаковый участок равнины, Рамазан обратил внимание на одиноко стоявшую в низине группу деревьев. Свернув в сторону, он подъехал к еще голым карагачам, где увидел высокую ограду, сооруженную из кованого железа, с возвышающимся в центре металлическим надгробьем с полумесяцем, обращенным своим острием на восток. На прикрепленной к надгробью табличке были высечены слова: «Здесь 5 мая 1942 года во время рытья колодца погибли под обвалом отец и сын Бахиевы». Спустившись с верблюдицы, Рамазан вошел вовнутрь ограды и тщательно подобрал могилку.

¹ Поедая мясо жертвы вместе с мелкими костями и перьями, после переваривания птица отрыгивает их в виде комочков, называемых орнитологами погадками.

Два дня, обходя подтопленные низины, шла без остановки по белесой пустыне верблюдица. На неоглядных просторах останавливались покормиться и отдохнуть перелетные птицы.

Наблюдая в бинокль за стаей кормящихся на мелководье серых гусей, Рамазан увидел, как по небольшому склону, гонимые напором разгулявшегося ветра, катились колючие шары перекаати-поля. Достигнув затопленных низин, они с разбегу плюхались в воду, слегка покачиваясь на волнах. Первое время птицы настораживались, с опаской поглядывая на «колючих гостей», бесцеремонно вторгающихся в расположение стаи, но постепенно привыкли, и лишь вожак с гордо поднятой головой пристально всматривался вокруг.

Неожиданно, словно тень, промелькнула серая лисица-караганка. Стелясь по земле, чуть приметной ложиной она спустилась к подножью склона и, положив плутующую мордочку на передние лапы, замерла. Перед ней лежала нагая, ничем не прикрытая, ровная, как стол, солончаковая пустыня. До гусей было далеко, и лиса с вождением поглядывала на заманчивую добычу.

Ветер крепчал. Он с остервенением срывал белесую пыль, взметал ее ввысь и гнал волнами через пустыню на север. Из песков в солончаковую равнину катились вприпрыжку все новые и новые полки перестоявшей верблюжьей колючки. Один огромный, чуть приплюснутый шар перекаати-поля, с трудом переваливаясь с боку на бок, накатывался прямо на лису. Кумушка, видно, сообразив, что к чему, пропустила его через себя и... растворилась.

Оказывается, когда шар прошелся по лисе, долго не мешкая, она улучила момент, свернулась колесом и, не отставая ни на шаг, покатила через голову следом. Временами шар замедлял свое движение или замирал на месте. Лиса, распластавшись за надежным укрытием, навостряла уши и следила сквозь просветы в колючках за гусями. Налетевший порыв ветра снова срывал с места огромный шар перекаати-поля и гнал прямо на ничего не подозревавших птиц, разбредшихся по мелководу в поисках пищи. За ним следом, не отставая и не забегая вперед, с завидной настойчивостью добиваясь своей цели, подобно серой колючке катилась лисица. Наконец долгий и утомительный путь привел ее к воде, и она незаметно подобралась к гусям вплотную. Вожак, будто чувствуя надвигающуюся беду, пристально всматривался в подо-

зрительный шар. Рамазану казалось, что старый опытный гусь разгадает хитрый ход зверя, объявит тревогу и лисица останется ни с чем. Но гусь лишь посторонился, пропустив мимо растрепанный шар, с шумом вкатившийся в воду. Только перекасти-поле коснулось воды, как из-за него, словно стальная пружина, метнулась лиса и на глазах обезумевшей стан мертвой хваткой вцепилась в шею вожака. Тут поднялся переполох. Гуси шарахнулись в разные стороны, взбудоражили воду и с громким гоготаньем взмыли в спасительную синь. Вожак, пытаясь вырваться из зубов лисы, беспорядочно хлопал об воду крыльями, окатывая ее каскадами брызг. Но силы были неравными. Полузадушенный гусь в последний раз взмахнул ярко-красными лапками и навсегда затих. С трудом вытащив тяжелую добычу на берег, лиса встряхнулась, посмотрела по сторонам и, убедившись в безопасности, жадно припала к еще теплomu телу птицы. На воду, кружась, полетели подхваченные ветром пух и перья. Насытившись сладкой гусятиной, Патрикеевна оттащила остатки тушки подальше от воды и, выкопав в пухляке ямку, закопала их на будущее, не забыв оставить отпугивающую других зверей «визитную карточку». Довольная добычливой охотой, она не спеша потрусила по своим делам в сторону песчаной пустыни, маячившей вдали бугристыми барханами.

Достигнув песков, Рамазан отыскал самый высокий бархан и, поднявшись на его вершину, осмотрел пустыню Сам. В стороне от маршрута, над приземистыми барханами возвышался лесной массив. Лишь к вечеру добравшись до урочища Сам, юноша отыскал поросшую прошлогодней травой низину и, пустив верблюдицу пастись, занялся костром.

После ужина, за кружкой чая, в который уж раз Рамазан прошелся по предстоящему маршруту, нанесенному им на карту, и пришел к решению завтра же идти через пески, чего бы это ему не стоило. Его пугало лишь одно: как бы не заблудиться, не пойти по кругу среди бесконечных барханов. Лишь установившаяся погода давала возможность с помощью солнца и часов пройти напрямую через пески и выйти к границе солончаковой пустыни Жарынкудук.

Утром вместе с выкатившимся из-за барханов солнцем поднялся и Рамазан. Как всегда, поприветствовав светило, он навьючил верблюдицу и отправился в путь. Пройдя сквозь разреженный лес километров пять, резко повер-

нул на юго-восток и вышел на бескрайние просторы развешенных барханов.

Первое впечатление от мертвого однообразия было довольно удручающим. Но день ото дня продвигаясь вперед, Рамазан привык к унылому пейзажу. Пустыня была для него огромным существом, а он — всего лишь ее песчинкой, затерявшейся в море песка.

Рамазан ничего не знал о песчаной пустыне, а поэтому внимательно присматривался к ее повседневной жизни. В течение дня пески успевали несколько раз сменить свой цвет. Утром, вспыхнув под яркими лучами солнца, они становились красновато-желтыми, в полдень, под ярким рассеянным светом, — белесыми, вечером слегка затененные барханы, украшенные четкими узорами ветровой ряби, походили на полосатую шкуру тигра. Так в зависимости от расположения солнца на небосводе пустыня внушала то восторг, то ужас.

Ветер и дожди перестраивают и перекрашивают пески на всем огромном пространстве пустыни. Высокая температура и ничтожно малое количество осадков летом создают невыносимые условия для существования растительного и животного мира. Щедро пустыня лишь в разгар весны, когда склоны барханов и особенно межбарханные низины покрываются разноцветным ковром из душистых трав и цветов. Шел март, весна только-только заглянула в пустыню, и лишь на прогреваемых боках барханов появились первые ростки трав.

Среди вздыбленных барханов, где царила величественная тишина, Рамазан чувствовал себя как глухой среди волнующегося моря, взбудораженного штормовым ветром. Здесь не было дорог, селений, ничто не напоминало о людях и не было никаких ориентиров. В слове «пустыня» заложены понятия пустоты, небытия, безжизненности, но стоит присмотреться повнимательнее, и можно увидеть животных в «домашней» обстановке. Утром и особенно вечером на глаза Рамазану попадались мохноногие тушканчики, делающие полутораметровые прыжки, спешащие куда-то ежи, пегие землеройки с красивой серебристой шубкой и белыми пятнами на спине, южнорусские тарантулы, желтые скорпионы, прячущиеся на расвете под палатку.

Днем чаще всего встречались зайцы, иногда корсаки и лисы, спешившие уступить дорогу путешественнику с его грозными собаками.

В обширных низинах с твердой почвой вели колони-

альную жизнь большие песчанки, местами у своих нор сидели и свистели на всю пустыню выбравшиеся из зимнего заточения на солнышко желтые суслики.

Здесь, в глуши, лишь изредка казахи, ведущие кочевой образ жизни, нарушают своим присутствием гармонию пустыни. Для поддержания в юрте тепла зимой и приготовления пищи они, наряду с сухостоем, вынуждены рубить молодые низкорослые деревца и кустарники, оголяя тем самым пески.

Пустыня Сам, царство сыпучих барханов, не была для кочевников-скотоводов непреодолимой преградой благодаря близкому залеганию грунтовых вод в глубоких межбарханных котловинах. В них Рамазан встречал порой старые заброшенные колодцы с испорченной водой на глубине двух-трех метров.

В былые времена, когда кочевники-скотоводы процветали, между колодцами были проложены приметные тропы. С появлением колхозов и совхозов скот у кочевников отобрали, движение на этих тропах, по которым раньше перегоняли скот, заглохло, и они под натиском движущихся песков исчезли. На одном из уцелевших колодцев Рамазан обнаружил розовую тамгу-герб, на которой было указано время пути до ближайшего источника.

Холодные утренники с дующим в лицо ветром страшно досаждали Рамазану. Лишь к полудню ветер успокаивался и наступало затишье. Временами среди развеянных барханов зарождались и росли ввысь столбы пыли и, пройдясь по гребням, гасли и снова появлялись в другом месте. Предвестники надвигающейся бури — вихри — заставляли подумать о временном укрытии.

Во второй половине дня заволокло солнце и померк небосвод. Мутная мгла с вздымающимися к небу бурными столбами пыли со скоростью курьерского поезда настигла путешественников. От налетевших порывов ветра запели, ударяясь песчинкой о песчинку, обнаженные вершины барханов. Темная пелена из бурой пыли, стремительно катившаяся по пустыне, словно занавесом, быстро затягивала небо и неслась неведомо куда. Рамазан уже никого и ничего не видел. Лишь слепая преданность животных своему хозяину заставляла их идти за ним. От обрушившейся на пустыню пыльной бури стало темно и на вытянутой руке нельзя было сосчитать пальцев. Рамазан решил остановиться и переждать непогоду. Быстро положив по команде Акжал с подветренной стороны бархана, вместе с четвероногими друзьями укрылся подле нее. Во время

пыльных бурь особые мышцы у верблюда замыкают ноздри, а глаза прикрываются густыми и длинными ресницами, что облегчает участь животного.

Не затихая ни на минуту, бушует и ревет над пустыней Сам ветер. Он срывает с поверхности барханов пыль и песок и, взметнув ввысь, гонит гигантскими волнами над бескрайними просторами. Все смешалось в бешено несущемся хаосе, и не понять, где земля, а где небо. Пыль проникает повсюду: она поскрипывает на зубах, оседает в горле, щекочет в носу, от чего становится трудно дышать. Все мелкие животные попрятались в норы или просто зарылись в песок.

К вечеру буря улеглась и, будто извиняясь за свой необузданный нрав, натащила за собой туч, решив смыть вину коротким проливным дождем. Из-за туч выглянуло уходящее на закат солнце и, пройдясь яркими лучами по серебряным нитям дождя, скатилось за горизонт.

На следующее утро пустыня предстала перед Рамазаном совершенно в другом — обновленном виде. Пронесшаяся вчера буря и прошумевший следом за ней дождь изменили форму барханов и заострили и без того остроконечные гребни, переместив с места на место не поддающуюся учету массу песка.

Благодаря могучей силе ветра, пронесшегося над пустыней, на поверхности барханов исчезла пыль. Межбарханские долины были выметены до блеска. И все это благодаря простирающимся вокруг пустыни Сам солончакам и такырам, которые всегда остаются влажными. Они втягивают в себя пыль из воздуха и прочно удерживают ее. Скапливающаяся на их поверхности пыль образует толстый слой лёсса, на котором растут солянки, с удовольствием поедаемые зимой овцами.

На выходе из пустыни Сам перед Рамазаном пролегла солончаковая пустыня Жарынкудук со сверкающими под солнцем неглубокими чашами, наполненными до краев снеговой водой. Глядя на них, он вспомнил, что вот уже почти две недели Акжал не пила воды, питаясь все это время сухими прошлогодними колючками. Отсутствие воды не вызывало у верблюдицы особого беспокойства, хотя она заметно похудела, о чем говорили опавшие горбы, еще недавно налитые жиром, а теперь ставшие похожими на жалкие кочки. Почувяв запах воды, Акжал прибавила шагу и, быстро миновав барханные пески, вышла на твердь солончаковой пустыни.

В длительных переходах через безводные пустыни

верблюд может обойтись без воды 2—3 недели, теряя в весе до 30%. «Высохнув» на 200—300 килограммов, он не умирает от обезвоживания организма, так как отложенный в горбах жир, постепенно окисляясь, выделяет необходимое количество воды для поддержания нормальной жизнедеятельности. Человек в подобной ситуации, потеряв всего 12% от своего веса, погибает.

Выбрав сухой бугорок, Рамазан развьючил верблюдицу и отпустил ее на озеро утолить жажду. Дорвавшись до воды, Акжал выпила за один присест 12—13 ведер солончатой воды и всего за несколько дней вернула свой прежний вес. В песках Сам Рамазана и его друзей мучила жажда, которую они временами гасили водой из бурдюка, но хвороста для костра было предостаточно. Здесь же, в солончаковой пустыне, где повсюду была вода, о горячем ужине не могло быть и речи. Насколько хватало глаз, повсюду лежала совершенно голая солончаковая пустыня с редкими пятнами жалкой растительности, налитой соленой водой. Еле приметные солянки: кара-барак, биюргун, сарсазан и серая полынь — были настолько низкорослыми, что их просто нельзя было наломать и тем более запалить жаркий костер. Расположившись на брезенте и уложив рядом с собой Хобду, Рамазан забрался в спальный мешок и быстро заснул сном праведника. Борзые не раз вскакивали со своих мест и с громким лаем уносились в темную ночь. Кто-то из хищников, рыскавших в поисках поживы, пытался приблизиться к бивуаку, но всякий раз собаки отгоняли его.

Наступило утро, и первые блики розового рассвета озарили пустыню с ее полями-проплешинами из светлосерых солончаков. Под лучами поднимающегося солнца, словно осколки от разбитого зеркала, повсюду сверкали наполненные снеговой водой низины.

Рамазан осмотрел в бинокль пустыню и, не увидев ничего интересного, отправился дальше. В пути часто встречались труднопроходимые пухляки, покрытые нежными кристалликами выпарившейся соли, напоминавшими своей белизной толстый налет инея. При малейшем прикосновении собачьих лап тонкая корка из затвердевшей соли с треском рассыпалась, оставляя позади себя вьющийся ручеек из едкой пыли. Порой путь преграждали мокрые солончаки, состоящие из жидкой соленой грязи, на которой у верблюда, «обутого» в широкие башмаки, ноги разъезжались в разные стороны. Изредка попадались прямые, как стрелы, и ровные, как стол,

созданные изобретательной природой «взлетные» полосы, уходящие далеко за горизонт.

С приближением к границе плато Устюрт растительность становилась разнообразнее. Появились новые виды трав: боялыш, кырбогуш, кейреук, эбелек и небольшие кустики черного саксаула. Значительно реже встречались мелеющие на глазах озера-блюдца. Некоторые из них еще до наступления жары высохли и покрылись плотной коркой из соли, принимавшей серый, белый, а порой и розовый оттенок. Чтобы удовлетворить солевой голод, сюда приходят сайгаки, джейраны, их посещали вымершие в прошлом веке куланы. Рамазану не раз приходилось объезжать огромные «волчьи ямы», искусно прикрытые белевой или желтоватой пленкой, под которой, пузырясь, дышала зыбкая грязь, — естественная ловушка, которую не может благополучно преодолеть ни человек, ни зверь.

День за днем продвигаясь на юго-восток, Рамазан незаметно вторгся в пределы щебенисто-гипсовой пустыни плато Устюрт. Представшая перед ним равнина с серобурыми почвами, где большие расстояния скрадывались незначительными колебаниями высот, открывала путь вторжению холодных воздушных масс зимой и обжигающих зноем — летом. Здесь гораздо реже встречались наполненные снеговой и дождевой водой низины, которые к началу лета полностью испаряются, покрывая растрескивающееся дно разноцветными водорослями.

Продвигаясь в глубь плато Устюрт, Рамазан обратил внимание на странное поведение животных. Перезимовавшие на островах и в мелких лагунах Каспийского моря вереницы лебедей-кликунов и станицы серых гусей, летевших утром с юго-запада на озера северного Казахстана, вдруг резко изменили направление на юго-восток, в сторону Аральского моря. Предвидя надвигающееся ненастье, птицы, ведомые вожаками, облетали стороной вторгшийся на Устюрт холодный циклон. Просматривая в бинокль горизонт, Рамазан увидел, как по его гребню в том же направлении катился гривастыми волнами бесконечный поток бегущих сайгаков. Встревожившись не на шутку, он погнал галопом Акжал вслед за антилопами, оставившими после себя лишь густое облако буро-желтой пыли. Но куда убежишь от стремительно налетевшего шквального ветра, принесшего с собой первые хлопья снега...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Белое безмолвие. В ледяном плену. «Обложили!». Гибель четвероногих друзей. В западне. В когтях смерти

Темно-синяя туча, быстро надвигавшаяся на плато Устюрт с подветренной стороны, неожиданно разродилась обильным снегопадом. За мутной завесой разыгравшейся не на шутку метели ничего нельзя было разобрать, и Рамазан вынужден был прервать путешествие в надежде переждать внезапно обрушившееся на пустыню ненастье. Под защитой опустившейся на снег Акжал он быстро установил палатку и, спасаясь от снежных зарядов, забрался вовнутрь. Всю вторую половину дня бесновалась пурга, укрыв к вечеру землю мягким пушистым ковром. На пустыню быстро опустились молочно-серые сумерки, не обещая погожего дня и на завтра...

Не успел разгореться рассвет, как Устюрт заволокло пеленой тумана, и нельзя было понять, где север, а где юг. Отпустив Акжал на длинном аркане попасться, Рамазан достал запас провизии, бросил борзым и волчице по куску сушеного мяса, сам же ограничился двумя горстями из неприкосновенного запаса. К вечеру туман рассеялся и на смену ему с Атлантики пришел теплый муссон, сопровождаемый мелким дождем. К утру подтаявший снег заметно осел, появились обширные проталины. Во второй половине дня ветер резко изменил направление и принес с собой холодный циклон, быстро вытеснивший теплые воздушные массы. Так значительное потепление, сопровождавшееся нудным дождем, постепенно сменилось резким похолоданием с падением ночью температуры до минус шестнадцати. К утру обледеневшая трава заблестела инеем, покрыв Устюрт зимним нарядом.

Утром скованная ледяным панцирем пустыня представляла собой гигантский каток. Каждая былинка превратилась в сосульку. Под порывами ветра они ударялись друг о друга, и по Устюрту далеко разносился мелодичный перезвон серебряных колокольчиков, извещавших обитателей пустыни о наступлении жестокого джута¹. Из-за длительного гололеда, который бывает на Устюрте через каждые 7—10 лет, от бескормицы гибнет масса местных зерноядных птиц, травоядных животных, при

¹ Джут — время бескормицы для животных, когда землю сковывает ледяным панцирем.

нападении волчьих стай ломают ноги сайгаки и джейраны. Спасаясь от надвигающейся бескормицы, большие стада сайгаков покидают скованную ледяной коркой каменную пустыню и устремляются в дельту Амударьи, где всегда достаточно корма, да и мороз намного слабее. О продолжении путешествия по льду с предательски торчащими острыми шипами-сталагмитами не могло быть и речи. Акжал могла легко пропороть мозолистые ступни и надолго потерять способность двигаться.

Посматривая из палатки на затянутый морозной мглой небосвод, Рамазан еще надеялся, что к полудню туман рассеется, проглянет солнце и растопит лед, а там можно будет трогаться в путь. Но миновал серый с жестоким для марта морозом день, и вместо ожидаемого потепления со стороны Аральского моря подул ледяной ветер. Рамазану не хотелось выбираться из спального мешка наружу, да это было и ни к чему, так как из обледеневшей травы костер не раздуешь, а значит, не вскипятишь даже чая.

Шел пятый день ненастья. Мороз, сковавший льдом пустыню, и не думал отпускать ее из своих цепких объятий, и Рамазану ничего не оставалось, как ждать оттепели.

Морозной ночью, вспоров дремотную тишину ледяной пустыни, раздался заунывный вой волка. Ему тонким фальцетом ответила Хобда, которую поддержал недружный хор бродячих волков, рыскавших в поисках поживы. Теперь, когда рядом не было грозы волков Тарлана, с которым и борзые были силой, Рамазан опасался большой беды.

Юноша выбрался наружу, как только рассвело, и первое, что он увидел, были волки, окружившие палатку. По их сильно провалившимся бокам (а волков он насчитал одиннадцать) догадался, что они давно ничего не ели. Поглаживая по шее спокойно лежавшую у палатки Акжал, Рамазан глянул туда, куда с остервенелым лаем устремились борзые, и увидел еще двух волков, легкой трусцой бегущих к бивуаку. «Обложили!» — с тяжелым вздохом проронил юноша. Теперь надо было подумать, как первым напасть на обнаглевших волков.

На плато Устюрт волк не встречает никакого сопротивления и, пользуясь безнаказанностью, теряет страх перед человеком. Кроме того, после зимних свадеб в марте у волков начался распад семей. Взрослые хищники образовали пары, молодые же, сбившись в стаи под предводительством старого и опытного вожака-холостяка, ухो-

дили из центральной части Устюрта. Летом здесь негде утолить жажду, а поэтому они спешили вернуться в свои исконные места обитания, нападая попутно на все, что могло служить им пищей.

Рамазан впервые почувствовал себя неуютно. «Да, вот когда бы пригодилось ружье», — подумал он. Но вера в себя придавала ему силы. Он обязательно выиграет сражение с волками, лишь бы не подвела Акжал. И Рамазан принял решение немедленно начать неравный бой.

Юноша не раз убеждался в том, что волк труслив и боится смело идущего на него человека. Как правило, он не нападает первым и лишь раненый может постоять за себя. Решив воспользоваться внезапностью, Рамазан сел на Акжал и, с пикой наизготовку, помчался вслед за борзыми, смело бросившимися на волков.

Верховодившая стаей старая волчица слегка повела хвостом, дав таким образом команду, кому, где и как занять место в предстоящей схватке. Волки разделились на четыре группы. Одна из них, увлекая за собой зверогонов, изображала «паническое бегство», две другие, разбежавшись в разные стороны, пропустили залившихся громким лаем борзых, а затем бросились вслед за ними. Не разгадав хитрого маневра зверей, увлеченные гонимыми собаками оказались отрезанными. Они кидались то в одну, то в другую сторону, но отовсюду им навстречу бежали волки. Вся серая масса хищников с ожесточенной яростью набросилась на борзых. Сбившись в один большой крутящийся клубок, волки и собаки принялись рвать друг друга. Подоспев к разгару бойни, меткими ударами пикой Рамазан беспощадно поражал одного за другим убийц его любимых красноглов. Над растерзанными борзыми и убитыми Рамазаном волками начался пир голодной стаи. Слепленные кровью и спешившие утолить мучивший их голод, звери мощными клыками рвали на части еще бьющиеся в предсмертной агонии тела.

Рамазан пытался поразить пикой изворотливую волчицу, намеревавшуюся вцепиться в самые уязвимые места верблудицы. От страха Акжал грозно редела, вертела головой из стороны в сторону, щелкала зубами, пытаясь схватить и растоптать обезумевшего от крови зверя. Чувствуя силу и расторопность крупного животного, волчица не решалась напасть на него сразу, а выжидала удобного момента. Ловко увернувшись от смертельного удара копытом, она вцепилась в заднюю ногу Акжал и перекусила сухожилие выше коленного сустава. Взревев от боли и

сильно припадая на поврежденную ногу, верблюдица принялась кружить на одном месте. Сбиваемые с кустиков льдинки набились ей под мозолистые подушки, и ставшие и без того неустойчивыми ноги потеряли опору, разъехались в разные стороны, и Акжал рухнула всей тяжестью на лед. Рамазан не удержался в седле и ударился головой об лед, отчего перед глазами поплыли оранжевые круги. Быстро придя в себя, он нашел свою пику и бросился на выручку лежавшей на боку Акжал, которую с остервенением уже рвала волчица.

Подобравшегося к ней вплотную человека та увидела лишь в последний момент. Сильным взмахом руки Рамазан метнул пику и точным ударом поразил волчицу. Потеряв жоака, оставшиеся в живых волки под натиском разгоряченного схваткой охотника, клацая зубами от злости, убежали прочь.

Пытаясь поднять Акжал, Рамазан дергал ее за носовой поводок, но тщетно. Он понял, что животное обречено на медленную и мучительную смерть, и облегчить его страдания он просто не в силах. Акжал тоже чувствовала, что ей никто и ничто уже не поможет, отрешенно смотрела вдаль и тихо постанывала. Порой она тянулась к своему доброму и ласковому хозяину, пытаясь лизнуть шершавым языком его залитое слезами лицо. Видя, как Акжал тает на глазах, Рамазан впервые испытал чувство безысходности.

Погас серый день, и для Рамазана наступила тяжелая ночь. Морозную тишину по-прежнему пронизывали вздохи умирающей верблюдицы. Ее дыхание стало прерывистым и тяжелым, тело заметно обмякло. Лишь на рассвете, привалившись спиной к плечу Акжал, Рамазан задремал. Сквозь короткое забытие он почувствовал, как по всему телу верблюдицы пробежала дрожь. Посмотрев на нее, Рамазан увидел, как в ее глазах на миг зажглось пламя и навсегда погасло. Не стало Акжал, самого выносливого и надежного друга, без которого каменная пустыня плато Устюрт представлялась юному путешественнику непреодолимой.

Во время схватки Рамазана с волками Хобда спокойно сидела у палатки и лишь внимательно наблюдала за происходящим. Будто оплакивая погибших Актыс и Актарнак, вскормивших ее и научивших самостоятельно добывать пищу, она временами тоскливо выла.

В голове Рамазана, как в калейдоскопе, лихорадочно сменялись разные варианты спасения. Сперва он решил

лод слегка покусывал безжизненные ноги Рамазана. Быстро увязав поклажу, он поднял шлейку, намереваясь одеть ее на Хобду, но той под руками не оказалось.

— Сбежала, плутовка, бросила на произвол судьбы своего хозяина! — в сердцах проговорил Рамазан и швырнул на лед ставшую не нужной шлейку.

Прильнув к окулярам бинокля, он внимательно всматривался туда, куда так настойчиво тянула нос Хобда, но кроме обычной картины ничего не увидел. Утренний мороз с обжигающим лицо ветром подстегивал его, заставляя двигаться вперед, но уже не на юго-восток, а на северо-восток, куда, словно флюгер, указывала чутким носом исчезнувшая ночью Хобда. «Возможно, там, за горизонтом, есть единственный на всю округу колодец, а возле него кто-то живет?» — уцепившись за тонкую ниточку надежды, успокаивал себя Рамазан.

Поднявшийся ночью ветер разогнал тучи, и над горизонтом всплыл долгожданный шар солнца, обрамленный в зловещие цвета, внешне напоминающие радугу. Привязав к поясному ремню конец от саней, Рамазан потащил легко скользящие по льду костяные санки. Временами цепляясь за обледеневшие кустики кейреука, они закоривались, заставляя его возвращаться и вытаскивать их на чистый лед. Поняв, что таким путем не пройти за день и десяти километров, Рамазан решил продолжить путь другим способом. Усевшись попрочнее на санки и упершись пикой в лед, он оттолкнулся резким движением рук и послал их далеко вперед. Окрыленный удачно выбранным способом передвижения, он быстро согрелся и даже вспотел. Лишь лицо, обжигаемое встречным ветром, чувствовало себя неуютно. Остановив уже в который раз санки, Рамазан провел рукой по сильно покалывающим щекам, носу, шее и не почувствовал прикосновения теплых рук. Сняв рукавичку и вывернув ее наружу мехом, принялся растирать отмороженные места. Чувствуя, что лицо уже ничем не спасешь, взялся за пику и быстрыми взмахами погнал костяные санки вслед убегающей линии горизонта, на гребне которого замаячила небольшая возвышенность.

Наступила ночь. Об остановке на отдых Рамазан и не помышлял, зная, что если он остановится, то обязательно заснет, а мороз с ветром сделают свое черное дело — убаюкают его навсегда. Но куда спрячешься в ледяной пустыне от пронизывающего морозного ветра, ударяющего в лицо со страшной силой? Чтобы не дать

телу застыть, Рамазан продолжал двигаться на северо-восток. Он рассчитал, что за долгую зимнюю ночь продвинется далеко вперед и к утру доберется до поманившей его днем возвышенности. С ее вершины он надеялся осмотреть далеко простирающуюся равнину и увидеть хотя бы мало-мальские признаки человеческого жилья. Тогда он спасен. Если же нет, то всему, что он задумал, не суждено свершиться.

Еще задолго до наступления джута, вступив в пределы северной части плато Устюрт, Рамазан встречал на своем пути как мелкие блюдцеобразные понижения, так и карстового происхождения западины, котловины, воронки и неглубокие провалы с уходящими в разные стороны щелями-пещерами. Глубокой ночью, несмотря на праздничную россыпь звезд и четко вырисовывающуюся луну, уставший до изнеможения Рамазан недоглядел. Вместе с санками он угодил в один из неглубоких провалов, больно ударившись спиной о гипсовый выступ.

Умиротворенная тишина, в отличие от свистящего наверху колючего ветра, быстро расположила Рамазана к отдыху. Предательская дремота, словно морская волна, подкралась к нему и накрыла вечным сном. Он отчетливо видел, как перед ним поднялся занавес, открыв чудесный и далекий мир с удивительными картинками весны. По всему телу разливалось тепло, и он, радуясь весне, шел по ярко расцвеченному лугу с распевающими над головой разноцветными жаворонками, кувыркающимися в воздухе чибисами. Навстречу ему шли рука об руку улыбающаяся мать и вернувшийся с фронта отец. Находясь на грани бытия, Рамазан вздрогнул от головы до пят и открыл глаза. В мозгу исчезла грань между явью и сном.

— Где я теперь? В реальной жизни или в загробном мире? — с трудом шевеля окаменевшими губами, прошептал он и подумал: «Если я сейчас не возьму себя в руки, то снова засну и ветер споет надо мной прощальную песню».

С трудом выпрямив скрюченное морозом тело, мобилизовав все свои резервы, дремавшие в обыденной жизни и проявившиеся лишь в экстремальной ситуации, Рамазан выбрался из провала и поднял наверх санки с кладью. И снова, опираясь о лед острием копыя, он продолжил путь.

Если бы кому из людей удалось увидеть со стороны движущуюся по льду на костяных санках сгорбленную от стужи фигурку с еще теплящейся внутри жизнью, он

невольно задал бы себе вопрос: «Что ему нужно, что ищет этот маленький человек, затерянный в огромном ледяном пространстве?» Что помогало Рамазану бороться даже в этих немислимых условиях, где шанс на успех был всего лишь один из тысячи?

Без сна, подгоняемый морозным ветром, Рамазан отчетно продолжал двигаться на северо-восток, куда так настойчиво указывала своим чутким носом волчица Хобда. Временами, остановив бег настигающей его смерти, он принимался изо всех сил растирать, щипать окаменевшие щеки, шею, пытаясь таким образом вызвать боль, но все было напрасно. Мороз и пронизывающий все тело ветер, словно ненасытные стервятники, овладевали своей добычей, все глубже запускали в нее когти. Проникший во все поры тела мороз сковывал движения, леденил кровь, одеревеневшие пальцы плохо слушались. Все говорило о том, что мороз вкупе с ветром готовятся завершить свое страшное дело. Движение по льду с каждым часом ослабевало, и вскоре санки замерли, коченеющее тело сжалось в комок, последняя скатившаяся слеза застыла на выбеленных морозом щеках. С трудом воздев к небу руки, Рамазан едва слышно прошептал:

— О, великая Мать-Природа¹, пощади меня, дай силы выбраться из ледяных объятий каменной пустыни!

Постепенно роняя голову на грудь, он в последний раз глянул угасающим взором на ледяную пустыню и невольно вздрогнул, увидев россыпь «золотых» верблюжьих орешков. При виде «драгоценной» находки у него ожили глаза, по всему телу пробежал огонь возвращающейся жизни. Разбив пикой лед, он поднял смерзшийся орешек и сдавил его между одеревеневших пальцев. К неописуемой радости Рамазана орешек не рассыпался из-за давности, а легко сплюснулся. «Выходит, орешек свежий, а это значит, что до наступления джута здесь паслись верблюды! Где-то тут недалеко есть жилье зазимовавших кочевников!» — и, воспрянув духом, он оттолкнулся пикой об лед.

¹ В частом общении с природой 13-ти лет от роду Рамазан пришел к выводу, что Бог — это Природа. Она сотворила жизнь на земле, значит, жива и разумна. Он считал большим грехом перед Матерью-Природой сорвать цветок, не давший семян, плюнуть на землю. И в этом он был не одинок. Великий голландский философ-материалист Спиноза Барух (1632—1677) отвергал Бога как творца Природы, считая, что сама Природа есть Бог, причина самой себя, существования и сущности всех вещей, и все, что совершается в Природе, — необходимость. Борис Пастернак также утверждал, что присутствие Бога в чистом виде мы ощущаем во всем: дождь-Бог, ласточка-Бог, роща-Бог, река-Бог.

Медленно продвигаясь вперед, почти в полубессознательном состоянии, Рамазан бессвязно разговаривал сам с собой.

Мысли вслух у здоровых людей наблюдаются не только в условиях полной изоляции, но и в момент, когда они сталкиваются с серьезными трудностями и опасностями и вызваны потребностью получить поддержку извне. В подсознании Рамазана до последней минуты теплился тайный лучик надежды на спасение. Он вселял в него силу, заставлял снова и снова браться за пику и, вонзая ее в лед, двигаться вперед.

Постепенно санки замедлили ход и, описав на льду несколько замысловатых виражей, уперлись в ледяную глыбу и встали. Дыхание у Рамазана замедлилось. Перед его глазами сверкающая под солнцем ледяная пустыня стала медленно погружаться в темноту. Наступил предсмертный сон, который должен был перейти в «потустороннюю жизнь». По всему коченеющему телу пробежал трепет, и Рамазан в последний раз приоткрыл налившиеся свинцовой тяжестью веки. С наступлением смерти у него открылось «внутреннее зрение», то есть то самое всевидящее око, которое находится чуть выше переносицы. Зрение стало невероятно острым, предметы как бы приблизились, а потом снова все начало отодвигаться и расплываться в потоке мироздания. В этот момент в Рамазане что-то надломилось, и он приоткрыл глаза. Он попытался что-то сказать, но мороз сковал его губы, и он не смог произнести ни слова. Сквозь пелену тумана, застилавшего глаза, Рамазан увидел перед собой виновато вилявшую хвостом беглянку Хобду и верблюда-дромадера с сидящим на нем «утопленником» дядей Асаном. И он подумал, что уже умер и живет в другом мире...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

**Возвращение с того света. Встреча с дядей Асаном.
Аркал-драчун. Жизнь на зимовье в Центральном Устьюрте**

Все, что увидел Рамазан в последний миг перед смертью, было не потусторонним видением, а явью. Через полчаса он уже сидел в протопленной коровьими «лепешками» юрте, совершенно не ощущая тепла, так как

все еще находился в полубессознательном состоянии. Переохлажденное тело, температура которого упала до +24, начинало просыпаться. Оцепеневшие от переохлаждения клетки, почувствовав тепло, начали постепенно восстанавливаться и тысячами игл вонзались в его тело, прожигая суставы. Он невольно застонал.

Возившаяся у очага красивая и статная казашка растелила перед Рамазаном дастархан и поставила на него поднос из желтой меди, наполненный жирными кусками баранины. Приветливо улыбнувшись, она предложила ему подкрепиться с мороза. Не в состоянии даже прикоснуться к пище, так необходимой истощенному за последние дни организму, Рамазан с трудом покачал головой из сторону в сторону и инстинктивно отодвинулся подальше от пышущего жаром очага.

Первыми стали отходить окоченевшие костяшки пальцев. Чтобы заглушить сильную боль, юноша пытался сжимать и разжимать пальцы рук, но облегчения не наступало. Не выдержав пытки, он решился попросить хозяйку налить в чугунок холодной воды, но как ни старался, так и не смог вымолвить ни слова: сведенные судорогой губы не слушались. Мыча и показывая рукой то на ведро с водой, то на чугунок, в конце концов он сумел объяснить, чего хочет. Опустив обмороженные кисти рук в ледяную воду, Рамазан почувствовал некоторое облегчение. В глубине оттаивающей души появилось сначала слабое, а затем все возрастающее конвульсивное подергивание тела. Потом появилась мелкая дрожь. Сердце работало со скоростью до 250 ударов в минуту, и казалось, готово было взорваться. Упершись ногами в пол, а спиной — в каркас юрты, Рамазан пытался погасить в себе дрожь. В этот переломный момент, когда сердце вступило в жестокую борьбу за жизнь, он походил на лук с туго натянутой тетивой, которая, если не отпустить, сию же секунду лопнет.

Подобное состояние, связанное с сильным переохлаждением тела, Рамазану как-то довелось наблюдать ранней весной у желтого суслика. Обнаружив в степи нору, расположенную ниже наполненной снеговой водой низины, он прокопал к ней канавку, и ледяной ручеек с журчаньем устремился в ее устье. Нора еще не наполнилась водой, как изнутри донеслись возня и чиханье и вскоре показалась перепуганная мордочка зверька. Схватив за шею двумя пальцами совершенно не сопротивлявшегося суслика, еще находящегося в состоянии анабиоза,

за¹, Рамазан поспешил с ним на берег Илека. Набрав сушняку и запалив костер, он положил мокрого зверька возле огня. Ему не терпелось поскорее высушить золотисто-рыжую шубку грызуна, рассмотреть его вблизи, а затем отпустить. По мере высыхания шелковистого меха и согревания тела у суслика началась мелкая, а потом сильная дрожь. Не в силах устоять на подрагивающих ногах, он лег на траву. Внезапно у зверька из носа, рта и ушей хлынула кровь. Его сердце не выдержало, он вытянулся во всю длину и затих. Боясь такой же участи, Рамазан как можно дальше отодвинулся от очага.

В подобных ситуациях сильное воздействие на человека оказывает чувство страха: оно затормаживает сознание, сковывает движения, отчего дыхание начинает задерживаться, а сердце — работать на пределе. Человек, потерявший над собой контроль, впадает в отчаяние и становится беспомощным. В итоге психика не выдерживает колоссальных нагрузок и он погибает.

Обладая большой силой воли, необыкновенной физической закалкой, смелостью и выносливостью, Рамазан вырвался из цепких объятий смерти. Хотя немалую роль в этом сыграла и его воспитанница Хобда, проявившая звериную мудрость и сумевшая привести к гибнущему хозяину его спасителя. Рамазана ни на минуту не покидало самообладание, и он с честью вышел из тяжелейшего испытания, а наградой за мужество была неожиданная встреча с «покойным» дядей Асаном.

Постепенно дрожь стала стихать и вскоре совсем прекратилась. Температура тела поднялась до нормальной, а от сильного перенапряжения он весь покрылся холодным потом. Только сейчас Рамазан почувствовал, что в продуваемой юрте не так уж тепло. Возможно, это помогло ему без серьезных осложнений перенести кризис и вернуться с того света.

Бросив взгляд на дастархан с остывшей бараниной, Рамазан вспомнил, что в последние дни ничего не брал в рот. Голод заставил его разломить толстую и необыкновенно тяжелую лепешку, испеченную в походном тандыре

¹ Суслики, медведи, сурки и барсуки, спасаясь не столько от холода, сколько от голода, научились засыпать на все неблагоприятное время года в норах и берлогах, свернувшись в клубок. Во время сиячки жизнедеятельность у этих животных замирает. Температура с +38 падает до +6 — +8, и они становятся почти холодными. Количество ударов сердца резко уменьшается, а частота дыхания сокращается до одного вдоха и выдоха в минуту. Ученые-медики утверждают, что периодическое погружение человека в анабиоз увеличивает продолжительность жизни.

из джугары, и взять еще подрагивающей рукой кусок мяса.

Управившись по хозяйству во дворе, в юрту вбежал радостный Асан. Увидев, с каким проворством племянник поглощает баранину, он не стал задавать ему поднакопившихся за годы разлуки вопросов и решил подождать, пока тот не отойдет от пережитого потрясения и не заговорит сам.

От обильной и сытной пищи, а также бессонных ночей Рамазана все больше и больше клонило ко сну. С трудом управившись с последним куском мяса, он уронил потяжелевшую голову на угодливо подложенную хозяйкой подушку и крепко заснул.

Глубокий сон, так необходимый для восстановления сил, растянулся на добрые сутки. Проснулся Рамазан на другой день и никак не мог понять, где находится. Увидев знакомое лицо хозяйки, кормившей годовалого ребенка, а рядом с ними счастливо улыбающегося дядю Асана, Рамазан понял, что находится в его доме, а сам он цел и невредим. Несколько оправившись от нахлынувшей радости за дядю, сумевшего все-таки добиться выстраданного счастья, робко спросил:

— Кто эта добрая женщина с ребенком?

— Та самая Айнакуль, о которой я говорил тебе в день нашей разлуки! — с суровой нежностью степняка ответил Асан.

— Денежные переводы в Тамаруткуль на имя дедушки посылает она? — стора от нетерпенья, спросил Рамазан дядю и, уловив кивок, несказанно обрадовался разгадке.

— Когда на Устюрт приходит осень, а с ней долгожданные дожди, — вступил в разговор Асан, — я сажусь на верблюда и гоню часть готового на продажу скота на кунградский базар. На вырученные от продажи деньги закупаю необходимые продукты, одежду, инвентарь, заезжаю на почту и от имени Айнакуль посылаю отцу перевод. А почему так поступаю, ты сам хорошо знаешь, — и, помолчав, спросил: — Как они там, живы-здоровы?

— Когда уезжал, были здоровы. Зимой я посылал им деньги, заработанные охотой на волков и лис, но ответа не дождался, уехал, — ответил Рамазан со вздохом.

В разговоре с дядей Рамазан машинально взялся всей пятерней за пышущее жаром лицо и, будто маску, снял со щек, носа и подбородка обмороженную кожу. Лицо, ставшее похожим на отбивную котлету, не на шутку встрево-

жило юношу. При температуре минус пятнадцать и ниже обмороженное лицо будет давать о себе знать всю жизнь.

Увидев, что произошло с лицом племянника, Айнакуль сокрушенно покачала головой, достала из походного сундучка бутылку с пеликаньим жиром и принялась тщательно смазывать им обнаженные места, по-матерински приговаривая:

— Не расстраивайся, сынок, новая кожа у тебя быстро нарастет, и следов на лице не останется! — как могла, успокаивала она приунывшего путешественника.

— Крепко же «расцеловал» тебя батюшка-Устюрт! — подшучивал Асан, радуясь, что племянник сумел выкарабкаться, и добавил: — Теперь ты у него любимый сын, а он как отец поможет тебе пройти вторую половину пути по своим просторам.

— Если бы не ты, дядя, быть бы мне сейчас ледышкой! — сказал со вздохом Рамазан.

— От верной смерти спас тебя не я, а твоя молодая волчица. Вон она из-за тюка шерсти выглядывает! — кивнул Асан в сторону зверя, не сводившего с хозяина преданных глаз.

— Хобда, ко мне! — позвал затаившуюся волчицу Рамазан.

Сорвавшись с места, она стремительно подбежала к нему и, улыбнувшись легким помахиванием хвоста, ткнулась лобастой головой в ласковые руки.

В тот счастливый для нас обоих день утром меня разбудил громкий лай наших волкодавов, — начал свой рассказ Асан. — Когда лай собак прекратился, я услышал вой волка-одиночки, который заставил меня выйти из юрты. Смотрю и вижу, как над заледеневшей пустыней поднимается солнце, а под ним сидит на бугре волк и воет. Чувствуя свою силу, стая волкодавов смело бросилась в его сторону, но хитрый зверь не убежал от них в пустыню, а принялся водить их вокруг зимовья. Присмотрелся я повнимательнее к бегающему большими кругами волку и заметил на нем ошейник со знакомыми медными шипами. Тут я понял, что зверь ручной, а раз он, жертвуя собой, не убегает с зимовья, значит, ему здесь что-то нужно, — прервав рассказ, Асан почесал Хобду за ухом и продолжил: — Когда волк бежал третий по счету круг, он резко сломал его и бросился в мою сторону. На всякий случай я схватил вилы и, только занес их для удара, как зверь, не добежав до меня, бросился на землю и, жалобно скуля, пополз на животе будто раненый. Отбросив в

сторону вилы, я попытался приласкать ручного волка, а он, ухватившись зубами за полу полушубка, потащил меня в пустыню. Тут с воплями подоспела дружная стая волкодавов, готовых впиться мощными клыками в своего заклятого врага. Почувствовав опасность, волк отскочил в сторону и большими скачками помчался по ледяной пустыне в сторону холма. Тут я подумал, что здесь что-то не то, и решил последовать за ним. Сел на верблюда, взял на всякий случай тулуп и отправился вслед за твоим зверем в пустыню. Молодая волчица быстро нашла тебя. Когда я подъехал к тебе и тронул за плечо, ты приподнял голову, и тут я увидел белое, как снег, родное лицо. Поднял тебя с кучи костей, на которой ты сидел с пикой в руках, завернул в тулуп и айда в теплую юрту. Все боялся, что не оклемаешься, умрешь на моих глазах, а ты оказался крепким орешком, отошел, — закончил Асан и ласково похлопал по спине племянника.

— Как только сойдут морозы и растает лед, надо будет съездить и подобрать разбросанные по пустыне продукты и вещи. Они пригодятся мне для продолжения путешествия на озеро Судочье, — решительно сказал Рамазан, прочитав на лице дяди некоторую растерянность.

— Зачем тебе ехать на большое озеро? — спросил он в недоумении. — Будем кочевать вместе по Устюрту. Это же счастье быть кочевником-скотоводом, жить на просторе, где нет над тобой хозяина, как в колхозе, ты сам себе царь и Бог.

Решив посвятить дядю Асана в свои планы, Рамазан рассказал ему со всеми подробностями о своем путешествии.

— Доброе, но и непростое дело задумал ты, Рамазан! Подумать только: врачи не смогли поставить его на ноги, так он сам решил себе помочь! Что ж, поезжай, добивайся своего счастья. Я каждую осень после торгов в Кунграде буду заезжать к тебе в гости на Судочье. Кто знает, может быть, соберемся и съездим в Тамаруткуль, проведем стариков. Вот будет им радости-то! Так что постарайся, племянничек, найди того, кто бы поставил тебя на ноги, — тихо договорил Асан как бы с состраданием.

— Теперь вы знаете все обо мне. Не пора ли, дядя Асан, рассказать о себе? Как вам удалось спастись? Как сумели найти в такой огромной пустыне свою невесту? — задал в свою очередь вопросы Рамазан и, взяв на руки тянувшегося к нему двоюродного братика Эликтая, приготовился слушать.

— Да, много лет мы не виделись, и судьбе угодно было распорядиться так, что наши жизненные дорожки опять сошлись. Что ж, послушай, расскажу тебе все без утайки, как и чем жил все эти четыре года... Во время поездки в Оренбург, где я должен был по настоянию сварливой жены сдать тебя в дом инвалидов, я много думал и понял, что живу не так, как надо, и впереди меня ждет беспросветная жизнь. В тот грозовой вечер я решил воспользоваться случаем и в корне изменить ее. Теперь ты видишь, что после всех усилий я нашел свою Айнакуль, которая подарила мне сына, и наступило для меня самое счастливое время, о котором я только мог мечтать. Да и в глазах друзей я стал человеком, личностью. Меня никто теперь не упрекнет сварливой и бездетной женой, которая была к тому же намного старше. А женили меня родители ради ее богатства, состоявшего из десяти верблюдов, которых потом все равно отобрало государство для колхозного стада...

В юрте, где обитали тепло и любовь, воцарилась тишина и слышался лишь забавный лепет Эликтая.

За ужином дядя Асан рассказал о том, как он спасся. В том месте, где широко разлившаяся Елшанка замедляла бег, ему удалось выбраться на берег. Поняв, что единственная кормилица его семьи, лошадь, погибла, решил не возвращаться домой к сварливой жене, а начать строить новую жизнь. На станции Маячное он купил билет на проходящий поезд Москва — Ташкент и доехал на нем до станции «Аральское море». Пароходом, привозившим соленую и копченую рыбу в порт Аральск для фронта, Асан добрался по морю до порта Муйнак. Сняв угол и поступив на работу на рыбоконсервный комбинат, зимой познакомился с гуртовщиками, перегонявшими каждое лето скот с низовья Амударьи через плато Устюрт на Орский мясокомбинат. С приходом весны в надежде узнать в пути о местонахождении семьи Кинбаевых Асан подрядился перегнать вместе с гуртовщиками скот.

Встречая в пути редкие юрты кочевников, Асан спрашивал у них о семье Кинбаевых, кочующих где-то в центральной части Устюрта. У колодца Матай один молодой каракалпак сказал ему, что знает Кинбаева и места, где он кочует со своим скотом и дочерьми, из которых только младшая не вышла замуж и все ждет какого-то жениха на белом верблюде. Сдав в конце сентября на Орский мясокомбинат скот и получив хорошие деньги за работу, глубокой осенью Асан добрался до Кунграда.

Познакомившись на скотном дворе базара с кочевниками, обжившими центральную часть плато, он отправился с ними в надежде найти семью Кинбаевых. До начала зимы ему удалось разыскать их зимовье и наконец-то встретиться со своей невестой Айнаукуль, которая все эти годы ждала полюбившегося еще в детстве Асана.

На следующий день, высунув из юрты обмороженный нос, Рамазан увидел небольшое поселение кочевников-скотоводов, состоявшее из шести войлочных юрт. По всему зимовью несло бляение голодных овец, рев крупного рогатого скота, исхудавшего из-за продолжающегося вторую неделю джута. В окрестностях зимовья то тут, то там на обледеневшей траве лежали павшие от истощения овцы. Подростки собирали окоченевших животных и сносили их в одну кучу, а затем, засучив рукава, снимали с них шкуры. Лишь сторожевые собаки, наевшись до отвала дармового мяса, блаженно отсыпались посреди зимовья. Посмотрел Рамазан по сторонам в надежде увидеть хотя бы мало-мальский стожок сена, заготовленный заботливым хозяином для зимовки своему скоту, как это делают у них в Тамаруткуле, но ничего подобного не обнаружил.

Одной из отвратительных традиций кочевников-скотоводов является беззаботное отношение к своему скоту. Как правило, он предоставлен самому себе. Сена, на случай снежной зимы или гололеда, не заготавливается. Во время джута животные видят через прозрачную корку льда траву, но не могут ею воспользоваться. С помощью копыт они пытаются пробить «стеклянную» поверхность, но все напрасно. Если джут тянется неделю, а иногда и того больше, над плато Устюрт поднимается рев. Гололед, затрудняющий выпас скота, ведет к резкому снижению упитанности и простудным заболеваниям. Истощенные животные ложатся на лед и никогда больше не встают. Даже после массовой гибели животных кочевники не пытаются заготовить корм на следующую зиму, несмотря на то, что для этого есть все возможности. Более крепкие верблюды и лошади приспособились очищать с помощью копыт и мощных зубов обледеневшие кустики полыни, кейреука, боялыша и поедать их. Овцы бессильны помочь себе и поэтому гибнут. Падеж скота от бескормицы зимой — привычное явление для всех кочевых районов Устюрта. По этому поводу кочевники-скотоводы говорят: «Аллах дал, Аллах и взял больных и слабых животных, и горевать тут не стоит!»

Веками кочевники-скотоводы приспособлялись к трудным условиям обитания в безводной пустыне плато Устюрт, богатой кормом. Они не только выжили, но там, где на глубине 60—80 метров залегает пресная или полупресная вода, освоили территорию, которая, казалось бы, совершенно непригодна для обитания человека. Они выработали систему, которая позволяет жить в ладу с дикой природой, ничуть не оскудевшей за все минувшие века.

Кочевники ведут примитивную жизнь, что не способствует развитию ремесел, земледелия, искусства. Все их усилия направлены лишь на выживание в трудных условиях обитания среди безводной пустыни, вдали от поселений и больших дорог. Все, что они имеют, это лишь шкуры домашних и диких животных. Все женщины умеют дубить кожи, выделывать из шерсти верблюда кошмы с незатейливыми орнаментами. Из кожи шьют тенты для юрт, чересседельные сумки, сбрую, бесчисленное множество мешочков для хранения сыпучих продуктов и различных предметов, бурдюки для воды и масла. Для этого им достаточно всего лишь маленького ножика и шила. Все женщины занимаются также прядением. Из толстой пряжи плетут веревки для пут и арканов, а также для крепежа каркаса юрты. Молоко кочевники получают от верблюдиц, коз и овец, а некоторые из них держат даже коров. Чаще всего молоко употребляется в кислом виде — айран. Лишь верблюжье молоко, которого верблюдица дает 3—5 литров в сутки, употребляется в натуральном виде. Оно никогда не идет в переработку на масло и сыр. Овечьи шкуры стелят в юртах на пол, как коврики. Ими же покрываются в стужу. У кочующих родов нет никакого интереса к земледелию, — даже там, где это возможно, обработка земли считается унижительным занятием.

До сплошной коллективизации на плато Устюрт насчитывалось около 30 тысяч хозяйств, половину из которых составляли кочевники, ходившие со своим скотом до 2 тысяч километров в оба конца. Малые хозяйства кочевали в пределах небольших районов. Скот обычно выпасался у одного колодца 2—4 месяца, а потом перегонялся на новые пастбища. Годовой цикл делился на четыре сезона, каждому из которых соответствовал особый тип пастбищ. В южных районах Устюрта скот выпасался зимой и ранней весной, а на лето стада отгонялись на север. В кочевом хозяйстве на первом месте стоял верблюд, затем курдючные овцы, козы, лошади и крупный

рогатый скот. Овцы содержались в кутанах¹ открытого типа, построенных из низкорослого саксаула и кустарника. Окот у овец, как правило, начинался в первых числах апреля. Кочевники-туркмены через Устюрт проходили до реки Эмбы, выпасая скот в урочищах Сам и Уйсун, о чем и поныне свидетельствуют знаки (тамга) на колодцах и многочисленных кладбищах. Они вели полуоседлый образ жизни группами по 30—50 хозяйств. Располагаясь у источника на 2—3 месяца, после истощения пастбищ переезжали в другое место. Южные районы Устюрта были излюбленным местом зимовок для значительной группы кочевников, насчитывающих 4600 хозяйств с поголовьем до 100 тысяч овец и 30 тысяч верблюдов, которые на лето отгонялись на север. Верблюд ценен тем, что служит транспортом и отличается высокой продуктивностью. Верблюд — символ богатства кочевника. Он служит эталоном при обмене и приданым за красивую и благородную женщину. Он легко поддается дрессировке с двух лет: его приучают ложиться и вставать, не издавая крика.

Увидев дядю Асана, достающего из глубокого колодца полусоленую воду с помощью ревушего верблюда-дромадера и длиннющей веревки, на конце которой было привязано большущее кожаное ведро, Рамазан осторожно пошел к нему на руках. Не прошел он и полпути, как лежавший в стороне баран вскочил на ноги и вихрем налетел на него. Вскочив на задние ноги, он резким прыжком сверху вниз атаковал незнакомца, больно ударив его в бок. словно футбольный мяч, Рамазан отлетел в сторону и, уже сидя на льду, увидел перед собой необыкновенно крупного барана, готовящегося нанести повторный удар. Не растерявшись, юноша сорвал с головы лисий малахай и бросил его идущему в атаку барану в морду. Тот, не ожидая контрудара, отскочил в сторону и уставился немигающими глазами на незнакомца.

Перед Рамазаном стоял стройного телосложения баран высотой в холке метр и весом не менее 80 килограммов. Крупные и тяжелые рога длиной до метра, образующие неполный завиток с направленными вперед концами, были чуть загнуты вовнутрь. С верхней части груди, шеи и щек ниспадал почти до самой земли роскошный подвес, так похожий на пышную «бороду». Спина у барана была красновато-песочного цвета с буроватым оттенком, подвес

¹ *Кутан* — загон, огороженный со всех сторон местным строительным материалом.

на груди — буровато-черный, а небольшая борода — светло-серая. В верхней части бросалось в глаза «зеркало» — большое светлое пятно, украшающее зад зверя. Копыта у него были крупные и шире, чем у домашнего барана. Это натолкнуло Рамазана на мысль приручить дерзкого барана, постепенно объездить его и продолжать на нем путешествие через Устюрт. Приблизившись к драчливому животному, он протянул руку, чтобы забрать свой малахай, но тот, подавшись назад для разгона, снова атаковал смельчака. Поймав на лету барана за рога, Рамазан резко крутнул его голову в сторону, и тот, не удержавшись на ногах, рухнул на землю. Пытаясь вырваться из цепких рук, животное крутилось и так и эдак.

Увидев схватившегося с бараном племянника, Асан поспешил ему на выручку. Подбежав к месту схватки, он выхватил из-за голенища камчу и только замахнулся, чтобы ударить барана-задиру, как Рамазан остановил его:

— Не трогай его, дядя Асан! Это мы так знакомимся друг с другом. Лучше сходи в юрту и принеси кусочек лепешки смелому красавцу, я попытаюсь постепенно приручить его.

— Вряд ли тебе удастся обломать норовистого зверя. Это тебе не домашний, а дикий баран-аркал, три года назад приставший ягненком к отаре, когда кочевали вблизи Устюртского чинка. Одна сердобольная овца приняла его и выкормила своим молоком. Вон какой большой вымахал, никому не дает проходу, чуть что — нападает без предупреждения и бьет рогами.

— Я постараюсь подружиться с ним, — пообещал Рамазан. — Он мне нужен как транспорт для путешествия, да и в хозяйстве пригодится, когда доберусь до места.

— Зачем тебе полудикий баран-задира?! Ты с ним в

трудной дороге намаешься! Возьмет да заупрямится, — отговаривал его Асан. — Возьми лучше обьеженного верблюда, он будет тебе не только надежным спутником, но и по хозяйству всегда поможет.

Рамазан все же настоял на своем и от предложенного дядей верблюда отказался. Аркал, хоть и был голодный из-за скудости корма, от предложенной ему лепешки отказался и лишь сверкал от злости налитыми кровью глазами и все пытался вырваться из цепких рук смелого укротителя. Только Рамазан отпустил аркала, как тот, отступив шагов на десять, с разбегу снова бросился на него. Предугадав хитрый маневр, Рамазан успел схватить его за рога, резко крутнув на сторону голову, снова повалил на землю и, поддерживая с минуту, отпустил. Отбежав далеко от зимовья, аркал долго смотрел недружелюбным взглядом в сторону Рамазана. Получив хороший урок, он стал сторониться юноши, но тот старался не упускать его из виду. Зная, что голод помогает быстро приручить любого зверя, вплотную занялся непокорным животным.

Через две недели жители зимовья увидели Рамазана едущим верхом на аркале.

Устюртский баран-аркал, один из подвидов азиатского муфлона, который является родоначальником домашних овец, обитает на отвесных кручах Устюртского чинка и на полуострове Мангышлак. В конце апреля у самок аркалов появляются на свет один-два забавных малыша, которые, едва обсохнув, следуют на еще тонких ножках-прутиках за своей заботливой мамашей. Боясь за жизнь своего беспомощного потомства, она покидает стадо и, забравшись в глухое место, живет с ними уединенно. Возможно, волки напали на мать-кормилицу, и она, пытаясь отвести их от своего единственного, угодила им на ужин. Так голодный малыш, занятый поисками матери, вышел к стаду пасущихся баранов, где и обрел для себя вторую мать.

Постепенно отступили морозы, подтаял лед, превратившись в подобие рисовой каши, а вскоре и вовсе растаял. На Устюрте установились безветренные солнечные дни. В один из таких погожих дней Рамазан вместе с дядей Асаном и волчицей Хобдой отправились на верблюдах на поиски разбросанных по плато вещей и продуктов. Первыми были обнаружены пика и полуразвалившиеся костяные санки, подле которых из норы показалась на миг и тут же исчезла симпатичная мордочка зверька с «лобной перевязью». Только верблюд шагнул к норе, как навстречу с «грозыным» рычанием выскочила нарядная

перевязка на коротких ногах. Изогнув в дугу тонкое длинное тело и вздернув кверху пушистый хвост, она походила на мини-собачку, яростно защищавшую своих детенышей и участок охоты. Не утруждая себя дальними поисками добычи, перевязка поселилась по соседству с большими песчанками и ревностно охраняла их от нашествия других хищников. Сама же лакомила их ими, когда ей вздумается.

Ловкий, сильный и смелый до самопожертвования зверек-перевязка населяет не только равнины, но умудряется жить и в горах, поднимаясь на высоту до 3000 метров над уровнем моря. Отыскав на богатых травостоем субальпийских лугах колонию реликтовых сусликов или сурков, проникает в нору и с помощью сильных челюстей, унизанных частоколом острых, как бритва, зубов, загрызает домочадцев, а насытившись, бесцеремонно обживает их жилище. Прижившись в колонии травоядных зверьков, перевязка смело вступает в схватку, всякий раз одерживая над ними победу. Поселяясь на окраинах оазисов, она в огромных количествах ловит различных грызунов — больше, чем может съесть, оказывая тем самым человеку неоценимую услугу. Местные жители легко приручают молодых перевязок. Выросший в семье, игривый, со смешливой мордочкой зверек уничтожает мышей, крыс, змей, скорпионов и фаланг не только в своем доме, но и у соседей. Перевязка смело вступает в драку с ленивыми и

вечно полусонными котами, навсегда изгоняя их со двора за пределы своего участка так, что от них только клочья летят. Рассматривая красивого, смелого и верткого зверька, Рамазан решил завести перевязку и держать у себя дома вместо кошки.

Рассматривая в бинокль пустыню, Рамазан увидел, как, прорезая голубое небо крыльями, в вышине парили стервятники. Убедившись в безопасности, они один за другим спустились спиралью на землю и большими прыжками направились к туше верблюда. По скоплению пернатых хищников было нетрудно найти последний бивуак Рамазана. Почувствовав опасность, черные грифы, степные орлы и могильники с трудом оторвались от земли и, поднявшись на большую высоту, принялись кружить, выжидая, когда уедут люди. Все продукты, что были спрятаны Рамазаном под брезентом, были в целости и сохранности. Недоеденная туша верблюда больше привлекала хищников, чем та пища, что лежала под брезентом. Пока паслись верблюды, Рамазан в подробностях рассказал дяде Асану о схватке с большой стаей волков, в которой погибли Актарнак и Актыс, а потом и верблюдица Акжал.

Человеку несвойственно долго пребывать в радости, он может утратить способность адекватно реагировать на сложность окружающего мира. Радость встречи с дядей тоже постепенно сошла на нет. Обретя веру в собственные силы и чувствуя себя вполне здоровым и готовым к новым испытаниям, Рамазан начал подготовку к путешествию.

На дворе давно стоял апрель — последний месяц, дающий возможность пересечь восточную часть безводной пустыни плато Устюрт. Асан отговаривал племянника трогаться в опасный путь в одиночку, предлагая проводить его хотя бы до Аральского моря. Но видя, что Рамазана ничем не убедишь, пришел к мысли, что ему помогают «таинственные силы» и для него не существует непреодолимых преград.

В день его отъезда заботливая Айнакуль смолотла на ручной мельнице зерна джугары, из муки приготовила любимую еду Рамазана бешбармак. Раскатав тесто в большую лепешку, она порезала ее на длинные ленты, а затем на большие квадратики и высыпала в котел, в котором доваривались большие куски бараньего мяса. За прощальным обедом договорились о том, что осенью, после торгов на кунградском базаре, Асан заедет на Судочье, чтобы встретиться с племянником.

Когда из юрты были вынесены необходимые для путешествия вещи, продукты, запас воды, Рамазан увидел, что Аркал (чтобы дать барану имя, даже не пришлось ничего выдумывать) не сможет поднять его вместе с грузом. Тогда Асан привел пасущегося поблизости ишака и, передавая Рамазану поводок, сказал улыбаясь:

— Ты отказался от верблюда, так я дарю тебе маленького вездехода Актангера. Бери и грузи на него все свои вещи, а сам поезжай на Аркале как хивинский хан.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

И снова в путь. Загадочные стрелы Устюрта. Смерч-убийца. Смелый сайгачонок. Балет джейранов. Гепарды — воздушные акробаты. Бой «рыцарей в латах»

Есть на земле места, отмеченные Божьей благодарностью. Каменную же пустыню плато Устюрт можно смело назвать забытым Богом краем. Его восточная часть, приподнятая исполинскими подземными силами на высоту 300—350 метров над уровнем моря, представляет собой плоскую равнину или так называемую гаммаду, усеянную мелкими кристаллами гипса, залегающего местами сплошным слоем. В яркие солнечные дни россыпь кристаллов блестит так ослепительно, словно высыпавшие на полуночном небе мириады звезд. В гипсовой пустыне, идеально ровной, как стол, лишь с незначительными колебаниями высот, можно ехать в любом направлении. Едешь-едешь по неоглядной целине, испещренной тропами кочующих сайгаков, и нет ей ни конца ни края. Здесь нет ни одной долины, где бы плескалась речушка или озерко, нет ни одного песчаного холмика или крупного останца, — ничто не дает глазу отдохнуть. Здесь выпадает незначительное количество осадков, а высокие летние температуры и постоянные сильные ветры испаряют все влагу и не дают образоваться водным потокам. Отсутствие воды на огромном пространстве лишает людей, да и животных возможности широко расселиться в этом диком краю.

Однообразие щебенисто-гипсовой пустыни позволяло Рамазану с помощью бинокля видеть далеко вперед, примечать пасущихся сайгаков, джейранов, сусликов или отдыхающих под кустиком сакбаула хищных зверей.

Просматривая в бинокль горизонт, Рамазан увидел в мареве зноя одинокого джейрана-рогача, стоявшего на карауле. Стройное животное с точеными ножками и лирообразными рогами пристально всматривалось в его сторону и, казалось, не думало убегать, рассчитывая на свои быстрые ноги. Однако инстинкт самосохранения все же заставил джейрана сорваться с места и помчаться ровными скачками, да так красиво и грациозно, будто бег для него игра. За ним светло-желтым ручейком побежали поднявшиеся с лежки самочки.

Направив Аркала вслед за скрывшимися за горизонтом джейранами, благо маршрут пролегал почти в том же направлении, Рамазан обратил внимание на еле различимый земляной вал, убегающий вдаль. Проехав вдоль него, он увидел еще один вал.

Сбежавшись под углом в одно место, они не соединились между собой, а, разбежавшись в разные стороны, образовали своеобразные широкие ворота. За ними, описав широкий вытянутый круг, они снова сошлись, образовав гигантский каменный мешок с четырьмя ямами-ловушками по бокам.

Рассматривая странное сооружение, Рамазан терялся в догадках: то ли это все, что осталось от оборонного или культового строения, то ли древний накопитель дождевой воды. Но ямы, расположенные выше валов и выложенные известняком, говорили о другом.

Затерянный мир плато Устюрт со своими гигантскими взлетными полосами, ровными стреловидными валами представлялся Рамазану микрокосмосом, в котором ему отводилась скромная роль землянина, пытающегося разгадать суть загадочных сооружений. Он больше склонялся к тому, что это следы древних народов, населявших когда-то плато Устюрт. Но исчезновение воды, а возможно, жестокие разрушительные войны заставили их покинуть когда-то благодатный край.

Действительно, как утверждают историки, в центральной части плато Устюрт 2500 лет тому назад жили массагеты. Они-то и построили каменный мешок для загона и отлова мигрирующих по пустыне куланов и сайгаков. Быстроногие и не покоренные человеком онагры, напуганные шумом облавы, устремлялись в единственный проход и попадали в каменный мешок. Наткнувшись на неожиданно возникшее на их пути препятствие, в поисках выхода они, словно ветер, проносились вдоль валов, утыканных толстыми стеблями

тростника с заостренными концами, и валились один за другим в глубокие ямы, наполняя их своими телами до краев. Отлавливая молодых куланов, массагеты приручали их и использовали для верховой езды. Кроме того, они скрещивали их с лошадью, а родившихся метисов впрягали в телегу.

Неуемная охотничья страсть и соблазн легкой и ценной добычи привели к тому, что еще в XVIII веке куланы были полностью истреблены. Из их эластичной шагреновой кожи делали модную обувь и сумочки. Сайгаков убивали ради вкусного мяса и шкур, из которых выделявали замшу и хром, а также ради желтоватых просвечивающих на солнце рогов самцов, в громадных количествах уходящих в Китай. Из них фармацевты изготавливали

чудодейственные лекарства, которые ценились на вес золота.

Древние захоронения кочевых племен, разрушенные города, где когда-то шумели базары, и сейчас бросаются в глаза на границе с плато Устюрт. Что же заставило людей покинуть 2500 лет тому назад процветающий город Дескескен? Все объясняется просто. Человек не научился жить в согласии с природой, истощил ее, и она наказала его, заставила покинуть эти места не на сотни, а на тысячи лет. И пока не придет на его благодатную почву желанная вода, быть Устюрту диким краем.

До чего же бывает изобретательна природа! Она не просто существует, — в ней наблюдается несомненная стройность, взаимная согласованность различных процессов. В пору цветения растений ветер оплодотворяет нивы и сады, срывает отмершую листву и валит старые деревья, подметает стены, пустыни, улицы городов. Пригнав тучи, дождь орошает поля, оmyвает растения, прихорашивает землю. После освежающего дождя ветер все высушит и постепенно успокоится. В период временного затишья природа крепнет до новых бурь, чтобы повторить все сначала. В одну из таких разгулявшихся стихий и угодил Рамазан вместе со своими четвероногими друзьями.

Безмятежно сияло весеннее солнце, и ничто не предвещало трагедии. В полдень начало хмуриться небо, в воздухе повисла предгрозовая тишина. На горизонте то тут, то там взвивались тонкие изогнутые столбы крутящейся спиралью пыли. Погуляв по пустыне минуту-другую, вихри гасли, чтобы вновь возродиться в другом месте. К полудню разогретый нижний слой атмосферы начал подниматься вверх и горячий воздух винтообразно устремился кверху: так возник смерч. То он стоял на одном месте, то передвигался, словно круто дымящийся поезд. Зловещий, туго скрученный столб пыли, неожиданно пришедший с юга, накрыл путешественников, окутав их непроглядной пеленой. Словно по винтовому транспортеру, полетели вверх колючки, семена трав, насекомые и мелкие животные, не успевшие спрятаться в щелях и норах. Горячий вихрь заставил Рамазана слезть с Аркала и лечь в обнимку с Хобдой под брюхом упрямого Актангера, не пожелавшего опуститься на землю. Стремительный вихрь, переросший в смерч, разгулялся не на шутку. Вдруг непонятная сила крутанула рядом стоявшего Аркала и унесла его во тьму. Смерч, зигзагообразно прокатившийся над каменной пустыней, продолжался не более

десяти минут и вскоре постепенно слился с общим фоном предгрозового неба. Осела пыль, и Рамазан увидел в пятидесяти шагах своего Аркала, спокойно бродившего среди низкорослых кустиков бияргуна и скусывающего верхушки. Вслед за смерчем появилось столбообразное белое облако, похожее на гигантскую ледяную глыбу. От росчерков молний из края в край прокатились раскаты грома, стало заметно холодать. Сверху под косым углом посыпались сначала редкие, а затем частые градины. Разрезав на части гигантскую тучу, над головой вспыхнула молния, и страшный удар грома прокатился над пустыней. На Рамазана и его друзей, в добавление к граду, обрушился ливень. В считанные минуты ровная, как стол, равнина покрылась слоем воды. Она проникала в щели, заливала норы, в которых, спасаясь от ливня, укрылись ящерицы, змеи, мелкие птицы, земляные зайчики-тарпанчики, ежи, жуки-чернотелки. Из затопленных убежищ в надежде найти более сносное укрытие животные поспешили наверх и, попав под шквал градин величиной с голубиное яйцо, гибли. Но вскоре тучи рассеялись, выглянуло солнце, и Рамазан продолжил путь под хруст градин, покрывших тонким слоем пустыню. Его взору предстала удручающая картина.

Там, где прошелся смерч, а вслед за ним — ливень с градом, каменная пустыня напоминала место, где только что прошло жестокое побоище. Куда ни кинь взгляд,

всюду валялись мертвые такырные и хентаунские круглоглавки, разноцветные ящурки, серые жаворонки, пуштынные славки, зайчата-крошки, чернотрухлые рябки и саджи, сидевшие на яйцах до самопожертвования. Там, где только что властвовали необузданные силы природы, унесшие тысячи жизней мелких животных, наступила мертвая тишина, будто здесь ничего особенного не произошло. В образовавшихся лужах с медленно тающими градинами, как и два часа назад, засверкало умиротворенное солнце.

За годы общения с дикой природой Рамазан свыкся со всеми ее капризами. На земле постоянно происходят наводнения, землетрясения, извержения вулканов, оползни, которые разрушают целые города и селения, унося тысячи человеческих жизней. То, что произошло сейчас на глазах Рамазана, в сравнении с упомянутыми катастрофами — обычные и частые явления. Природа нередко задает человеку подобные вопросы, на которые он ищет, но так и не находит ответы, а лишь робко пытается противостоять ее необузданному нраву.

От мрачных дум Рамазана отвлекла зайчиха-толай, которая на ходу родила одного за другим двух зайчат, уцелевших от града в чреве матери. Новорожденные, уже зрячие и покрытые теплыми шубками, тут же последовали за своей кормилицей.

Обычно в день своего рождения зайчата смирно сидят под кустиком и до отвала сосут молоко матери. Сытых малышей мать-зайчиха, как правило, бросает и убегает. Три-четыре дня она и не думает искать своих детенышей и кормит первого попавшегося на ее пути. В это время у нее пробуждается инстинкт материнства, и по следам лап, выделяющих пот, она быстро находит своих зайчат.

Природа устроила так, что у большинства животных детеныши появляются на свет весной, когда им не грозит гибель от холода и голода. Поэтому и спаривание происходит в определенное время. У большинства зверей щенки рождаются беспомощными: они слепы, глухи и не умеют ходить. У других же появившиеся на свет малыши тут же вскакивают на хрупкие ножки и следуют за матерью.

Обилие свежих кормов, наличие дождевой воды в низинах привлекают на плато Устюрт многочисленные стада сайгаков на весенний окот. Выбрав глухое место, матери-сайгачихи собираются в своеобразные «родильные дома». Как только на свет появляется сайгаченок, он инстинктивно затаивается среди низкорослых кустиков и

терпеливо ждет, когда мать-кормилица отыщет его, единственного, среди множества таких же малышей и накормит густым сладким молоком. Рамазан наткнулся на своем пути на одно из стад, где насчитывалось более двухсот рожениц. Охота понаблюдать за жизнью антилоп заставила его развьючить Актангера и разбить в стороне бивуак, благо дождевой воды в низине скопилось предостаточно.

Во время окота сайгаков с отвесных круч Устюртского чинка на легкую поживу слетается множество пернатых хищников. Наблюдая в бинокль за жизнью ревущего без умолку стада антилоп, Рамазан увидел в вышине парящего беркута. Выследив добычу, он резко пошел на снижение. Пасущаяся в стороне мать-сайгачиха, заметив тень хищника, бросилась на выручку. Опередив беркута, она подбежала к малышу и, накрыв собой, спрятала его между передними ногами и исподлобья следила за описывающим низкие круги пернатым хищником. Покружившись над самоотверженно защищавшей своего детеныша матерью, беркут с недовольным клекотом взвился ввысь. Проводив налетчика долгим взглядом, сайгачиха снова принялась пастись, постепенно удаляясь от своего малыша. Следом за улетевшим беркутом в бездонной синеве неба появился черный гриф. Описывая круг за кругом, он зорко всматривался с высоты во все, что могло стать для него добычей. Заметив схоронившуюся среди кустиков бикоргуна беззащитную жертву, крутой спиралью устремился вниз. Только хищник попытался сесть и вонзить

свои железные когти в сайгачонка, тот, движимый инстинктом самозащиты, вскочил на еще плохо слушающиеся ноги и подпрыгнул вверх. Рамазан отчетливо видел, что малыш не столько пытался ударить стервятника головой, сколько хотел напугать его. От неожиданного наскока сайгачонка пернатый хищник отлетел в сторону и, только оправившись от короткого испуга, снова пошел в атаку. Но к малышу уже во всю прыть мчалась на выручку мать-сайгачиха. С разгону она подпрыгнула вверх и боднула нападавшего головой. Описав круг, гриф снова попытался овладеть добычей, но меткий удар сайгачихи заставил его отступить. От ярости, с какой мать защищала своего детеныша, ее испещренный морщинками короткий хоботок, нависший над ртом, заметно подрагивал, большие ноздри раздувались, темно-коричневые глаза были устремлены вверх, следя за пернатым хищником. Встретив достойный отпор, стервятник взмахнул могучими крыльями и улетел на поиски павшего животного, чем чаще всего промышляют пернатые хищники-санитары.

На пятый день окрепшие сайгачата сбились в плотные кучи из 15—20 голов, образовав своеобразные «детсадовские» группы. Под неослабным надзором покрикивающих «нянек» они весь день беззаботно резвились: то бежали друг за дружкой по кругу, то совершали головокружительные прыжки, готовя себя таким образом к повседневной кочевой жизни по необъятным просторам плато Устюрт.

Свернув бивуак, Рамазан взобрался на Аркала и только тронулся в путь, как над его головой, шелестя крыльями, пронеслась стайка белобрюхих рябков и с ходу опустилась у небольшой лужицы. Напившись и искупавшись, они с характерным треском взлетели и унеслись в глубь пустыни, и снова затихла каменная равнина, где то на миг возникают, то исчезают, словно привидения, табуны сайгаков с резвящимися на ходу подростками козлятами. Началась массовая перекочевка антилоп с безводного Устюрта в западную часть Туранской равнины, поближе к реке Эмбе.

Чем ближе подъезжал Рамазан к Аральскому морю, тем реже встречались блюдцеобразные понижения, заполненные тонким слоем воды. Хотя теплая, зловонная вода была мутной после водопоя джейранов и сайгаков, Рамазан с благодарностью черпал ее кружкой и, опустив в нее бабушкин серебряный полтинник, с жадностью выпивал до дна. Он знал, что в ближайшие день-два может не

встретить подобного источника, а последний бурдюк с питьевой водой вынужден был беречь на крайний случай.

Утром, выбираясь с низины на чуть приметный бугорок, Рамазан невольно оторопел, пораженный редким зрелищем. В игре щедрых солнечных лучей во всем великолепии сверкала сахарной белизной большая чаша солончаковой пустыни. По ней мчались в мареве зноя кем-то напуганные джейраны. Крупный самец с лирообразными рогами, увлекая за собой небольшое стадо, выше всех подскакивал вверх и во время короткого полета успевал осматривать предстоящий путь и оглянуться назад, проверяя: не близка ли погоня, нет ли впереди засады. Сколько Рамазан ни всматривался им вслед, так и не смог установить причину, побудившую антилоп к бегству. Описав большой полукруг, джейраны понеслись в его сторону, но, не добежав шагов двести, остановились, с недоверием поглядывая на приземистые кустики саксаула. Успокоившись, грациозные животные, ступая тонкими стройными ножками по хрупкой корочке затвердевшей соли, направились к границе солончаковой впадины. Издали наблюдая в бинокль за пасущимися джейранами, Рамазан увидел, как из тени куста саксаула поднялась самочка. Посмотрев в сторону своих собратьев, боднула раз-другой воздух, выразив тем самым свое недовольство их посещением, и принялась срывать нитевидные веточки саксаула. Ее буровато-желтый мех почти полностью сливался с общим фоном пустыни, и лишь резкие движения да беспрестанно помахивающий черный хвостик, оканчивающийся белой кисточкой, выдавали присутствие безобидного зверя.

Наступил май — пора отела джейранов, и самочка, облюбовав глухой угол, покинула стадо и жила своей, полной тревог и забот, уединенной жизнью. Ее чрезмерная настороженность, долгий пристальный взгляд в сторону лощины подсказывали Рамазану, что где-то там затаился только что родившийся малыш. Обычно матери-джейраны кормят своих телят три раза в сутки: с первыми проблесками зари, в жаркий полдень и поздним вечером, а все свободное время дня пасутся, удаляясь от них на сотни метров, но незримо оставаясь рядом. Рамазан решил не спускать с нее глаз в надежде увидеть трогательную картину — кормление джейраненка. Ближе к полудню со стороны Каракумов примчался горячий ветер — «гармсилъ», застав все вокруг седой едкой пылью. Постепенно стали невидимыми знакомые очертания солонча-

ковой низины, а с ней скрылись с глаз пасущиеся джейраны. Лишь раскаленным медным котлом стояло над головой пыльное небо.

К вечеру ветер унялся, пыль улеглась и в пустыне снова воцарилась обычная жизнь. Ловя широким ртом насекомых, низко над землей летали козодои, бегали такырные круглоголовки. Неожиданно за спиной послышался назойливый писк. Оглянувшись, Рамазан увидел сидящую столбиком у норы большую песчанку, с любопытством рассматривающую странного пришельца. На ее писк отовсюду из нор начали выглядывать любопытные мордочки без умолку пищавших зверьков, извещавших о вторжении незваного гостя в их владения. Сколько юноша ни всматривался в прилегающую к ложине местность, но джейранов так и не увидел. Лишь серый шарик перекасти-поля быстро катился по дну ложины. «Странно, ветра нет, а катится!» Острая мордочка и пушистый хвост выдали в катившемся шаре лису-караганку, рыскавшую по пустыне в поисках поживы. Только она спустилась в ложину и, приняхиваясь, побежала вниз, как из раскидистого куста саксаула пулей выскочила самочка-джейран и большими прыжками помчалась навстречу коварному хищнику. Тонким верхним чутьем лиса быстро отыскала затаившуюся добычу и, стелся по земле, медленно пошла навстречу щекочущему ее обоняние запаху. Преодолев в считанные секунды большое

расстояние, словно вихрь, самочка ворвалась в лощину и со всего разгона боднула безрогой головой лису, пытаясь прижать ее к земле, но не тут-то было. Подвижный, как ртуть, зверь легко выскользнул из-под ее морды, отскочил в сторону и снова потянулся под куст, где, стараясь не выдать себя ни единым движением, лежал свернувшийся калачиком крохотный джейраненок. Отступив несколько шагов назад для разгона, разъяренная мать с низко опущенной головой снова ринулась на оскалившегося хищника. Один за другим сыпались на коварную Патрикеевну удары, и она, заметно ослабев, с помятыми боками покинула поле боя и расположилась в стороне. С помощью зубов лиса принялась вытаскивать вцепившиеся в ее помятую шубку колючки, бросая короткие злобные взгляды на джейранов и туда, откуда пришла, явно поджидая подкрепления.

Уходящее на закат солнце, пронзив нависшую над горизонтом мглу, прощальной улыбкой высветило лощину, где Рамазан увидел то, что так терпеливо ждал весь день. Отбив нападение лисы, разгоряченная схваткой мать подбежала к затаившемуся малышу, лизнула его в мордочку и, пытаясь увлечь за собой, отскочила в сторону. От ее прикосновения джейраненок вздрогнул, наострив уши. Увидев дрожащую от страха мать, вскочил на ножки-прутики и, будто подхваченный порывом ветра, помчался за ней. Самочка бежала легко и красиво, а чуть отстав от нее, во весь дух неся малыша. Удалившись от опасного места метров на триста, антилопы остановились, четко вырисовываясь на фоне багрового заката. Наблюдая за ними в бинокль, Рамазан отчетливо видел, как в солончаковую низину быстро спустился крупный и необыкновенно красивый зверь, а в противоположную сторону от него плелась побитая лиса, которой надолго запомнится неудавшаяся охота. Заинтересовавшись неожиданно появившимся в поле зрения необычным и редким зверем, Рамазан решил задержаться на день и, не выдавая своего присутствия, понаблюдать за его жизнью.

Утром, в еще тусклом свете просыпающегося дня, Рамазан слышал странные звуки, похожие на тонкое посвистывание. Повторившись, они насторожили и волчицу Хобду, заставив ее вскочить на ноги и пристально посмотреть в сторону солнца, медленно выкатывающегося из-за горизонта и напоминающего своим полудиском огромный медный котел, опрокинутый вверх дном. Переведя взгляд с низины, где мирно дремали Актангер и

Аркал, в ту сторону, куда указывала носом Хобда, Рамазан увидел необычную, захватывающую дух погоню.

Над пустыней, лишь касаясь земли, словно две большие птицы, летели джейран, а за ним — молодой гепард-загонщик, сумевший отсечь жертву от ее собратьев. Все четче вырисовывались его длинное туловище, мощные неустойчивые ноги и длинный хвост с тремя темными кольцами на конце, служивший ему рулем на крутых поворотах. Бегущий гепард, обладающий золотистой шкурой с изящным рисунком, являл собой великолепное зрелище на зеленом фоне пустыни. Всматриваясь в предстоящий путь гона, Рамазан увидел у кромки солончаковой впадины затаившегося в засаде еще одного гепарда, который при виде приближающейся добычи в нетерпенье посвистывал. Особенно бросались в глаза его маленькая головка с короткими округлыми ушами да большие глаза, от углов которых ко рту спускались две изогнутые темные полосы, напоминающие своим рисунком лиру. Пятнистую шкуру, словно выточенную из цветного мрамора, украшали округлые пятна, так похожие на затейливую игру света и тени, падающих от ажурной листвы на землю, и маскировавшие затаившегося в траве животного. То ли почувствовав поджидавшую впереди опасность, то ли не желая оказаться на открытом солончаке, джейран не добежал до затаившегося в ожидании гепарда метров пятьдесят и резко свернул в сторону. Словно распрямившаяся стальная пружина, из засады стремительным броском выскочил крупный гепард и пяти-шестиметровыми прыжками бросился наперерез джейрану. Развив скорость более ста километров в час и пробежав на одном дыхании не менее полукилометра, он настиг высоко подпрыгнувшего вверх рогача. Длинной и сильной лапой, вооруженной острыми когтями, гепард нанес такой сокрушительный удар, что настигнутое животное пролетело несколько метров кувырком. Придушив еще бьющуюся в агонии жертву и довольный удачной охотой, зверь издал звуки наподобие кошачьих «уа-уа, ньям-ньям». К нему подоспел гепард-загонщик, и они вдвоем, рыча, урча, фыркая и щелкая зубами, принялись за трапезу.

Слабый ветер, дующий со стороны Аральского моря, не позволял осторожным хищникам уловить запах человека, затаившегося с подветренной стороны. Когда звери управились с добычей, молодой гепард расположился здесь же на отдых, а крупная самка с отвисшими сосками направилась краем солончаковой низины по своим делам.

Пройдя с километр, она поднялась по мягкому склону наверх, и тут Рамазан увидел, как из приземистых кустиков саксаула ей навстречу выбежали три забавных котенка. Подкатив разноцветными колобками к матери, недавно прозревшие малыши с кошачьим урчаньем тянулись к ее соскам. Сытая мать опустилась на землю и, подставив живот несмышленишам, с мурлыканьем принялась вылизывать своих крошек, а затем для лучшего пищеварения массировать шершавым языком их животики. Быстро насытившись жирным молоком, малыши пытались взобраться на сильно вспухший живот матери, но всякий раз скатывались вниз.

У Рамазана, внимательно наблюдавшего сквозь призмы бинокля за семейной жизнью гепардов, созрел дерзкий план: любым путем заполучить одного котенка, вырастить его и держать вместо охотничьей собаки и в качестве надежного друга и помощника Хобды. По собственному опыту он знал, что волки-родители, видя, как на их глазах забирают из логова детенышей, никогда не пытаются защитить их.

Не желая подвергать опасности Аркала — гепарды охотятся на его собратьев в подчинковой полосе Устюрта, — Рамазан сел на Актангера и, пересекая солончаковую впадину, поехал прямо на встревожившегося зверя. От неожиданного появления человека самка гепарда вскочила на ноги и, раздраженная, принялась фыркать и щелкать зубами в надежде отпугнуть от логова незваного гостя. Видя бесполезность своих угроз, она схватила за шиворот первого попавшегося малыша и, стелясь над землей, умчалась с ним за бугор. Когда Рамазан был в двадцати шагах от логова и поднимался из солончаковой впадины наверх, она успела выхватить еще одного котенка и раствориться среди кустов.

Гепарды, как правило, не устраивают постоянного логова. Кусты, обступающие со всех сторон «детскую комнату», служат им всего лишь защитой от посторонних глаз. Сквозь редкую растительность всегда поступает свежий воздух и выдувает стойкий запах котят, который может привлечь в отсутствие матери волков, рыскающих по пустыне. Подъехав к «гнезду» гепарда, Рамазан увидел среди редких кустиков саксаула жалобно попискивающего гепарденка. Не мешкая ни минуты, он сунул крошечного котенка за пазуху и торопливым шагом поехал на бивуак.

Поглядывая на застывшего красивым изваянием гепарда, внимательно наблюдавшего издали за невесть

откуда взявшимся похитителем ее малыша, Рамазан, как бы извиняясь, прокричал ей в утешение:

— Не обижайся, красавица-кошка, что забрал у тебя одного малыша. Тебе хватит забот и с двумя непоседами!

Котенок был необыкновенно красив. Серебристо-серые волосы на спине, похожие на пух, резко контрастировали с темно-пятнистой шерсткой на брюшке и лапках с выпущенными по-собачьи коготками. Округлые светлые пятна были равномерно разбросаны по всему тельцу, только на спине их до поры до времени скрывала мантия.

— Чем же тебя кормить, Красавчик? — обращаясь к котенку, сразу получившему имя, спросил Рамазан и, махнув рукой, решил: — Что-нибудь придумаем, когда проголодаешься!

Взяв из логова еще слабое и беспомощное животное не ради забавы, а для дела, Рамазан взвалил на себя весь груз ответственности за дальнейшую судьбу своего питомца. Все чаще он брался за бинокль в надежде увидеть на скотоперегонном маршруте временную стоянку табунчиков, где собирался пожить дня два-три, чтобы подкормить овечьим молоком Красавчика. Поздним вечером остановился на ночлег. Проголодавшийся малыш тихо попискивал и все тянулся к животу волчицы. Хобда не убегала от котенка и, видно, получая удовольствие от общения с ним, тщательно вылизывала его, пытаясь таким образом успокоить. Собрав скудное топливо, Рамазан разжег костер и, отварив сушеного мяса на ужин, насильно влил в рот Красавчику несколько ложек теплого бульона.

Ночью над Устюртом прошумел небольшой дождь. На рассвете, когда лучи весеннего солнца еще не успели затопить ярким светом пустыню, Рамазан, свернув бивуак, отправился в путь. Ему не терпелось скорее найти решение проблемы, возникшей с появлением Красавчика.

Наслаждаясь просторами зеленеющей пустыни, окаймленной далеким, спокойным горизонтом, Рамазан не заметил, как оказался среди пасущихся среднеазиатских черепах. Впервые увидев облаченных в тяжелую «броню» пресмыкающихся, похожих на доисторических животных, доживших до наших дней, он, прервав путешествие, с интересом стал наблюдать за неповоротливыми существами, сползшими в низину на весенний праздник любви.

Крупные черепахи-невесты беззаботно пощипывали траву, а «рыцари»-самцы, значительно уступающие им в размерах, затеяли между собой необычные турниры. Они то наскикивали друг на друга, то крутились волчком, от

чего на лужайке раздавались глухие удары тяжелых «рыцарских лат». Один из «рыцарей» головой легко поддел под бронированный живот своего соперника, а перевернув его на спину, лишил права на дальнейшее участие в сражении. Окрыленный победой, он оставил в покое барахтавшегося соперника и, быстро перебирая толстыми ногами с длинными когтями, направился к пасущейся «невесте». Неожиданно ему преградил путь другой «рыцарь», и снова закипел бой, окончившийся победой самого ловкого и сильного. После скоротечных турниров между «рыцарями» на лужайке остались лежать два поверженных на спину самца. Чтобы перевернуться, они тщетно пытались зацепиться хотя бы одним коготком за землю. В полдень горячее солнце пустыни накалит их панцири и, словно в духовке, изжарит заживо. Но этим «рыцарям», так позорно проигравшим сражение за обладание невестой, не суждено было погибнуть. Только Рамазан поставил их на ноги, как они тут же устремились навстречу друг другу, чтобы продолжить поединок до победного конца.

Невдалеке между кустиками биюргуна расхаживал пустынный ворон и внимательно следил за черепахой, явно подыскивавшей место для кладки яиц. С помощью бинокля Рамазан отчетливо видел, что как только пресмыкающееся принялось за рытье ямки, ворон скачками

приблизился к ней и замер в ожидании. Отырвав неглубокую ямку с помощью когтистых лап и отложив несколько яиц, черепаха развернулась, чтобы присыпать их от губительных лучей полуденного солнца. И тут появился пернатый разбойник. С помощью мощного клюва ворон бесцеремонно схватил яйцо и, отскочив в сторону, расклевал его и выпил содержимое. Чувствуя неладное, рептилия пыталась прикрыть собой кладку, но дерзкий хищник, взгромоздясь на нее, принялся клевать ее то в куций хвост, то в ноги. Втянув голову и конечности, черепаха превратилась, казалось бы, в неприступную крепость, но ворон продолжал клевать ее в зад. Не выдержав боли, рептилия сползла с ямки, обнажив слегка присыпанные яйца. Соскочив со спины неповоротливой черепахи, не способной защитить свое будущее потомство, ворон принялся за пиршество. Видя, как пернатый хищник бесцеремонно расправляется с кладкой яиц, Рамазан поспешил черепахе на выручку. Не успел он еще подойти к месту неравной схватки, а ворон уже взлетел с недовольным карканьем и принялся кружить над головой вездесущего путешественника, за которым легкой трусцой бежала Хобда, а за ней, ковыляя на длинных ногах, спешил не менее любопытный Красавчик.

В ямке лежало три уцелевших яйца и два расклеванных. Рассматривая их, Рамазан пришел к оригинальному решению: взять и накормить яйцами гепарденка. Так с подсказки пустынного ворона был найден временный выход из затруднительного положения.

Чем ближе подъезжал Рамазан к Аральскому морю, тем чаще встречались ему среднеазиатские черепахи. Еще более захватывающую картину охоты на черепах ему пришлось наблюдать несколько дней спустя. Вдали, с крупной рептилией в когтях, на большую высоту взмыл орел-могильник. Разжав лапы, он бросил ее на землю в надежде, что она разобьется и ему без большого труда удастся полакомиться свежим мясом. Но влажная от зачистивших дождей земля смягчила удар, и черепаха, встав на ноги, принялась пастись. К ней по крутой спирали спустился орел-могильник и, снова схватив ее, тяжело оторвался от земли. Только вмешательство Рамазана помогло черепахе избежать жестокой участи.

Живя в безводных пустынях, среднеазиатские черепахи довольствуются лишь той влагой, которую получают из сочных растений весной. Они еще удосуживаютсЯ накапливать и сохранять воду в натуральном виде в двух

камерах, расположенных под панцирем. Большая же часть животных, обитающих в безводных пустынях, накапливает воду в виде жирового запаса, который при сгорании снабжает организм водой: жир выделяет водород, который, соединяясь с кислородом, образует воду. Один килограмм жира заменяет 2 литра воды. За короткую весну черепаха успевает отложить в два-три приема до 15—20 яиц, нагулять жир и до высыхания эфемеровой (временной) растительности, которая дает влагу, зарывается в землю до следующей весны.

Сквозь легкое марево послеполуденного солнца взору Рамазана предстали величественные заросли паразитирующей на корнях кустарников цистанхе желтой, так похожей на толстые литые свечи. На фоне необыкновенно красивых метровых соцветий, вобравших в себя пурпурно-красные, желтые, оранжевые, фиолетовые, голубые цвета, возвышался мазар. Он был воздвигнут несколько веков назад в виде красивого мавзолея какому-то знаменитому купцу и представляет собой настоящий памятник архитектуры.

В древности через каменную пустыню плато Устюрт проходили старинные караванные пути, такие, как дорога Хорезмшахов, соединявшая Хиву с низовьем Эмбы и Волги. Вдоль Великого Шелкового пути располагались древние города: Шахр-и-Вазир, Караван-Сарай, Белеули и крепость Аллан. Поэтому в пути Рамазану не раз встречались древние кладбища с величественными мавзолеями-мазарами. На плато Устюрт известно до 60 неолитических стоянок, которые еще ждут своих исследователей.

Рассматривая со всех сторон мавзолеев, оформленный со всей тщательностью как в художественном, так и в архитектурном плане, Рамазан увидел на куполообразной крыше пустынного ворона, кормившего своих повзрослевших птенцов. Он давно мечтал заполучить такого птенца, приручить его и научить говорить. С третьей попытки, захлестнув концом цыганского кнута металлический стержень, на котором красовался полумесяц, Рамазан, быстро перебирая руками, взобрался на купол мазара. Взяв из гнезда самого крикливого птенца, быстро спустился с ним на землю. Если Красавчику для быстрого роста требовалось жирное молоко, то Гоше, как нарек вороненка Рамазан за издаваемый им звук «го, гоо», требовалась животная пища в виде саранчовых и жуков-чернотелок, встречающихся в пустыне на каждом шагу.

Вечером, когда солнце медленно скатывалось к горизонту, вместо ожидаемого Синего моря Рамазан увидел Красное с убегающими за горизонт пурпурно-красными волнами. Среди расстилавшегося дивного ковра, украшенного ярчайшими маком павлиньим и ремерией отогнутой, Рамазан чувствовал себя будто в сказочном мире.

На Устюрте видовой состав растений невелик. Причиной тому избыток солнечной радиации и перегрев почвы, насыщенной соединениями гинса, что неблагоприятно отражается на растительном покрове. Оживает пустыня лишь весной зеленеющими осоками, маками, тюльпанами и быстро сгорающими травами. Впервые виды высших растений на плато Устюрт были изучены и описаны в начале XIX века. Немалый вклад в это внесли английские ботаники Стоддарт и Конолли, которые, пользуясь «дипломатическим и научным иммунитетом», побывали в экспедиции в Каракалпакии и на загадочном плато Устюрт. Собранные коллекции описанных ранее ботаниками видов высших растений, в 1841 году они передали их ученому-ботанику Леманну при встрече в Бухаре. В 1842 году по подозрению в шпионаже Стоддарт и Конолли по указанию эмира бухарского были казнены. Ряд видов растений, найденных в Туркестане и описанных ими, носят их имена.

Провожая долгим взглядом группу джейранов, убегающих в синюю даль, Рамазан не заметил, как Аркал чуть было не наступил на плотно сидевшую в гнезде пучеглазую авдотку. Потревоженная длинноногая птица, обнажив три зеленоватых яйца с темно-бурыми пятнами, вытянула голову вперед и, пригнувшись, мелкими шажками побежала от гнезда прочь. Рамазан не спеша поехал в том направлении, куда убежала ночная птица, но она, слившись своей темно-бурой окраской с общим фоном пустыни, стала для него совершенно невидимой. Сколько он ни напрягал зрение, так и не смог увидеть ее среди приземистых кустиков биюргуна и боялыша. Уже отчаявшись отыскать затаившуюся птицу, Рамазан щелкнул цыганским кнутом. Испугавшись хлопка, авдотка вспорхнула всего в двух шагах от Аркала. Низко пролетев над землей, птица спланировала на открытый пятачок и, отбежав в сторону, пропала. Лишь тень, падающая на землю, выдала еле различимую авдотку.

Чтобы не стать легкой добычей хищников и благополучно вырастить потомство, животные приспосабливаются к местам своего обитания. Одни подражают ему окраской в зависимости от времени года, другие — формой тела в зависимости от окружающей местности, что делает их совершенно незаметными. Такое подражание называется мимикрией, которая помогает слабым перехитрить сильных и сохранить себе жизнь.

На краю однообразной равнины линия горизонта четко очертила небольшую возвышенность, вытянувшуюся с севера на юг на много километров. За ней, как предполагал Рамазан, отвесным чинком обрывалась щебенистая пустыня плато Устюрт. До встречи со сказочным Синим морем оставалось всего ничего. Поздним вечером, добравшись до подножья возвышенности, он решил остановиться на ночлег, благо молодой сочной травы было вдоволь. Отпустив Аркала и Актангера понастись, сам занялся костром из коровьих «лепешек».

За ужином, бросив случайный взгляд на гребень возвышенности, увидел двух коз, настороженно смотревших в его сторону. «Откуда им тут взяться, когда вокруг не видно стойбищ кочевников?» — терялся в догадках Рамазан. Вдоль Устюртского чинка с давних времен пролегли многочисленные скотоперогонные тропы, по которым тысячные стада скота перегонялись из Туркестана в европейскую часть России. Похоже, что суягной козе удалось улизнуть из стада и незамеченной переждать на отстое чинка, пока крики погонщиков не затихнут вдали. То ли любопытство взяло верх, а возможно, одиночество, сопряженное с постоянной опасностью, подтолкнуло коз спуститься по мягкому склону вниз и приблизиться к бивуаку. Остановившись на почтительном расстоянии, они с опаской стали смотреть на лежавшую у палатки Хобду. Чтобы расположить к себе пугливых пришельцев, Рамазан отозвал Хобду в палатку и, приказав ей лежать, вышел наружу. Ему хотелось побыстрее познакомиться с осторожными козами, так как они могли принести большую пользу. «Если раздоить козу, — размышлял юноша, — то без большого труда можно будет вырастить крепкого и выносливого Красавчика, да и самому еще останется». Стоило козе успокоиться и начать щипать траву, как козочка подкралась к матери сзади и, прильнув к соску, принялась тормошить ее, требуя молока. Добившись своего, она отбежала в сторону, немного порезвилась, а потом легла на траву, не утруждая себя понастись. Такого нахальства Рамазан не мог стерпеть.

На следующий день ему удалось подманить к себе козочку, а изловчившись, поймать ее за заднюю ногу. Вскоре, посаженная на длинный аркан, она с жалобным блеянием носилась вокруг металлического штыря по лугу, а проголодавшись, к вечеру принялась с неохотой щипать траву. Заполучив козочку, Рамазан был уверен, что козата теперь никогда не покинет его бивуак. Первые по-

пытки знакомства с ней не принесли успеха. Всякий раз она наостряла рога, намереваясь пустить их в ход. Сделав из тонкой волосяной веревки лассо, после нескольких неудачных попыток Рамазан все-таки заарканил козу.

— Хватит тебе быть безымянной козой-дикаркой, — привязывая у палатки рвущееся на свободу животное, приговаривал юноша, — отныне ты наша Белка-кормилица и давай будем друзьями, а от хорошей дружбы всегда бывает только польза.

От предложенной охапки травы Белка отказалась и все пыталась поддеть обидчика рогами.

Утром, выбравшись из палатки, Рамазан увидел, что Белка съела весь корм и, перебирая задними ногами, жалобно «ме-э-экала», чтобы ее освободили от излишков молока, распиравшего вымя. Так, на марше, Рамазан начал обзаводиться живностью, необходимой ему для нормальной жизни в пустыне.

Наступивший день, день встречи с Аральским морем, омрачил его настроение мелким нудным дождем. В дополнение к нему со стороны Аральского моря с невероятной силой задул порывистый ветер, называемый у каракалпаков Хора-Зубы. Ехать навстречу сильному ветру с дождем не было никакого смысла, да и желания. Решив переждать ненастье, Рамазан забрался в палатку и, вспоминая прошедшее, обнаружил странную закономерность. Всякий раз в самых сложных ситуациях, когда смерть в упор смотрела ему в лицо, какая-то незримая сила помогала выбраться целым и невредимым. Кто или что помогало Рамазану побороть чувство страха и не потерять самообладания?

Отправляясь в длительное путешествие, Рамазан не стремился как можно быстрее добраться до цели, а наоборот, не спешил и всячески старался отвлечь себя от охватывавшего порой страха перед неизвестностью. Он намеренно отклонялся от намеченного маршрута, чтобы понаблюдать за жизнью животных, каждое из которых играет свою роль в театре под названием «Природа». Страх, чувство одиночества при оторванности от «большой земли» — естественное явление. Только у одних эти чувства вызывают растерянность, панику, граничащую порой с безумием; Рамазан же никогда не терял самообладания. Вера в себя, в силу разума и мечту несли в себе мудрость, которая избавляла его от отчаяния.

Преодолеть страх Рамазану помогли не только знания и опыт, приобретенные во время охоты на волков, но и

цель, к которой он так стремился. Воля сделала его неуязвимым, помогла добиться победы над самим собой.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

У самого Синего моря. Вдоль Устюртского чинка. Каракал Арстан. Среди гремучих змей. Встреча с рыбаками Арала. Искорка надежды. Филя. Здравствуй, Судочье!

Синью умытого после дождя неба встретил Рамазана новый день. В надчинковой полосе, поросшей густой травой, без умолку «били» перепела — «подь-полоть», «подь-полоть». Схватывая на лету насекомых, низко над землей носились ласточки-береговушки, гнездящиеся большими колониями на отвесных кручах Устюртского чинка. Близкое дыхание Аральского моря звало Рамазана к последнему броску.

Два месяца назад, отправляясь в шестисоткилометровое путешествие сквозь пески Сам и щебенистую пустыню плато Устюрт, Рамазан въезжал в пределы Туранской низменности на верблюде и в сопровождении охотничьих собак. Сейчас же, к концу путешествия, вытянувшись в длинную веревочку, за юношей, восседавшим на полудиком баране Аркале, послушно брел навьюченный ослик Актангер, на спине которого расположились гепард

Красавчик и ворон Гоша. За ним на длинном аркане брели строптивая коза Белка и козочка Дымка. Впереди пестрой кавалькады, как бы расчищая путь, челноком носилась волчица Хобда, задерживаясь временами над пасущимися среднеазиатскими черепахами.

Спокойный подъем незаметно перешел в дорогу с множеством колдобин, наполненных дождевой водой. Рамазан радовался обилию пресной воды, так как ему предстоял еще неблизкий путь до озера Судочье, плескавшегося у подножья Устюртского чинка.

Неожиданно со 120-метрового уступа-чинка перед восторженным взором Рамазана предстала лежавшая на стыке трех пустынь: Каракумы, Кызылкум и плато Устюрт — лазурная гладь Аральского моря с идущим в порт Муйнак пароходом. Дикая красота отвесных круч чинка, шум прибоя, глубокий синий цвет моря, сливающегося на горизонте с небом, навсегда покорили сердце Рамазана.

Аральское море — природный феномен с драматической судьбой, жизнь которого полностью зависит от настроения Сырдарьи, спокойно несущей свои воды с заснеженных вершин Тянь-Шаня, и своенравной Амударьи, питающейся в основном за счет ледников Памира и Гиндукуша. До конца XIV века Амударья трижды отворачивалась от высохшего почти до дна Аральского моря и устремлялась на запад в Сарыкамышскую впадину и далее — по древнему руслу Узбоя в Каспийское море, по которому ходили небольшие суда. В середине XVII века, проложив новое русло, Амударья потекла на север и до краев наполнила умирающее море. Кочевники-скотоводы, глядя на сверкающее бирюзой бессточное озеро, любовно называли его Синим морем. Аральским оно было названо позже, по имени хорошо известного в то далекое время знатного и богатого кочевника-скотовода Арала.

Аральское море, занимавшее в 1946 году площадь в 66 тысяч километров, в два раза превышало размеры озера Байкал, имело максимальную глубину у чинка 69 метров, а вода была настолько прозрачной, что даже невооруженным глазом сквозь ее толщу можно было разглядеть плавающую рыбу на глубине до 27 метров. В противоположность большинству озер Северного полушария течение в море движется по часовой стрелке. Если летом поверхность воды прогревается до +25, то на большой глубине по-прежнему остается — 1. Влияние этой бесценной жемчужины на стыке трех пустынь распространялось в радиусе 200—250 километров, а воздействие влажного

воздуха — на 300—350 километров, что оказывало положительное воздействие на формирование благоприятной погоды в регионе.

В конце XIX века на побережье Аральского моря пришли первые русские казаки, которые наладили промысловый лов рыбы. Первое время вылавливали самые ценные виды рыб — шип, севрюга, усач. С истощением их запасов в начале XX века в больших количествах промышлялись аральский жерех, лещ, которые шли на копчение и славились далеко за пределами Туркестана. На голубой ниве Аральского моря и прилегающих к нему озерах дельты Амударьи добывалось до 600 тысяч центнеров рыбы. С 1948 года с падением уровня воды началось заметное снижение лова рыбы. Но даже при самом большом понижении уровня воды Арал не умрет от безводья и всегда будет сверкать голубым глазком, вытянувшись вдоль Устюртского чинка.

Два дня прожил Рамазан на Устюртском чинке, любясь с его гигантской высоты удивительным и неповторимым по многообразию цветов, красок и оттенков Аральским морем. Какая-то непередаваемая радость охватывала его по утрам. Сидя на краю отвесного чинка и любясь еще погруженным в сладкую дремоту морем, он ждал восхода солнца. Наконец вслед за веером огненных лучей, брызнувших из морской пучины, показывался краешек, а затем выкатывался весь раскаленный шар, одновременно с которым по поверхности моря, искрясь, бежала золотая дорожка. Чем выше поднималось солнце, тем короче становился ее путь по воде, а вскоре она пропадала совсем. Ночью короткую серебряную дорожку прокладывала поднимающаяся над морем луна. Над головой Рамазана, прочертив кусочек неба, упала звезда. Из прочитанной когда-то книги по астрономии он знал, что это была не падающая звезда, а метеоритный след, который представляет собой своеобразную ионизированную трубу, выходящую за пределы энергетической оболочки Земли. Сейчас, наблюдая за звездным небом и падающей звездой, Рамазан сосредоточился на той точке пространства, в которой она исчезла, и загадал сокровенное желание.

Крутизна Устюртского чинка не позволяла Рамазану спуститься к воде, и он, круто повернув на юг, продолжил путешествие к заветной цели — озеру Судочье. Ему не терпелось спуститься к морю, окунуться в его невероятно прозрачные воды, а наловив рыбы, сварить уху и

угостить ею всех членов его большой компании. Увидев звериную тропу, тонкой змейкой сбегающую по уступам на террасу, нависшую большим козырьком над морем, решил понаблюдать за жизнью обитателей чинка. Отступив от чинка и разбив бивуак в глубокой лощине, Рамазан вернулся к заинтересовавшей его тропе. Недалеко от спуска он устроил из травы скрадок и, затаившись, стал ждать, поглядывая украдкой на террасу.

Еще солнце не коснулось горизонта, как на затененном «пятачке» неожиданно появился красно-песочного цвета зверь, напоминающий лесную рысь. Те же высокие сильные ноги, куцый хвост, а на кончиках больших ушей — кисточки. Поджарое тело каракала помогает ему быстро бегать и совершать пятиметровые прыжки в погоне за жертвой. Зная о том, что котята каракала легко приручаются и впоследствии становятся незаменимыми охотниками на зайцев, молодых сайгаков и дроф, Рамазан решил обзавестись одним котенком.

Привязав конец веревки за надежный куст и спустившись на террасу, он увидел неглубокую нишу, а в ней шесть забавных рыжих котят, которых опекала заботливая мать. От неожиданной встречи с человеком зверь отскочил на край карниза, выгнул в дугу спину и, широко раскрыв пасть с мощными острыми зубами, громко и резко зашипел. Зная, что, даже рассерженный, каракал никогда не прыгнет на человека и не пустит в ход клыки и когти, как это делает лесная рысь, Рамазан оттеснил от ниши мать-кошку, подхватил выбежавшего ему навстречу любопытного котенка и, запихнув его под рубашку, выбрался наверх.

Собирая экзотических животных и приручая их, Рамазан не преследовал цели обзавестись грозной стаей для охоты на зверей. Он желал лишь одного: более тесного общения с дикой природой, благотворно влияющей на человека и развивающей в нем чувство прекрасного. Он представлял себя вожаком стаи, которому беспрекословно подчинялись все ее члены. Каждый раз, засыпая, Рамазан представлял себе необычное зрелище, как бок о бок пьют из озера воду непримиримые враги: гепард, волк, аркал и каракал попеременно с безобидными козами и ослом, на крупе которого сидит пустынный ворон и кричит во все свое широкое горло «бар-ран дур-рак, Гоша хор-роший».

Глядя на своих питомцев, Рамазан терялся в догадках, будут ли они, такие разные, друзьями в одной большой семье. Он еще не подозревал, что вольное содержание

диких животных в естественной среде обитания, наблюдение за их поведением дадут ему, юному натуралисту, немало интересного материала для его будущих рассказов о животных, из которых впоследствии родятся первые книги о природе Средней Азии.

Утром, просматривая в бинокль предстоящий путь вдоль Устюртского чинка, Рамазан увидел сквозь туманную дымку южную оконечность Аральского моря, за которой начинались непролазные тугайные джунгли, где живет краса зверей — туранский тигр. Чем ярче разгорался день, тем чаще плыли со стороны рыбацкого поселка Учсай в залив Аджибай мотофелюги, тащившие за собой длинные лодки для транспортировки попавшей в ставные сети рыбы.

На спуске с Устюртского чинка на южный берег залива Аджибай Рамазан чуть было не въехал в скопление гремучих змей, совершавших брачный ритуал. Возбужденные самцы, не обращая внимания на грозящую им опасность, продолжали поединки за обладание самкой. Отягощенный громоздким хозяйством, Рамазан не смог подать назад, чтобы объехать змей. Оставалось только ждать, когда самцы щитомордников доведут поединки до победного конца. Поднявшись на одну треть своей длины, возбужденные «кавалеры» в своеобразном ритме насккивали друг на друга, до изнеможения били передней частью туловища, а сплетаясь плотным жгутом, старались прижать один другого к земле. Стоило более сильному самцу положить на «лопатки» более слабого, как побежденный щитомордник торопливо уползал с поля боя. Возбужденный самец-победитель длиной до метра, с разбросанными по серовато-бурой спине черными поперечными пятнами, лежал посреди тропы на плоском камне и угрожающе шипел. Чтобы получше рассмотреть красивый рисунок на коже щитомордника, Рамазан спустился с Аркала и подошел к змее. Она же, почувствовав опасность, свернулась в петлю и, слегка приподняв голову, сделала в его сторону несколько резких выпадов. В этот момент кончик короткого заостренного хвоста у рассерженного щитомордника сильно колебался, отчего был четко слышен вибрирующий звук. Жаль, что на конце хвоста у него не было погремушки, которая бы наверняка развеселила юношу. С помощью черенка от цыганского кнута Рамазан откинул агрессивного самца в сторону лежавшей на солнцепеке самки и, взобравшись на Аркала, продолжил спуск к морю.

Щитомордник является в Средней Азии единственным представителем семейства гремучих змей, распространенных в Америке и Восточной Азии. Большинство змей, обитающих на этой территории Средней Азии, неядовиты, и только пять из них представляют опасность для человека — это среднеазиатская кобра, гюрза, песчаная эфа, степная гадюка и обыкновенный щитомордник. Щитомордник — яйцеживородящая змея. В ее яйцеводах развивается от 4 до 12 яиц. Когда зародыш полностью разовьется, он разрывает оболочку и крошечные змейки выходят наружу.

Спустившись с Устюртского чинка в дельту Амударьи и не развьючивая Актангера, Рамазан поспешил к морю. Почти с молитвенным чувством он зачерпнул пригоршню морской воды и с жадностью выпил горьковато-соленую влагу, но не от жажды, а от благоговения перед Синим морем, которое жило в его раннем детстве в сказках, озаряло и согревало во время путешествия своим далеким светом.

Соленую морскую воду можно пить, но не более одного литра в сутки и только в течение 7—8 дней. Если пить дольше, то возникает тяжелое заболевание почек, которые уже будут не в состоянии опреснять воду, и человек погибнет.

Накатывающиеся на песчаный берег шаловливые волны манили Рамазана в свои теплые и ласковые объятия. Отступив со своим громоздким хозяйством от воды к зарослям, он отпустил животных погостить, разбил бивуак и потом снова поспешил со своими зверятами и воро-

ном Гошей к сверкающему бирюзовой гладью морю. Недалеко от берега, ворча мотором, проплывала мотофелюга, тащившая за собой тяжело нагруженную лодку с ночным уловом. Увидев на берегу необычную картину, рыбаки заглушили мотор и в недоумении стали рассматривать человека, легко и свободно бегающего по прибрежному песку на руках вместе с резвящимися вокруг него симпатичными зверьками. Любопытство заставило рыбаков снова запустить мотор и осторожно, чтобы не сесть на мель, подплыть поближе к берегу.

— Эй, артист! Ты откуда тут взялся? — прокричал пожилой шкипер-каракалпак.

— С Устюрта я пришел, а вернее, с Эмбы! — махнув рукой за гребень чинка, ответил Рамазан.

— Ей-ей, куда замахнулся! Видать, ты мастер врать! — потешаясь над ним, не унимался развеселившийся рыбак.

— Да нет, я не вру! Почти два месяца добирался до Аральского моря, и вот с вами, неверующими, повстречался, — с обидой ответил Рамазан.

Поняв наконец, что паренек говорит правду, рыбаки бросили якорь, сняли с себя лишнюю одежду, захватили с собой казан, канистру с пресной водой, трех крупных сазанов и по мелкой воде выбрались на берег.

— Здравствуй, отчаянная головушка! Пока мы тут ухой займемся, расскажи нам, ради чего пришлось тебе преодолеть такое гиблое место, как Устюрт, — пожимая руку смелому путешественнику, попросил шкипер.

И Рамазан постарался кратко описать свое необычное путешествие. Высадившиеся на берег рыбаки, хотя и слушали его с большим вниманием, были заняты своим делом: один чистил рыбу, другой налаживал костер из валежника, третий, помыв пшено, занялся луком.

В стороне, положив голову на вытянутые передние лапы, лежала волчица Хобда и временами рычала, выражая таким образом свое недовольство пришельцам с моря.

— Что с ней? — прервав на полуслове Рамазана, спросил забеспокоившийся рыбак.

— Да-а, обиделась! Привыкла лежать рядом со мной, а тут вы нежданно-негаданно появились, вот и сердится! — как мог оправдывал свою любимицу Рамазан и, бросив в ее сторону пристальный взгляд, резко свистнул.

Вместо того, чтобы мчаться на зов повелителя, Хобда вскочила на ноги, в нерешительности покрутилась на

одном месте и с недовольным ворчаньем поплелась к одинокому кусту тамариска, где в тени, наслаждаясь прохладой, расположились каракал Арстан и ворон Гоша.

Когда Рамазан рассказал о цели своего рискованного путешествия, бывалый шкипер дал ему хороший совет:

— Когда доберешься до рыбацкого поселка Урга, попросись на работу к рыбакам. Возьми самую большую лодку, оборудуй ее и лови ставными сетями рыбу. Кроме хорошего заработка, ты быстро наберешься сил, окрепнешь, а дав большую нагрузку на позвоночник, глядишь, через год-другой станешь молодцом.

Рамазан стремился на озеро Судочье не столько за тем, чтобы ловить рыбу и безбедно жить, а чтобы упорно работать над своим телом, пока оно молодо и податливо. «Если годам к двадцати мне удастся побороть недуг и встать на ноги, — рассуждал Рамазан, — то постараюсь добиться в жизни чего-нибудь особенного».

Необычные способности и жизненный принцип смотреть далеко вперед были заложены в характере юноши, и их нельзя было ни выжечь огнем, ни утопить в воде. В нем жил дух состязания, желание во всем быть победителем.

Всматриваясь в лица двух рыбаков, идущих из зарослей тугая с охапками хвороста для костра и прислушиваясь к их разговору, Рамазан был крайне удивлен одним обстоятельством: тот, что шел легко и свободно и выглядел еще молодцом лет пятидесяти, называл сгорбленного, дряхлого старца с испитым лицом своим сыном. Прочитав на лице юноши недоумение, шкипер поспешил внести ясность:

— Вот что значит здоровый образ жизни отца и бесшабашный — его сына, потратившего свою жизнь на частые выпивки и курение «травки».

Бросив у костра топливо, сорокавосьмилетний старец с тяжелым вздохом опустился на песок и, с трудом переводя дыхание, принялся вытирать поясным платком обильно выступивший пот. Отец же его, семидесятилетний молодец, ясным взглядом осмотрел берег и, приметив невдалеке у воды выброшенный волнами плавник, направился к нему.

— Максет! Ты случаем не на зарядку? — нарочито громко спросил рыбака шкипер.

Отмахнувшись от шутника, рыбак легкой походкой продолжил путь, шурша прибрежным песком.

— Послушай, Максет! Ты парня захвати с собой. Ему

ой-ой как нужна твоя гимнастика! — попросил за Рамазана шкипер.

Задумавшись, Максет замедлил шаги и, повернувшись вполоборота, жестом дал понять Рамазану, чтобы тот следовал за ним. Так и не сообразив толком, о чем идет речь и лишь уловив многообещающее слово «гимнастика», юноша поспешил на руках вслед за человеком, который внушал ему полное доверие.

Подойдя к куче плавника, бывалый рыбак, очистив ногой землю от песка и опустившись на захрустевший под его тяжестью тростник, принялся снимать легкие брезентовые сапоги. С отцовской нежностью он всматривался в не по-детски суровое лицо юноши и, переведя взгляд на его лежавшие на песке ноги-прутики, сказал со вздохом:

— Да, мой юный друг! Для укрепления позвоночника тебе крайне необходимо делать изо дня в день особую гимнастику. А повседневная гребля, мах вперед — рывок назад, во время лова рыбы будет тебе хорошим подспорьем к ней. Со временем твое тело очистится от мертвых клеток и родятся новые. Все это я испытал на себе за последние двадцать лет и, как видишь, пошло на пользу.

Сняв широкополую шляпу, сплетенную из рогоза, рыбак сказал тихо и как бы с состраданием:

— Как ты догадался, эту гимнастику можно делать сидя. А теперь смотри внимательно и повторяй за мной все, что я буду делать, — решительно сказал Максет и, собрав в щепоть пальцы правой руки, нащупал центр головы и начал быстрое вращение по часовой стрелке, а затем против часовой, и так по двадцать пять раз.

Сделав первое упражнение с некоторым опозданием, Рамазан приступил ко второму. Нашупав на затылке выступ (мозжечок), Рамазан повторил вслед за рыбаком вращение по ходу солнца и обратно. Третье упражнение было проделано на висках. Четвертое показалось Рамазану странным: повторяя за учителем, он принялся пилить ребром указательного пальца переносицу (гипофиз), затем (это уже было пятое упражнение) перескочив с нее на надбровья, указательными пальцами стал водить по изгибам бровей. На шестом упражнении произошла неприятная заминка. Вращая по ходу солнца головой, на шестом витке Рамазан замедлил движение и, медленно склонившись влево, замер.

— Что случилось? — встревожился Максет.

— Голова закружилась, — невнятно ответил Рамазан.

— Видать, при падении с дерева твоей головушке тоже

досталось. Но не отчаивайся и продолжай делать изо дня в день упражнение, и глядишь, через месяц-другой головокружение прекратится, — успокаивал Рамазана рыбак.

Седьмое упражнение — вращение головой влево, а затем вправо и обратно — стоило юноше всего лишь легкого головокружения. При выполнении восьмого, где требовалось резко поднять плечи вверх, а голову откинуть назад, Рамазан невольно схватился за поясницу, проговорив с трудом:

— Позвоночник так кольнуло, что мочи нет терпеть.

— Терпи! — произнес рыбак почти с яростью. — Лечиться так лечиться, наперекор всем болям!

Последние два упражнения, связанные с ушными раковинами, были несложными и даже позабавили Рамазана. Взявшись большим и указательным пальцами за мочку, он, повторяя движения Максета, резко дернул ее вниз. Затем, перехватив, рванул мочку назад. Десятое, последнее, упражнение было настолько приятным, что Рамазан проделал его больше двадцати пяти раз. С одобрения Максета, ухватившись за верх ушных раковин, он резким движением вывернул ее вверх, а затем крутнул вниз.

— Желательно эту гимнастику делать каждый день и всю жизнь, — советовал Максет, добавив с уверенностью: — Быстро чуда не жди, но со временем ты почувствуешь благотворное воздействие упражнений на весь организм и особенно на поврежденный позвоночник. Да и живя на природе, где много солнца, воды, а по утрам веют благотворные ветры, постарайся выработать такую систему, чтобы в ближайшие два-три года встать на ноги, — выразил надежду Максет и, поставив ступни ног на пяткачок, принялся стучать пятками о землю.

Пытаясь повторить за рыбаком упражнение, Рамазан разрыл песок и, ухватившись за костлявые ступни безжизненных ног, пытался стучать пятками о землю. Отстучав сорок раз, Максет лег грудью на песок и, упершись руками о твердую землю, быстро и легко отжался двадцать раз. О выполнении подобного упражнения Рамазан не мог и мечтать. Завершая утреннюю гимнастику, семидесятилетний «старик», биологический возраст которого не превышал и пятидесяти, за один прием встал на голову и, постояв с минуту, резким броском перекувыркнулся через спину и встал на ноги.

Все выше и выше поднималось солнце, от чего поверхность моря стала бирюзовой с играющими на ней золотис-

тыми бликами-монистами. Ухватив влажными носами запах, распространяемый по берегу кипящей ухой, котят покинули тень и заспешили к костру. Первым бежал Красавчик, за ним, сливаясь с цветом морского песка, спешил Арстан, и наконец, отставая от своих друзей, важно вышагивал Гоша. Приблизившись к костру, котят плюхнулись на песок и, положив свои симпатичные мордочки на еще прохладный песок, замерли в ожидании. Один из рыбаков попытался приласкать каракала, но тот, угрожающе фыркнув, вскочил на длинные ноги и, широко раскрыв пасть, показал ему недавно появившиеся крошечные клыки. Гепард вел себя дружелюбно, охотно принимая ласки гостей и лишь покрхтывая от удовольствия.

Позавтракав в кругу необычной компании, рыбаки стали собираться в дорогу. Желая облегчить путешественникам дальнейший путь, они наполнили пресной водой опустевшие за длинную дорогу бурдюки, оставили на берегу банку соли и полмешка рыбы.

— Это вам, Рамазан, на первое время, а когда доберетесь до озера, глядишь, и сам наловишь, — с подбадривающей ноткой в голосе произнес шкипер.

Рамазан хоть и спешил на озеро Судочье, чтобы поставить точку в затянувшемся путешествии, но море, покрывшее его своей красотой и величием, приковало к себе. Накатывающиеся на песчаный берег шаловливые волны будто шептали ему: «Не спеши, побудь со мной еще день-другой, а там и отправляйся к своей заветной цели».

В полдень солнце так раскалило песок, что все четвероногие друзья поспешили укрыться в тень под густыми кронами сизолистных туранг. Для Рамазана, намерзшего на плато Устюрт, горячие лучи солнца были только в радость. Проводив долгим взглядом уплывающее за горизонт судно, он сбросил с себя одежду и, войдя в воду, поплыл, резко взмахивая сильными руками. Поплавав, он решил нырнуть, но тут на берег прибежала Хобда и, не увидев своего повелителя, принялась бегать вдоль берега и поскуливать. С появлением на поверхности Рамазана она бросилась к нему навстречу. Не успела Хобда подплыть, как он снова нырнул и вынырнул далеко позади нее. Такая игра продолжалась бы бесконечно долго, если бы не прилетел ворон Гоша и, раскинув крылья, не принялся кричать и звать на берег не в меру расшалившихся купальщиков.

С наступлением сумерек полчища комаров атаковали все живое. Под их монотонную музыку Рамазан поста-

вил палатку и, забравшись в нее со своими питомцами, закрыл вход. Всю ночь над палаткой стоял гул многотысячной армии наседавших насекомых, пытавшихся проникнуть вовнутрь. Сообразительные Актангер, Белка и Аркал покинули кишасий комарами тугай и ушли на открытый всем ветрам берег моря, где значительно легче перенести надоедливых насекомых. В полночь Рамазана разбудил вой одинокого зверя, не похожий на волчий. Его подхватили другие, и полилась в ночи душераздирающая какофония вышедших на охоту шакалов. Так юный натуралист впервые познакомился с этим вороватым хищником.

Утром, когда первые лучи солнца озарили вершины тугая, отовсюду послышалось робкое цоканье токующих фазанов. Во время кормления каракала и гепарда козьим молоком Рамазан увидел в прогале между кустами джунгли нарядного петуха с длинным оранжевым хвостом, так похожего своим ярким оперением на сказочную жарптицу. Постояв с минуту, он встрепнулся, издал крик «трр-док», раскинул крылья и убежал в глубину тугая.

Чем выше поднималось солнце, тем жарче становился день, отчего передвигаться в непродуваемой подчинковой полосе становилось все труднее. С одной стороны дороги маячила отвесная стена чинка, с другой — непролазные заросли тугая, гасившие малейшее движение воздуха. Не

выдержав нелегкой дороги, Рамазан решил выбраться наверх, где всегда веет ветерок. Отыскивая звериную тропу с более спокойным подъемом, он наткнулся на место, где произошел обвал, который в некоторых местах перекрыл проселочную дорогу. Объезжая завал, Рамазан заметил у стены чинка перепархивающего с глыбы на глыбу потревоженного им филина. Прикинув, что гнездо хищника находится у подошвы кручи, решил отыскать его там.

Рамазану давно хотелось иметь в своем маленьком зоосаде эту красивую и умную птицу. Зная по собственному опыту, что его гнездо легко найти по объедкам и погадкам, приступил к поиску. Лагая среды глыб, отслоившихся от чинка, он обнаружил черепа зайцев-толаев, высохшие шкурки ежей, утиные перья, панцири черепах, а под нависшей козырьком глыбой увидел трех пучеглазых птенцов. Только протянул руку, чтобы взять одного вполне оперившегося малыша, как тот, распушив перья, устрашающее защелкал клювом. Взяв самого крепкого птенца и сунув его в походный мешочек, Рамазан выбрался из завала.

Отыскав звериную тропу с более спокойным подъемом, путешественники выбрались на гребень чинка, где сразу почувствовали легкое дуновение ветерка. Медленно передвигаясь по скотоперегонной дороге к озеру Судочье, Рамазан из любопытства не раз подъезжал к краю чинка и, вооружившись биноклем, тщательно просматривал тугаи дельты в надежде увидеть красавца оленя-хангула¹ или грозного туранского тигра. Но кроме не в меру расплодившихся зайцев-толаев и фазанов ничего другого он не обнаружил.

На третий день пути небольшим зеркальцем сверкнуло впереди озеро с раскинувшимся на берегу рыбацким поселком. Достав карту и заглянув в нее, Рамазан обнаружил, что подъезжает к небольшому озеру Каратеренг, за которым просматривался перешеек, отделявший его от озера Судочье. Не доехав до поселка Урга, Рамазан спустился с Устюртского чинка и, подъехав к озеру, разбил на берегу бивуак. Сварив обед, он накормил своих питомцев, а чтобы они за ним не увязались, закрыл их в палатке. Сев на Актангера, юноша поехал на разведку в поселок один. Он не мыслил своего появления там в сопровождении живописной компании.

¹ Хангул — королевский цветок (узб.).

Когда Рамазан въехал в поселок, на него мало кто обратил внимание. В рыбацком поселке Урга с его добротными и электрифицированными домами проживало около тысячи человек (до 1920 года здесь жило четыре тысячи рыбаков), имелись дизельная электростанция, средняя школа, холодильные установки, цеха по переработке рыбы. Подъехав к конторе, которую указала женщина-каракалпачка с большим тюрбаном на голове, Рамазан спросил у сидевших на скамейке мужчин:

— Как мне увидеть вашего начальника? Поговорить надо.

— Курбанбаев в конторе, заходи, не стесняйся! — ответил молодой рыбак и, скользнув глазами по замешкавшемуся было незнакомцу и задержав взгляд на его тонких безжизненно висевших ногах, произнес: — Не спеши слезать с ишака, я сейчас сам позову Икрама.

На пороге появился высокий, широкоплечий молодой директор. Сбежав по шатким ступенькам крыльца вниз, он подошел к слегка смутившемуся Рамазану и ласково спросил:

— Откуда к нам пожаловал, молодец?

— Издалека я, из-под Оренбурга! — ответил ему Рамазан и, подумав, рассказал все по порядку: о себе, о своем путешествии и его цели, а заодно попросил принять его на работу в качестве рыбака.

— Необыкновенный ты человек, Рамазан, и как такого смелого и решительного парня не взять на работу, — возьмем, только справляйся, — пообещал директор.

— Я хотел бы жить и работать на озере Судочье. В поселке мне никак нельзя, — робко попросил Рамазан.

— Жить в поселке и постоянно общаться с людьми намного интереснее, чем прозябать на отшибе, — пытался отговорить его директор.

— Я не один, со мной небольшой зверинец с прирученными птицами и зверями, так что мне есть с кем общаться, — как бы оправдываясь, объяснил Рамазан.

— Где же твой ходячий зоопарк? — спросил директор.

— Там, на берегу озера, поджидает меня, — махнул цыганским кнутом Рамазан.

— Как бы посмотреть на твоих животных? — загорелся желаньем директор.

— Посмотреть можно, но только не сейчас. Вот определюсь с работой, построю жилье, обживусь как следует, а там приезжайте в гости.

Получив письменное распоряжение на имя бригадира

рыбачкой артели, проживающего на берегу озера Судочье в строящемся поселке Тайли, окрыленный Рамазан погнал Актангера обратно вскачь.

Прискакав на бивуак, Рамазан свернул палатку, навьючил Актангера и, сев на Аркала, поехал в сторону чинка. Поднявшись на плато Устюрт, объехал стороной Ургу и только через три километра вернулся на край чинка.

С шестидесятиметровой высоты Устюртского чинка перед юношей во всем великолепии предстала гигантская чаша озера его мечты. На больших плесах, расчерченных изумрудной зеленью из тростника и рогоза, плавали лебеди-шипуны, розовые пеликаны, серые гуси, разноцветным ковром устилали гладь озера утки, над водой с пронзительным криком носились стайки куликов, сложив крылья, падали с высоты за добычей чайки и крачки. Шел май, пора массового гнездовья озерных птиц, и Рамазан увидел в основном холостых самцов. Самочки же в это время, забившись в тростниковые крепи, сидели на яйцах, а некоторые, скрываясь от зорких глаз пернатых хищников, водили за собой недавно появившихся на свет пуховых птенцов. При виде такого множества птиц Рамазана охватило чувство неподдельного восхищения.

Все то, что предстало перед его взором, было всего лишь малой толикой массы гнездящихся птиц на озере,

занимавшем площадь в 353 квадратных километра. На расстоянии 15—20 километров от берега, куда не заглядывает человек, на зарослях тростника гнездятся каравайки, колпицы, большие и малые бакланы, лебеди, пеликаны, кваквы, серые, рыжие, белые, желтые и египетские цапли. Все они нашли здесь покой для высиживания яиц и выращивания потомства. Не зря биологи называют озеро Судочье резерватом птиц.

До 1933 года озеро было пресным, затем, в зависимости от поступления воды из Амударьи, оно то осолонялось, то опреснялось. В 1946 году, когда Рамазан достиг озера, благодаря каналу Раушан оно в северной части было пресным, а в южной — полупресным. В зимнее время ледостав на озере наступает в декабре и тянется 1,5—2 месяца, а толщина ледяного покрова достигает 30—50 сантиметров. В марте озеро очищается ото льда, и тысячи птиц, совершающих ежегодные перелеты на север, находят здесь корм и отдых.

Не заезжая в рыбацкий поселок Тайли, Рамазан проехал вперед еще два километра и, найдя у подножья чинка сочившийся родничок, по соседству с которым возвышался выступ с обзором на три стороны, решил использовать его под строительство жилья. Спустившись с чинка, он развьючил Актангера и, присев у скалы со своими шаловливыми питомцами, произнес:

— Наконец-то я достиг своей первой цели. Здесь, среди царства непуганых птиц, я буду жить, ловить рыбу и постараюсь вернуть подвижность ногам.

Оставив на попечение волчицы малышей, Рамазан укакал на Актангере в поселок Тайли. Отыскав у причала бригадира Ким Сергея Ивановича, Рамазан подал ему распоряжение директора. Внимательно прочитав его, тот в недоумении посмотрел на ноги-плети юноши и спросил:

— Чем же ты будешь упираться в дно лодки? Ноги-то у тебя непригодны для гребли? — сокрушенно покачивая головой, заметил бригадир.

— Приспособлюсь, у меня уже есть опыт, — уверенно ответил Рамазан.

— Выбирай пока посудину вон из тех свободных лодок, а потом подходи ко мне.

Лодку будущий рыбак выбрал длинную и узкую, чтобы легко проходила сквозь тростниковые заросли. На ее корме он решил соорудить навес в виде арки, под крышей которого можно было отсидеться в непогоду ему и его питомцам. Получив со склада две ставные сети по двести

метров каждая, котел, полбухты пеньковой веревки, кирочку и топор и погрузив все на Актангера, отвез к лодке. Спросив у Сергея Ивановича, в какое время дня можно привозить улов для сдачи и попросив у него неделю на обустройство, поплыл на бивуак.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ДОМ НАД ОЗЕРОМ

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Дом над озером. В театре Дикой природы. Сом-убийца. Птица утренней зари. Первые признаки выздоровления. Урок охотникам-хищникам. Желанные гости

В далеком прошлом на скалистых мысах Устюртского чинка кочевники-скотоводы строили цепь небольших укреплений, служивших им естественной защитой от врагов¹. Отвесные кручи чинка были покрыты слоем кристаллического «шестоватого» гипса, который от прикосновения огня превращается в серый порошок, похожий на тальк, что позволяет легко вгрызаться в его отвесную стену. Собрав выброшенный штормом плавник, Рамазан разложил у подножья чинка три больших костра. Языки пламени жадно лизали гипс, который, превращаясь в порошок, делал неприступную скалу пористой. С помощью кирки Рамазан свободно вгрызался в отвесную скалу, и через неделю ему удалось выкопать три глубоких ниши со сводами в виде арки и высокими порошками, чтобы туда не заскакивали ящерицы, змеи, фаланги и скорпионы. Одну из них Рамазан приспособил под склад, где на первое время устроил для себя ложе. В другую поселил каракала и гепарда. Третья ниша была предназначена для Аркала, Актангера и коз на случай непогоды.

Переделав в лодке сиденье так, чтобы сложенные калачиком безжизненные ноги упирались в брус, Рамазан спустился к воде, намереваясь поставить на ночь сети. Внутренний голос подсказывал ему, что при постоянной нагрузке на больные ноги и позвоночник во время гребли можно будет разбудить в них жизнь. На пути ему часто попадались утки-кряквы, красноносые нырки, связи, а

¹ С середины XVIII века Каракалпакия была разделена на враждующие между собой роды и племена, становившиеся легкой добычей джунгарского и хивинского ханов. Чтобы обезопасить себя от опустошительных набегов соседей, в 1743 году в Санкт-Петербург прибыл самый авторитетный из многочисленных каракалпакских биев Маман и добился добровольного присоединения Каракалпакии к России.

кружившиеся над ним серебристые чайки-хохотуны смеялись настолько заразительно, что на сосредоточенном лице Рамазана появлялась широкая улыбка. Перекрыв сетями в двух местах широкие плесы, он развернул лодку и, широко взмахивая веслами, поплыл к берегу, над которым высокой стеной вздымался чинк, на вершине которого маячил как ориентир геодезический знак¹. Проплывая через час мимо установленной сети, юный рыбовод обратил внимание на танцующие поплавки. Обрадовавшись первой удаче, подплыл к ним и, приподняв часть сети, увидел в ней более десятка сазанов, по три-пять килограммов каждый. О такой добычливой рыбалке он не мог и мечтать. Вынув из сети трех самых больших рыб, он вернулся перед закатом солнца на бивуак.

Попивая из кружки янтарный бульон из тройной ухи, Рамазан долго всматривался на взметнувшуюся к небу вертикальную стену Устюртского чинка, обдумывая план работы на тридцатиметровой высоте. Прикинув, решил завтра же после сдачи улова приступить к строительству дома-крепости, обращенного окнами-бойницами на север и юг, а дверью на восток, чтобы каждое утро встречать восход солнца.

Такому дому не будут страшны ни знойное полуденное солнце, ни холодные дожди и метели. Летом в нем будет прохладно, а зимой тепло от прогретого за лето чинка. В него не проникнуть ни вору, ни змее, ни зверю, а главное — открывался обзор на озеро и подчинковую полосу, на которой паслись Актангер, Аркал и козы.

Ночь на плато Устюрт наступает внезапно. Только Рамазан коснулся головой травяной подушки, как тут же провалился в глубокий сон. Серый рассвет, проникнув в палатку, разбудил чутко спавшего Рамазана, и он, сделав, как обычно по утрам, гимнастику, выбрался из палатки наружу.

У входа, охраняя покой повелителя, лежала волчица Хобда. Соскочив с лежки, она, помахивая хвостом, пристально всматривалась ему в лицо, просясь вместе с ним на рыбалку.

Не успел еще разгореться день, как начинающий рыбовод уже выбирал из сети трепещущую рыбу и складывал ее в резко оседавшую лодку. Рыбы попало так много, что Рамазан, боясь утопить суденышко, плавно

¹ Геодезические знаки строятся на возвышенных местах высотой 6 и более метров. С них топографами ведется геодезическая съемка местности для составления карт и пр.

взмахивая веслами, медленно поплыл на приемный пункт. Рассматривая улов, он пришел к выводу, что в озере Судочье, где в год добывается более 20 тысяч центнеров рыбы, в основном обитает сазан, значительно меньше усача, леща, щуки, жереха, воблы и сома. Преодолев более чем двухкилометровый путь на перегруженной рыбной лодке, довольный Рамазан приплыл на приемный пункт первым. Причалив к месту выгрузки, терпеливо стал дожидаться приемщика.

Приемщик приехал на грузовой автомашине тогда, когда к причалу стали подтягиваться другие рыбаки. Увидев в лодке незнакомого рыбака, а рядом с ним волчицу, робко подошел к нему.

— Вот так рыбачок-новичок, сколько рыбы наловил! — покачивая головой, восторгался приемщик. — Где же ты ставил сети?

— В двух километрах отсюда.

— Далековато заплыл, но зато там глубже и рыба покрупнее, — подбодрил начинающего рыболова приемщик и, взяв носилки, поставил их у лодки. — Сейчас проверим, сколько весит твой улов.

Нагрузив носилки рыбой, Рамазан виновато посмотрел на приемщика, и тот, поняв его, подозвал двух рыбаков. Его улов составил 425 килограммов. При выписке накладной, по которой выплачивалась зарплата, Рамазан попросил приемщика, чтобы 25 килограммов вписали тем рыбакам, которые помогли ему. Для своей большой семьи Рамазан оставил на дне лодки крупного сома, двух сазанов, лещей и воблу для засолки.

Довольный своим первым уловом, на бивуак юный рыболов возвращался в хорошем настроении, напевая себе что-то под нос. В пути над ним снова кружили серебристые чайки-хохотуньи, и он от души насмехался.

Чтобы вырубить в неприступной скале дом-крепость на высоте 30 метров, Рамазан решил воспользоваться веревкой, кайлом и доской для сиденья. Сев на Аркала-скалолаза и найдя спокойный подъем, забрался на вершину чинка. Накинув петлю на торчавший выступ скалы, сбросил конец веревки с привязанной в середине доской вниз. Чтобы не сорваться, пристегнул себя поясным ремнем к веревке и, заткнув за пояс кирочку, начал спуск. Притормозив на середине веревки и сев на доску, принялся крушить легко поддающуюся породу, состоящую из известняка, мергеля, глины и меловых отложений. Рабо-

тая на большой высоте, Рамазан испытывал невероятное чувство гордости, так как не имел ни малейшего опыта по части скалолазания.

Внизу за непонятными действиями своего повелителя внимательно наблюдала волчица Хобда. Хотя Рамазан работал в тени, но жажда мучила его нестерпимо. Чтобы как-то отвлечься, крикнул вниз:

— Хобда! Привяжи к концу веревки бурдюк, пить хочется, — и, поднеся руку ко рту, показал ей, будто пьет воду. Пытаясь понять, чего хочет от нее повелитель, она нервно перебирала ногами, с собачьей преданностью смотрела на него и поскуливала. Развеселившись, Рамазан еще раз повторил свою просьбу. Видно, сообразив, что от нее требуется, волчица стремглав бросилась в нишу, где была кладовка с запасами воды. И видит Рамазан: бежит вдоль чинка Хобда с небольшим бурдюком в зубах. Оценив невероятную сообразительность волчицы, Рамазан поднялся по веревке наверх и напился.

Волчица Хобда была преданным другом, хорошо запоминала звучные слова, правильно распознавала интонации в голосе своего повелителя. Выучилась выполнять команду без слов — по жестам. Волчица всегда была рада общению с Рамазаном, который часто кормил ее с рук, выражая тем самым свою привязанность к ней.

В течение десяти дней с утра до обеда Рамазан занимался рыбалкой, а во второй половине дня, когда чинк накрывала тень, поднимался по веревке к месту работы, где с помощью кирки или костра, оставленного на ночь,

уверенно врубался в чинк. Когда была вырублена глубокая и просторная пещера с дверным и оконными проемами, встал вопрос о ее благоустройстве. Над окнами-бойницами были вырублены две ниши. В одну из них Рамазан определил на жительство филина Филю, а в другую поселил ворона Гошу. Чтобы воспитать у птиц чувство дома, на первое время им на лапки были одеты нагавки, здесь же они и кормились.

Каменный пол в доме-крепости Рамазан застелил сайгачьими шкурами, которые он снял по дороге с погибших от джута зверей. Поверх них набросал распутившиеся стебли пижмы и полыни, отпугивающие своим запахом комаров и мух. Первыми-самовольными квартирантами стала семья каспийских гекконов. Ночные ящерицы с огромными навывкате глазами в поисках насекомых легко и свободно лазали по вертикальным стенам и потолку. Своим присутствием они ничуть не докучали хозяину квартиры, и он, видя в них лишь пользу, смирился с ними. По соседству с домом Рамазана в отвесной круче жила семья обыкновенных скворцов, а также сова-сплюшка, которая всю ночь напролет кричала «сплю-сплю». Чуть поодаль от нее гнездились красные утки-огари. Каждый раз, посматривая в бинокль на их гнездо с воды, Рамазан терялся в догадках, как появившиеся на свет пуховые птенцы спустятся с отвесной кручи чинка на землю. Через неделю ему удалось увидеть эту картину.

Присев на край гнезда, утка-мать долго уговаривала своих малышей последовать за ней, но так и не дождавшись, слегка подтолкнула на самый край первого птенца-трусишку, и тот, не удержавшись, полетел вниз. За ним следом, словно из рога изобилия, посыпались остальные утята. Приземляясь, они инстинктивно махали крылышками, стараясь смягчить свое падение на землю. Собрав всех малышей под защитой кружившегося над ними огаря-отца, утка-мать повела их на озеро.

У своего причала Рамазан не раз замечал еще одного соседа — зимородка, занятого ловлей мелкой рыбешки, походившего своим ярким оперением скорее на крупную бабочку, чем на птицу. Все совершенство природы сконцентрировалось в этой небольшой птице с длинным клювом-удочкой. В его окраске прекрасно сочетались блеск и переливы кроваво-красных рубинов, зеленых изумрудов, золотистых топазов. С помощью длинного и прочного клюва он вырыл себе в круче чинка дом-нору, где на подстилке из рыбьей чешуи вывел потомство.

Рамазан уделял много внимания своим заметно подросшим питомцам, приручая и обучая их житейским премудростям. Сколько он ни пытался прирастить к купанью Красавчика и Арстана, те категорически отказывались лезть в воду даже при помощи Хобды, которая постоянно заходила в воду освежиться и получала от этого удовольствие. Видно, у малышей сказывался инстинкт водобоязни, как и у всех пустынных зверей, редко пьющих воду за ее неимением и получая ее в основном из добытой жертвы.

Как-то в свободное от работы время Рамазан решил познакомиться с озером и его обитателями. Посадив в лодку своих питомцев, он отправился с ними в дальнее плавание на поиски больших колоний птиц. На самом верху шатрового навеса, сооруженного на корме лодки, сидел вперёдсмотрящий — ворон Гоша и временами издавал звуки «го-го-го», выражая таким образом удовольствие. Примостившись на носу лодки, сидел Филя и, видно, боясь пропустить самое интересное, беспрестанно крутил головой с огромными оранжевыми глазищами, украшенными пучками перьев, похожих на рожки. Боязливые Арстан и Красавчик, встав на задние лапы и положив передние на край борта, пристально смотрели на струю воды, бегущую вслед за лодкой.

Вплывая на небольшой плес, Рамазан резко притормозил веслом. Из редкого тростника, словно виденье, выплыл белым облаком лебедь-шипун и, предупредив свою подружку, сидевшую где-то рядом в гнезде на яйцах, замер на середине плеса. Зрелище было настолько впечатляющим, что Рамазан невольно застыл в изумлении. Придя в себя, он взялся за весла, но лебедь, заподозрив угрозу, раскинул крылья и, хлопая ими об воду, с устрашающим щипеньем устремился на него. Не желая нарушать покой редкостной птицы, Рамазан снова поплыл навстречу неоглядным далям.

Впереди, оглашая водные просторы, разносился далеко по воде неумолчный гомон экзотических птиц, построивших на заламах тростника большой птичий город. Перед его взором предстал своеобразный театр Дикой природы, где сценой была зелень тростника, а птицы, сидевшие на яйцах и кормившие птенцов, — артистами. С расстояния сотни метров с помощью бинокля Рамазан насчитал до двадцати видов птиц, каждый из которых жил своей обособленной колонией.

Первым делом его заинтересовала небольшая колония молчаливых птиц с лопатообразными клювами и рыжими шапочками-хохолками на голове. В глаза бросалось множество гнезд, в которых лежало без всякой подстилки по четыре крупных белых яйца или копошились недавно появившиеся колпики-пуховички, с любопытством рас-

смаatrивающие проплывающую мимо лодку. Не вторгаясь в их жизнь, Рамазан плыл вдоль стены тростника, из-за которой доносился своеобразный птичий говор «лю-лю-лю-лю». Доверчивые птицы были настолько заняты семейными заботами, что не обращали никакого внимания на присутствие человека. У одной пары колпиц лоток гнезда почти касался воды. Боясь, что кладка скоро будет подмочена, рядом они соорудили новое гнездо. Длинным лопатообразным клювом, словно большим пинцетом, кол-

пица осторожно переложила яйца в более надежный дом, и оба довольных родителя уселись рядом, тихо переговариваясь. Взгляд Рамазана невольно задержался еще на одном гнезде. В нем лежало три яйца, из которых одно шевелилось. Притормозив лодку, он стал свидетелем появления на свет новой жизни. Новорожденный колпик пытался встать, но длинные, еще слабые ноги не слушались. Опершись крыльями о гнездо и поддерживая таким образом равновесие, он смотрел на непонятный ему большой мир и тихо попискивал. Боясь нарушить повседневный ритм жизни колонии, Рамазан взялся за весла и поплыл к еще более интересным птицам, громко разговаривающим между собой.

В отличие от белоснежных колпиц каравайки, будучи с ними из одного семейства ибисовых, были одеты в ярко-коричневые сюртуки с блестящим зеленым и фиолетовым оттенком на спине. Подплыв к ближайшему гнезду, на

краю которого сидела птица и, не обращая никакого внимания на человека, тщательно прихорашивалась, а заодно затеняла собой кладку яиц от горячих лучей солнца, Рамазан заглянул в него. Там лежали четыре яйца темно-голубого цвета, а из пятого только что появился черненький птенец.

Громкий отрывистый крик заставил юношу посмотреть вперед вдоль плотной стены из тростника. На приплюснутом островке, поспешно хватая водоросли, большая чомга старалась укрыть от посторонних глаз свою кладку. Управившись, птица бесшумно сошла с гнезда и, стараясь отвлечь от него незваного гостя, как-то неуверенно, боком поплыла.

На своеобразном плавающем островке на мокрых водорослях и листьях тростника лежали четыре крупных темно-бурых яйца, среди которых копошился птенец-первенец. Выбравшись на край плавающего гнезда и увидев приближающуюся лодку, он бросился в воду и, вместо того, чтобы спрятаться в зарослях, с писком поплыл навстречу, помогая себе крылышками. Когда пуховичок подплыл к лодке, Рамазан подставил ему ладонь, и тот, взгромоздясь на нее, успокоился, будто признал в нем своего родителя, которые, издавая тревожные крики, плавали рядом. Птенец, которому от роду было всего несколько часов, по своей окраске совсем не походил на родителей, у которых верх был бурый, а низ белый.

Птенец был настолько живописен, что Рамазан, не отрывая глаз, любовался им. Все тело, начиная от крошечного клюва до самых ног, было расчерчено белыми и бурными параллельными полосками. На его голове красовался ярко-красный клинышек, который в будущем должен перерасти в двойной хохолок. Водворив поднявшего писк полосатика в гнездо, юноша взялся за весла и поплыл прочь. Птенец, не желая оставаться в гнезде один, поплыл за ним следом. Пришлось вернуться, подобрать его и положить на свое место. Сколько Рамазан ни пытался оторваться от птенца, тот всякий раз преследовал его. Устав от него, юноша решил пойти на хитрость. Посадив полосатика в середину кладки яиц, в одном из которых проклюнулся птенец, прикрыл его водорослями и быстро уплыл незамеченный. Уже там, вдали от гнезда, он увидел чомг, медленно подплывающих к островку, и спешащего им навстречу беспокойного малыша.

За тростниковым мысом перед Рамазаном предстала самая большая колония рыбоядных птиц, состоявшая из больших и малых бакланов, насчитывающих не менее тысячи особей. Как только на край гнезда опускалась прилетевшая с добычей взрослая птица, подросшие птенцы поднимали громкий гортанный крик. Каждый из них старался первым схватить принесенную добычу. Если рыба была мелкой, то с ней справлялся любой птенец, но если крупная, то на глазах Рамазана разыгрывалась забавная сценка. Один из претендентов на рыбу заглатывал ее с головы, другой с хвоста, третий, вцепившись в середину, тянул в свою сторону. Сидевшие рядом с гнездом родители, видя, что происходит на их глазах, лишь гоготали, выражая тем самым свою радость при виде здорового потомства. Присматриваясь к бакланам, Рамазан решил взять из гнезда двух птенцов как самых искусных рыболовов и попробовать обучить их, чтобы они носили ему пойманную рыбу прямо к порогу дома. Если осенью бакланы засобираются на юг, пусть летят — держать не будет, а весной посмотрит, прилетят ли на знакомый им причал. Не откладывая на потом, юноша поплыл к колонии больших бакланов. Увидев в гнезде четырех вполне оперившихся птенцов, он не раздумывая взял двоих и, посадив на дно лодки, поплыл к пеликаньему царству.

Без единого взмаха крыльями над головой Рамазана проплыла большая стая розовых пеликанов. Медленно снижаясь, они описали полукруг над колонией и, словно тяжело нагруженные лайнеры, выпустили ноги-шасси и

пошли на посадку. Желая познакомиться поближе с самой крупной птицей Средней Азии, юноша налег на весла. Чтобы не потревожить птиц, занятых повседневными заботами о своем потомстве, не доплыв до колонии, он прижался к стене тростника и внимательно стал наблюдать в бинокль.

Благодаря утаптыванию тяжелыми птицами зарослей тростника образовался устойчивый настил, на котором, плотно прижавшись друг к другу, были построены гнезда. Высиживание двух-трех яиц ведется пеликанами попеременно. Птенцы появляются на свет совершенно голые, слепые и не могут стоять на ногах. Выкармливаются они первые дни полупереваренной рыбой, которую отрыгивают родители. Взрослея, птенцы сами запускают клюв в горловой мешок, бесцеремонно вытаскивая пищу. Чтобы избежать горячих лучей солнца, насытившиеся малыши старались спрятаться в тень, падающую от родителей. Клюв у пеликана — грозное оружие. Он снабжен острым крючком на конце с лезвиеобразными выступами по краям, который служит ему для удержания пойманной рыбы. Беда тому, кто протянет руку, чтобы взять или приласкать птицу: она вмиг превратится в кровавую отбивную.

Над Птичьим городом послышался характерный, все нарастающий крик «тю-лю-лю» болотного луны. Низко, чуть не задевая за верхушки тростника, хищник стремительно пронесся над колонией безобидных колпиц. На краю птичьего поселения пернатый разбойник резко вздыбил крылья и, притормозив, повернул назад, намереваясь утащить безобидного колпика-пуховичка. Сложив крылья и вытянув длинные желтые ноги в коротких «штанах», лунь камнем ринулся на жертву. Однако не успел он коснуться птенца, как отовсюду из гнезд взлетело до полусотни колпиц. Одна из птиц приняла удар на себя, прикрыв грудью беспомощную жертву, другие ринулись на обидчика, и над зарослями завязался жестокий бой. Сильный и ловкий хищник пытался вырваться из окружения, но не тут-то было. Длинношеие птицы с лопатообразными клювами-клещами со всех сторон жалили и рвали властелина тростниковых джунглей. Не дремали соседки кваквы и серые цапли: с воинственным криком они врезались в гущу воздушной схватки и своими острыми клювами-пиками яростно кололи нарушителя спокойствия. В воздухе стояли шум и крик, слышались удары. Вскоре сражение завершилось. Истерзанный и ошипанный, пернатый налетчик бесформенным комом упал в воду. Тор-

жествуя победу, с громким улюлюканьем садились в свои гнезда колпицы. Серые цапли еще долго кружили над Птичьим городом, оповещая птичий мир о совершившемся возмездии.

Глядя на Птичий город, Рамазан поражался первобытной прелести этих диких мест и, словно ребенок, радовался неожиданным открытиям, которые во многом обогатили его знания.

Подплывая к берегу, он увидел большую стаю розовых пеликанов, низко летевших над водой в сторону суши. За ними длинной цепочкой тянулись большие бакланы. Почувствовав, что они затевают что-то необычное, юный натуралист последовал за ними.

Облюбовав один из плесов, птицы опустились в его горловине. Развернувшись широким фронтом, они отсекли плес от большой воды и, подняв невообразимый шум, погнали рыбу в тупик. Плывущие плотным строем пеликаны беспрестанно хлопали крыльями о воду — «тянули невод», как говорят местные рыбаки. Впереди них, ныряя на глубину до трех метров, гнали рыбу большие бакланы. Зажатая с трех сторон, мечущаяся в отчаянии рыба пыталась прорваться сквозь плотный строй птиц обратно на большую воду, но, вытесненная на мелководье, тут же попадала в цепкие клювы птиц и моментально заглатывалась целиком.

Среди безобидных озерных птиц есть хищники-виртуозы, которые не преминут воспользоваться чужой добычей. Во время охоты пеликанов и бакланов тут как тут появились вездесущие серебристые чайки. Поймав рыбу с хвоста, птица-рыболов подкинула ее вверх, чтобы проглотить с головы. В этот момент серебристая чайка в стремительном полете подхватила рыбу на лету и, оставив баклана с раскрытым ртом, улетела с его добычей.

После удачной охоты сытые и довольные птицы-рыболовы выбрались на открытый всем ветрам берег и принялись сушить намокшие перья. Странно было видеть, как большой баклан, бесцеремонно взгромоздясь на спину пеликана, раскинул крылья и подставил их горячим лучам солнца. Добродушный пеликан терпеливо сносил все унижения, зная, что без помощи баклана ему будет намного труднее поймать рыбу.

Вернувшись на берег, Рамазан соорудил в зарослях тростника гнездо и, посадив в него молодых бакланов, принялся кормить их рыбой, чтобы к осени они выросли хорошими рыболовами.

Природа для Рамазана была таинственной и прекрасной незнакомкой, хранящей за семью замками свои тайны. Пытаясь подобрать к ней ключи, чтобы проникнуть в ее святая святых, он открывал для себя что-то необычное, новое, интересное.

Над озером, чуть тронутым красками рассвета, встает

новый летний день. Звонкую тишину раннего утра нарушают лишь скрип уключин да шелест воды. У зарослей тростника, совершая утренний туалет, плещутся серые гуси, утки, лысухи, вдали горделиво плавают белоснежные лебеди-шипуны с подростками, но еще невзрачными «гадкими утятами». Оставляя на воде сиюминутные следы-дорожки, бегают юркие камышницы и погоныши.

Заплывая на знакомый плес, Рамазан увидел, как от сети тенью метнулась крупная туша сома, показав широкую спину с острым и прочным плавником-лучом.

— Вот бы такого «жеребца» поймать, пусть таскает себе груженую рыбой лодку на приемный пункт! — размечтался Рамазан.

Поднимая сеть и выбирая рыбу, попавшуюся за ночь, он обнаружил в ней две огромных дыры, проделанных сомом.

— Сегодня же зайду в кузню, чтобы сделать большой крючок на сома-разбойника, и завтра поставлю на живца, иначе он порвет все мои сети, — решил Рамазан.

На следующее утро, приплыв проверять сеть, он обнаружил, что она местами скручена сомом, пытавшимся достать из нее рыбу. Сняв порванную местами сеть и положив ее на дно, насадил на огромный крючок живого трехкилограммового сазана так, чтобы он мог плавать и разжигать аппетит у шныряющего где-то рядом сома, привязал тросик к зарослям тростника и, забросив наживку в воду, уплыл.

Сом — смелая и блудливая рыба: трется у причалов между лодок, чтобы поживиться чем-нибудь от людей, за что его и прозвали блудней. Питается рыбой, лягушками, водоплавающими птицами, умудряется нападать на пьющих из озера воду собак, ягнят, купающихся детей, предварительно оглушив их ударом хвоста. Неповоротливый и ленивый сом, скрываясь в зарослях тростника, приводит в движение длинные усы. Любопытная рыба сама плывет в его огромную раскрытую пасть, и ему остается только засосать ее вместе с водой. Дожив до сорока лет, сом достигает длины около пяти метров и весит не менее двухсот килограммов. С таким сомом-гигантом и встретился Рамазан на озере Судочье, решив потягаться с ним не силой, а умом.

На следующее утро, проплывая мимо установленной жерлицы, Рамазан не увидел там ничего, что могло бы его насторожить. Только на пятый день, вплывая на злополучный плес, он увидел, как у тростника, словно в гигант-

ском котле, бурлила вода, из которой временами показывалась черная туша сома, безуспешно пытавшегося соскочить с крючка. Только юноша подплыл к чудищу, чтобы рассмотреть его вблизи, как от сильного удара хвостом лодка резко накренилась, и не успел любопытный рыболов сообразить, что же произошло, как оказался в воде. Ухватившись за борт, Рамазан подтянулся и с помощью Хобды влез в лодку. Видя, что сом еще силен и с ним пока опасно вступать в единоборство, уплыл с намерением забрать из сетей ночной улов, сдать его и только к полудню вернуться к чудо-юдо-рыбе, которая к тому времени станет покладистее.

Управившись с уловом, Рамазан поспешил к пленнику-сому, о котором не обмолвился и словом при встрече с рыбаками на приемном пункте. Он еще сам не знал, как с ним лучше поступить — сдать на изготовление сотен банок консервов или приручить, сделав из него послушное «такси».

Вплывая на плес, юный рыболов не услышал всплесков и ударов хвостом об воду и подумал, что сом сорвался с крючка. Подплывая к тростнику, Рамазан пристально всматривался сквозь толщу воды в надежде увидеть сома-исполина, но из-за поднятой там мути так и не разглядел его. Только взялся за тросик и потянул его на себя, как над водой показались большая плоская голова с маленькими круглыми глазками и громадная пасть, усеянная мелкими острыми зубами. Устрашающий вид сома заставил рыболова похолодеть и, чтобы успокоиться, он опустил его в воду. Не мешкая ни минуты, Рамазан отвязал тросик от тростника и, зацепив за корму, резкими взмахами весел погнал лодку на свой причал.

Буксировка сома прошла, можно сказать, успешно. Уже на берегу с помощью Актангера Рамазан протащил соматиганта по мелкой воде между берегом и зарослями тростника в замкнутую с трех сторон лагуну. Палкой с рогулькой на конце он забрался в раскрытую пасть сома и с немалым трудом отцепил слегка разогнувшийся крючок. Столкнув исполина подводного царства в глубину, решил первое время не кормить его, чтобы проще было приручить.

После длительной голодовки сома Рамазан разложил снулую рыбу на мелководе и постепенно приучил его безбоязненно подплывать к берегу за пищей, а позже — брать ее с рук.

Свежим осенним утром с высоты птичьего полета ищущий взгляд Рамазана задержался на светло-розовом ост-

ровке, каким-то чудом возникшем за ночь. Желание рассмотреть вблизи диких красных птиц, остановившихся после длительного перелета отдохнуть и подкормиться на отмели, юный натуралист вмиг спустился из своего жилища по веревке вниз. Сев в лодку, он медленно поплыл к манившему его живому островку. Под защитой тростника Рамазан подобрался к нему вплотную и, не выдавая своего присутствия, стал внимательно наблюдать за странными птицами, занятыми поисками пищи.

На мелководье, вдавшемся широкой полосой в озеро, кормились невиданной красоты птицы-фламинго (слово «фламинго» происходит от латинского «пламя»). Одни с помощью удара клювом, другие, танцуя, мутили воду и клювом-ковшом, согнутым посередине почти под прямым углом, поддевали донный ил. Пропедев его сквозь роговые пластинки, будто через сито, довольствовались личинками рачков и моллюсками.

Собираясь в дорогу, фламинго подняли крик, похожий на гоготанье гусей. Издали они напоминали солдат, одетых в ярко-красные мундиры былых времен. Когда они поднялись на крыло, создавая шум, напоминающий грохот водопада, на темно-синей глади озера вспыхнула алая заря. Постепенно разрастаясь, она превратилась в огненно-красных птиц. Фламинго летит будто выпущенная из лука огненная стрела, и лишь взмах красных крыльев выдает в ней летящую птицу.

Выстроившись в длинную изломанную линию, фламинго перевалили через Устюртский чинк и полетели в сторону Каспийского моря. Там, в мелководных бухтах, защищенных от зимнего пронизывающего ветра невысокими горами, они находят себе корм в виде рачков и водорослей, напоминающих красную кашу.

В начале весны краснокрылые птицы покидают «зимние квартиры» и стая за стая летят через озеро Судочье и Аральское море в свои исконные места обитания. Единственным местом гнездования сказочных птиц в Средней Азии служат острова на озере Тенгез в Казахстане.

Проводив долгим взглядом краснокрылых фламинго, Рамазан взялся за весла и, еще под впечатлением от диких птиц, поплыл проверять поставленные на ночь сети.

Во время гребли Рамазан дышал глубоко и шумно. В результате резких наклонов вперед, назад и в сторону, а также вращения корпусом у него постепенно включились

в работу поясничные позвонки. Пять месяцев работы на веслах, порой по 15—18 часов кряду, а также плавание, подтягивание на руках на перекладине, отжимание от борта и дна лодки до предела развили у него костяк грудной клетки. От скованности в суставах позвоночника в области поясничного отдела и крестца не осталось и следа. Сидя в узком ящике на поджатых под себя ногах, упираясь коленями в обшитую кошмой доску, во время гребли он давал непрерывную нагрузку не только рукам, но и ногам и позвоночнику, и вскоре почувствовал ощущение жжения в мышцах в области бедер. Его ноги постепенно приобретали бледно-розовый цвет, что говорило о первых признаках притока крови и подавало хотя и слабую, но надежду на выздоровление.

Постоянное самовнушение явилось ключом к успеху. Так Рамазан становился решительнее и целеустремленнее.

О способности некоторых птиц подражать человеческой речи Рамазан знал давно. Их голосовой аппарат — удивительное явление природы. К тому же, например, ворон обладает умением приспосабливаться к человеческой речи. Самец лучше осваивает ее, чем самочка: если самочка может выучить до десяти «слов», то самец — до тридцати. Вот только ворона никто не учил воровству, сам дошел до этого и с годами заметно усовершенствовал свою ловкость. Его интересуют все мелкие предметы, которые привлекают своим блеском: ложки, часы, кольца, монеты.

Частое общение с вороном Гошей, кормление его с рук быстро сделали его ручным, и он уже сам искал встречи с Рамазаном, чтобы «поговорить». Более внятно Гоша начал произносить слова с пятимесячного возраста и, с каждым месяцем взрослея, заметно улучшал свою «дикцию».

На рассвете после ночной охоты возвращался домой Филя. Присев на порожек своего жилища, он произносил «у-гу, у-гу» и, забравшись в нишу поглубже, засыпал на весь день. Разбуженный Филей, тут как тут появлялся заспанный Гоша. Прокашливался и грубым старческим голосом произносил «доброе утр-ро», чем будил своего учителя.

— Здравствуй, Гоша! Здравствуй, умница! — глянув наверх, приветствовал Рамазан ворона и, повернувшись лицом к выкатывающемуся из глубин озера красному диску, продолжал: — Здравствуй, золотое, ликующее, щедрое солнышко, дарующее жизнь!

«Го-оша, Го-оша, ры-ыба», — заискивая перед учителем, просился ворон на рыбалку.

— Нет, дружок Гоша, нельзя тебе со мной. Ты хорошо знаешь: Филя у нас ночной сторож, а ты дневной, так что приступай к своим обязанностям. На рыбалку я поплыву с Хобдой, она мне больше нужна на воде, — убеждал его Рамазан.

Сделав гимнастику, юноша соскользнул по веревке вниз, потрепал за холки подбежавших к нему Арстана и Красавчика и в сопровождении волчицы поехал на Аркале к причалу.

По утрам Рамазан никогда не завтракал и не кормил своих питомцев. В полдень, когда работа была позади, он варил тройную уху, жарил жирные куски сомятины или сазана, а когда в сети попадали беззаботно гоняющиеся друг за другом жирные нырки, то и они шли на стол. Звери предпочитали на ужин сырую рыбу, птицы — вареную. Рамазан отдавал предпочтение рыбьим головам и янтарному бульону.

Выбирая из сети попавшуюся за ночь рыбу, Рамазан услышал над головой тревожный гортанный крик Гоши: «Кар-раул, вор-ры, скор-рей!» И, описав крутой вираж, ворон сел на борт лодки.

Вспомнив, что сегодня день открытия осенне-зимней охоты на боровую и водоплавающую птицу, Рамазан представил на миг, что может произойти с его питомцами в его отсутствие. И как бы в подтверждение со стороны чинка донеслись два выстрела, заставившие юношу прервать работу и взяться за весла. С криком «кар-раул» на помощь своим друзьям улетел Гоша, поглядывая через плечо, чтобы убедиться, что учитель плывёт за ним.

Что же произошло в хозяйстве Рамазана? Как потом выяснилось, события разворачивались самым невероятным образом.

По пыльной дороге, ведущей вдоль подножья Устюртского чинка, на мотоцикле с коляской ехали два охотника. Проезжая мимо хозяйства Рамазана, они увидели сидящего на бугре молодого гепарда.

— Послушай, Касым, давай поймаем гепарденка, научим его охоте на джейранов, сайгаков, и будет у нас всегда на дастархане свежее мясо, — предложил молодой охотник.

— Давно я мечтал поймать такого красавца! Ради него изъездил пол-Устюрта, и все бесполезно, а тут сам в руки просится, — поддержал его охотник постарше.

Чтобы не спугнуть осторожного зверя, охотники оставили на обочине мотоцикл, зарядили на всякий случай ружья и крадучись пошли на поиски желанной добычи. Перевалив через бугорок, они увидели перед собой палатку, треногу над погасшим костром и странное жилище, вырубленное на недосыгаемой высоте в неприступном чинке.

— Что за наваждение!? — воскликнул старший из охотников. — В прошлом году до глубокой осени ездили сюда на охоту и никаких признаков человеческого жилья здесь не было.

Подойдя поближе, один из них для большей уверенности крикнул:

— Эй, хозяин! Покажись на минутку!

— «Пр-ивет!» — донеслось откуда-то сверху.

Не успели охотники сообразить, кто этот невидимка, который так бесцеремонно приветствовал их, как сверху на них спикировал Гоша, грозно спросив:

«Куда пр-ретесь, вор-ры?»

От неожиданности охотники пришли в полное замешательство.

— Вот чертова птица, так перепугала, что даже не сообразишь, куда попал! — нервно крутя головой из стороны в сторону, произнес молодой охотник.

— Вдарь гаденыша разок, да так, чтобы перья полетели, — приказал старший младшему. — Ишь как научился по-человечьи шпарить, аж в дрожь бросает!

Пока молодой охотник ловил на мушку полетевшего в сторону озера ворона, спасая своего друга Гошу, сверху на него спланировал Филя и, сорвав с головы войлочную шляпу, улетел с ней в свой дом. Ничего не понявший и перепуганный охотник выстрелил вверх — наобум. Чтобы выместить зло на филине, исчезнувшем с его шляпой, охотник перезарядил ружье и, пятясь назад, хотел вторым выстрелом достать его в нише.

В это время пожилой охотник, увидев выглянувшего из просторной ниши молодого гепарда, решил поймать его и связать. Прислонив ружье к стене чинка, опустился на колени и только заглянул в глубину ниши, как вдруг сильный удар под зад толкнул его нос к носу с рассвирепевшими молодыми зверями. Защищаясь от ворвавшегося в их жилище чужака, они пустили в ход когти и зубы. Не ожидая такого дружного отпора, вор поднял душераздирающий крик. Он попытался выбраться наружу или дотянуться до ружья, чтобы уложить наповал невесть откуда

взявшегося дикого барана, но тот всякий раз заставлял его замереть на месте.

Молодой охотник, продолжая пятиться назад, не заметил, как вышел на берег лагуны. Наконец, увидев филина, вскинул к плечу ружье, прицелился, но сильный удар хвостом опрокинул тщедушного парня, и он упал на берег. Прогремевший в это время выстрел пришелся в воздух. Охотник попытался встать, чтобы уйти подальше от злополучного места, как его оглушил второй удар.

Причаливая к берегу, Рамазан не увидел у причала Аркала, который, слышав всплеск весел, всегда спешил ему навстречу, и своих шаловливых питомцев. Но со стороны чинка с криком «Вор-ры, вор-ры, скор-рей сюда!» ему навстречу летел Гоша. Развернувшись над учителем и указывая ему путь, полетел к нише, где жили Красавчик и Арстан. Направляясь туда, Рамазан увидел целым и невредимым Аркала, застывшего у ниши в готовности нанести удар рогами. Увидев приставленное к стене чинка охотничье ружье, взял его, разрядил и, сняв цевье, положил в свою походную сумку. Увидев торчавшие из ниши ноги, крикнул в глубину:

— Вылезай, гусь лапчатый! Никто тебя не тронет.

Из ниши ногами вперед выбрался наружу мужчина средних лет с расцарапанными в кровь руками. Услышав слабый стон, Рамазан глянул в сторону лагуны и увидел сома-гиганта, тянувшегося изо всех сил к оглушенному ударом хвоста парню. Сев на Аркала, Рамазан поспешил вниз спасать второго. Сняв с его ружья цевье, он с помощью менее пострадавшего его напарника вытащил из грязи полуживого «охотника» и, взвалив на Актангера, повез к палатке.

Усадив незваных гостей и угощая их холодной жареной рыбой и чаем, Рамазан сказал:

— Да, много же вы собирались наломать здесь дров...

— Кто там живет? Не водяной ли? — кивнув в сторону лагуны, спросил пострадавший от сома.

— Настоящий, — спокойно ответил Рамазан.

Распекая своих обидчиков, он обратил внимание на движущуюся со стороны рыбацкого поселка Тайли кавалькаду из двух легковых автомашин и одной грузовой с лодками и людьми. Так в день открытия охоты в хозяйство Рамазана нагрянули долгожданные гости.

Директору рыбоконсервного завода Икраму Курбанбаеву давно хотелось показать начальству из Нукуса не

только свое большое хозяйство, но и маленький зоосад с прирученными дикими животными. Также ему не терпелось показать, да и самому впервые увидеть, сома-гиганта, берущего с рук рыбу. Но главное — встретиться с юношей-инвалидом, совершившим путешествие от Оренбурга до озера Судочье в самых невероятных условиях.

Чтобы не выглядеть жалким инвалидом, Рамазан сел на Аркала, а тут кстати ему на плечо взгромоздился ворон Гоша и с криком «пр-ивет, др-рузья» встретил гостей. После знакомства у стены чинка расстелили большой ковер и, натянув над ним тент, принялись готовить праздничный обед.

Первым делом Рамазан попросил знакомого рыбака сгонять лодку с пойманной им рыбой на приемный пункт, чтобы она не пропала. С приехавшими гостями был охотинспектор, которому Рамазан рассказал о случившемся. Передавая ему ружья, он попросил его разобраться с охотниками и сообщить о них в милицию.

— Что с нами разбираться? Мы и так крепко наказаны, — пытаюсь уйти от ответа, заявил пожилой мужчина.

После составления протокола охотинспектор сказал присмиревшим горе-охотникам:

— Что, охотнички-разбойнички, поохотились? Теперь можете ехать домой, а завтра утром явитесь в Кунградский отдел милиции.

Как только «охотники» уехали, у Рамазана, да и у всех гостей на душе стало заметно веселее. Сидя за дастарханом с Хобдой и поглядывая на играющих друг с другом Аркала и гепарда, Рамазан во всех подробностях рассказал по просьбе гостей о своем путешествии. Во время разговора юноша не раз обращал внимание на директора, который временами бросал короткие взгляды на вознесшийся на большую высоту дом-крепость с неприветливо зияющими пустыми глазницами окон. Кивнув наверх, он спросил у Рамазана по-отцовски:

— Как собираешься зимовать в своем доме без окон и дверей?

— За лето я так напился солнечной энергией, что мне вполне хватит ее на короткую зиму, — попытался отшутиться повеселевший Рамазан. — Я и правда собирался зимой заняться закаливанием, да вспомнил, как замерзал при переходе плато Устюрт, и понял, что из этой затеи ничего не получится.

— Какая бы ни была зима, дом должен быть с окнами и дверьми. Так что лезь наверх и замерь проемы. Я

закажу в нашей столярной мастерской оконные и дверной блоки, а заодно подберем небольшую печь-буржуйку, и будет у тебя зимой тепло и уютно, — пообещал заботливый директор.

Заглянув в нишу-кладовую, Рамазан достал походную масштабную линейку и, на удивление гостей, словно опытный скалолаз, быстро и уверенно взобрался по веревке в дом-крепость. Сделав необходимые замеры окон и двери и вписав их в блокнот, в одну секунду соскользнул по веревке вниз.

Над озером, почти касаясь крылом воды, к берегу летели два больших баклана. Опустившись у причала и положив принесенную рыбу, птицы-рыболовы подняли громкий гортанный крик. На их зов прибежали Арстан и Красавчик и, схватив принесенную ими добычу, убежали с ней в тень. Выполнив обязанности добытчиков пищи, птицы снова подняли галдеж и, вытягивая вверх длинные шеи, направились к своему повелителю. Рамазан снял с бакланов сработанные им из тала разъемные кольца, чтобы птицы не могли проглотить пойманную рыбу, те взмахнули крыльями и улетели на озеро покормиться.

Расхрабрившийся Гоша к удивлению своего учителя пополнил свой разговорный багаж новыми словами, услышанными от гостей. Расхаживая среди них, бесцеремонный ворон тараторил: «пр-ивет, ур-ра, здр-равствуйте, добр-рый день, хор-рошо».

Как только солнце скатилось на запад и тень накрыла чинк, на пороге своего дома появился Филя и громким «у-гу, у-гу» по-своему приветствовал гостей. Ночью филин, как и все совы, видел намного лучше, чем человек, а его слух по сравнению с нашим — в пятьдесят раз острее. Услышав шорох в прибрежных зарослях, Филя безошибочно определил местонахождение жертвы и, еще не видя ее, бесшумно спланировал вниз и схватил когтистыми лапами молодую ондатру.

— У вас здесь не зоосад, а настоящий цирк на природе, — восторгался один из именитых гостей и, помедлив, спросил у Рамазана: — Когда увидим коронный номер с сомом?

— Я готов хоть сейчас! Только прошу не подходить близко к берегу — опасно, — предупредил гостей юный дрессировщик.

Сев на Аркала, Рамазан съездил на причал, достал сачком из садка трех крупных сазанов и, приехав к

месту необычного представления, опустился на берег. Отогнав подальше от берега Аркала, взял сазана за жабры и, ударяя им слегка об воду, разбудил дремавшего в тени лежебоку. От зарослей к берегу вода взгорбилась, в разные стороны побежали волны, перед юношей вскипела вода, и на поверхности показалась огромная пасть сома-гиганта с полуметровыми усами на верхней губе. От такого устрашающего зрелища стоявшие на берегу гости невольно подались назад. Схватив предложенную рыбу, сом опустил голову в воду и, проглотив добычу, снова с шумным всплеском появился на поверхности. Положив в широко раскрытую пасть сома второго сазана, а третьего оставив на отмели, Рамазан ушел с берега.

Через несколько минут сом снова появился на поверхности воды и, не обнаружив рядом своего кормильца, принялся плавать вдоль берега, демонстрируя свою мощь и силу. Приметив на отмели рыбину, сом почти весь вывернулся из воды и ударил по ней хвостом, подняв каскад радужных брызг. Только с третьей попытки ему удалось сбить добычу с места и уплыть с ней в глубину.

Сидя на берегу рядом со своим директором, Рамазан предложил ему:

— Давайте подарим «сомика» гостям! Пусть жарят, вялят, коптят и пироги пекут в свое удовольствие!

— Нет, Рамазан, сом нужен больше тебе на случай затяжной морозной зимы. А для дорогих гостей лучшим подарком будет хорошо организованная охота.

Лишь солнце склонилось к горизонту, как гости, собрав ружья и захватив патронташи, направились к лодкам, покачивавшимся на легких волнах. Провожая их, Рамазан заинтересовался двустволкой с необычно длинным стволом.

— Что это у вас за ружье? — не сдержавшись, спросил он.

— Дамское! — в сердцах произнес один из гостей. — Думаю продать эту немецкую игрушку и купить отечественное ружье помощнее.

— Совсем недавно, — начал Рамазан издали, — я был охотником-борзятником и охоту с ружьем не признавал. Сейчас, когда у меня не стало борзых, хорошо было бы иметь хотя бы такое ружье, как ваше.

— Хорошо! Завтра на утренней зорьке и поговорим о цене, — оживился тот.

Задолго до заката по озеру прокатились первые гро-

мовые раскаты выстрелов, известивших об открытии охоты.

Сидя у костра, разложенного как ориентир для охотников, возвращающихся в кромешной темноте на берег, директор как бы между прочим проронил:

— Нельзя тебе, Рамазан, зимовать в диком краю без ружья. Сейчас волки сыты, не беспокоят, но как только наступит зима, несдобровать тебе, голодный волк так обнаглеет, что средь бела дня порежет весь твой скот. У ружья, как ты знаешь, зоркий глаз, проворные ноги и смертельный язык.

— Об этом я уже подумал и договорился с одним приезжим, желающим продать свое ружье, — сказал Рамазан.

— Ну, теперь я спокоен за тебя. Живешь-то на отшибе! — произнес довольный директор.

...Не успел еще схлынуть летний зной, как теплолюбивые птицы тронулись в южные страны. Первыми в дальний путь отправились певчие птицы, за ними — журавли и аисты. Перекочевывая с одного водоема на другой, держат путь на юг чайки и крачки. По ночам слышалась звучно-печальная перекличка летящих куликов. В середине октября покинули Судочье пеликаны, цапли, колпицы, каравайки. На месяц позже улетели малые и большие бакланы, к которым присоединились и питомцы Рамазана. Только утки и гуси еще долго не расставались с озером, пока оно полностью не покрылось ледяным панцирем.

Первый месяц зимы был мягким, с легкими морозными утренниками, от которых на озере образовывалась тонкая корочка льда — закрайки. В полдень теплые лучи солнца растапливали лед, и на берег по-прежнему накатывались игривые волны. В надежде на теплую зиму, что нередко бывает в здешних местах, на озеро Судочье слетались на «зимние квартиры» десятки тысяч водоплавающих птиц. С утра до позднего вечера над озером проносились птичьи стаи, то вытянутые в длинные цепи, то похожие на облака. Воздух звенел от шума птичьих крыльев и разноглого крика. Каждая из стай, разделившись по видам, находила для себя подходящее место и подолгу держалась на нем.

Над озером с раннего утра и до позднего вечера гремели выстрелы приезжих охотников, но уток, гусей и казарок не убывало. Гонимые наступающими с севера морозами, сковывающими ледяным панцирем озера, из

Сибири и Северного Казахстана птицы устремились на водоемы Средней Азии.

Дожливым осенним утром Рамазан, подгоняемый непогодой, резкими взмахами весел погнал лодку с рыбой на приемный пункт. Подплывая к причалу, он обратил внимание на верблюда-бактриана с сидящим на нем знакомым человеком. Это был его дядя Асан! Поставив лодку под выгрузку, Рамазан перемахнул через борт и только намеревался бежать к дяде на руках, как тот, положив по команде верблюда на землю и сойдя с него, направился к сияющему от радости племяннику.

— Вот так встреча! Вот так подарок! Как вам, дядя Асан, удалось меня найти? — радуясь неожиданной встрече, сыпал вопрос за вопросом Рамазан.

— Тебя здесь каждый знает! Только заговорил о тебе, а мне в ответ: «А-а, знаем, это тот рыбачок, у которого на дворе цирк с обученными зверями и птицами». Так что показывай свое хозяйство, порадуемся вместе, — предложил Асан.

— Покажу обязательно, но я живу не в этом поселке, а в двух километрах отсюда, особняком, — махнул вдоль чинка Рамазан. — Вы, дядя Асан, поезжайте на мое хозяйство, а я сейчас, мигом, вот только рыбу сдам, а там, дома, за ухой наговоримся досыта.

— Хороший племянник у вас, ага! Добрый, отзывчивый, да и уловы у него самые большие, — вступил в разговор приемщик рыбы.

— В свое время он был хорошим охотником-волчатником, а теперь, как я слышу, стал неплохим рыбаком. Я рад за него, — с гордостью произнес Асан. — Да и вам, рыбакам, спасибо за его поддержку.

При въезде на территорию хозяйства Рамазана с криком «Пр-ивет др-ругу! Ур-ра!» Асана встретил дневной сторож Гоша. На голос ворона из ниши выскочили прятавшиеся от нудного дождя гепард и каракал. При неожиданном появлении экзотических зверей Асан в растерянности придержал верблюда и, боясь всяких неожиданностей, не решался сдвинуться с места. Но к нему на выручку с причала уже бежал на руках Рамазан. Глядя на его расторопность, Асан покачал головой и, улыбнувшись, заметил:

— Похоже, что озеро Судочье, к которому ты так рвался, помогает тебе встать на ноги?

— Улучшения есть, и заметные! — довольный своими первыми успехами, с гордостью произнес Рамазан и, за-

глядывая вперед, добавил: — Думаю, что в следующем году наступит перелом и я начну заново учиться ходить, как в раннем детстве.

Развьючив верблюда и отпустив его пастись, Асан перетаскал свой груз в палатку и, порывшись в хурджуне, подал племяннику мешочек:

— Эту посылочку прислала тебе Айнакуль. В ней носки и свитер из верблюжьей шерсти, так что зимой никакой мороз тебя не укусит.

— Передайте от меня своей доброй жене спасибо за дорогой для меня подарок и не забудьте поцеловать маленького Эликтая.

— У твоего братика недавно появилась сестренка Алтынай, так что у нас в семье полный порядок, — сообщил радостную новость Асан и, заглянув снова в хурджун, достал большую стопку книг: — Купил случайно у одного старичка-учителя, очень уж хвалил их и все приговаривал: «Не прочитав таких книг, никогда не станешь умным».

Выбравшись из палатки, Асан долго смотрел на вознесшийся над озером дом-крепость и, пожав в недоумении плечами, спросил у копошившегося у костра Рамазана:

— Зачем так высоко построил себе дом?

— На такой высоте куда спокойнее жить в глуши и все вокруг далеко видно, — ответил Рамазан с гордостью.

Сидя в палатке за дастарханом, под убаюкивающую мелодию дождя они вели душевный разговор.

К вечеру дождь унялся, открылся голубой свод неба, засверкало уходящее на закат солнце. Услышав, как Рамазан скликает на ужин своих питомцев по именам, Асан пришел в восторг:

— Как тебе это удалось?

— Моя судьба, дядя Асан, сложилась так, что я живу среди дикой природы и ничуть об этом не сожалею. Я пытаюсь найти общий язык с животными, учусь общаться с ними с помощью жестов, мимики, даже речи, и это мне удается все больше и больше.

На следующий день, провожая дядю в дальнюю дорогу, Рамазан попросил его лишь об одном:

— Не теряйте меня, дядя Асан, из виду, навещайте. Я буду ждать вас осенью. Постараюсь к этому времени одержать победу над самим собой.

— Жизнь не так проста, тем более в твоём положении. Постарайся не унывать, если постигнет неудача. Ты творец своей судьбы, и с годами у тебя все образуется, я

уверен, — подбодрил его Асан и, дернув верблюда за недоуздок, отправился в дальний путь.

В декабре у устюртских баранов начался гон. Аркал, движимый инстинктом любви, все чаще и чаще поглядывал на утесы чинка, где изредка, словно тени, появлялись кочевавшие в поисках самок небольшие группы баранов. Не раз Аркал порывался присоединиться к ним, но слепая преданность повелителю заставляла его вернуться с полпути.

Как-то утром, перед спуском на землю, Рамазан просматривал в бинокль озеро, а затем подчинковую полосу, где увидел спускающихся на водопой баранов, к которым во всю прыть бежал Аркал. Ворвавшись в стадо, он тут же вступил в сражение с крупным бараном — обладателем большого гарема, насчитывающего более двадцати самок. После коротких, но жестоких схваток ни один из баранов не признал себя побежденным и не покинул поле боя. Силы у них были равны, и они, видно, придя к обоюдному согласию, принялись мирно пастись, став вдвоем обладателями большого гарема, который им не раз предстояло отстаивать в случае посягательств других самцов.

После гона Аркал не вернулся к Рамазану, возможно, по своей доверчивости попал на мушку охотника или же соблазнился вольной жизнью.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Наступление зимы. На ледянке по Судочью. Спасение птиц от голодной смерти. Хобда обзаводится семьей.

У края ледяной купели. Обнадеживающие перемены

Под самый Новый год на территорию Средней Азии с юго-запада вторгся циклон, принесший с собой обильный снегопад. Всю ночь бушевала пурга, а следом за ней ударили первые морозы, порой доходящие ночью до -15.

С наступлением первого зимнего дня Рамазан вытащил из воды на берег лодку с помощью Актангера, перевернул ее кверху дном и, присев на корме, глубоко задумался.

— Как же теперь передвигаться по озеру? Каким образом поставить хотя бы короткую сеть подо льдом? Ртов-то вон сколько! Только одному сому надо десять килограммов рыбы на день, — сокрушался Рамазан.

В детстве он не раз видел зимой, как соль-илецкие

мальчишки катались с горок на круглых ледянках. Прикинув, он решил изготовить такую же ледянку. Выкопав у кромки воды круглую ямку с выпуклым дном и залив ее водой, оставил на ночь. Наутро, вытащив из ямки бесформенную ледяную глыбу, обрубил топором все неровности и придал ей вид круглого ледяного стульчика. Застлав дно шкурой сайгака, Рамазан сел поудобнее, оттолкнулся короткими палками с вбитыми на концах гвоздями и покатил по скованному льдом озеру.

Еще не успел как следует разгореться новый, искрящийся под зимним солнцем день, а юный натуралист отправился обследовать озеро. Первое, что бросилось в глаза, — бегающие по льду в поисках корма лысухи, утки, погоныши. Спасаясь от рыскавших лисиц, шакалов и корсаков, на стеблях тростника гроздьями зависли камышницы. Невдалеке, слившись с белым безмолвием, стояли на льду большая белая цапля и колпица. Все они не смогли улететь в теплые края из-за потери инстинкта откочевки на юг или получив увечья. До весны, если хватит сил, птицам предстояло пережить суровое и голодное время.

— Как им помочь? Как спасти от верной гибели? — сокрушался Рамазан.

Он обратил внимание на странное занятие лысух, слетевшихся туда, где вчера сам прорубил копьём майну для лова рыбы короткой сетью, протянутой подо льдом с помощью длинного стебля тростника от лунки к лунке. Сгруппировавшиеся у майны лысухи и нырковые утки одна за другой плюхались в воду и, задрав кверху хвосты, скрывались с глаз. Схватив плеть-водоросль, словно ошпаренные, они выскакивали на лед, осматривались и тут же с жадностью заглатывали ее целиком. Скользя на ледянке вдоль зарослей тростника, Рамазан прорубил во льду еще с десяток широких майн, богатых подводной растительностью. С неописуемой радостью наблюдал он издали, как к майнам начали слетаться утки, лысухи, цапли. Озеро, чуть освободившись от ледяного плена, жадно вдохнуло свежего воздуха и, как и прежде, стало поить и кормить птиц. Так изо дня в день он прорубал во льду все новые и новые майны, не забывая очищать от намерзающего льда старые, поддерживая таким образом жизнь озерных птиц.

С прибавлением голодных ртов Рамазан не в состоянии был наловить рыбы для прокорма своих питомцев. Все чаще и чаще он поглядывал на укрытую ледяным

панцирем лагуну, где разжиревший на готовых «хлебах» сом начал испытывать нехватку кислорода, интенсивно поглощаемого подводной растительностью.

Каждый день Рамазан ездил на ледянке по озеру в поисках погибших от голода птиц. Впереди он заметил лежащую на белоснежном одеяле крупную птицу. Подъехав к ней, Рамазан увидел: спрятав огромный клюв под крыло и поджав ноги, в подтаявшей лунке лежит умирающий в голодном сне розовый пеликан с поврежденным крылом. Ослабевшая птица без малейшего сопротивления далась в руки спасителю, и тот, положив ее перед собой, поспешил с находкой домой. Первым делом Рамазан насильно накормил пеликана еще трепещущими сазанчиками, только что снятыми им из сети. Местом жительства для него стала ниша Аркала, куда безобидный зверь редко заглядывал. В ней уже жили, пережидая зиму, колпицы и большая белая цапля.

День за днем собирал Рамазан погибающих от голода птиц, кормил их рыбой, водорослями и спас таким образом к весне более ста особей.

На поиски погибающих птиц он всегда отправлялся в сопровождении Хобды и Красавчика. Они прочесывали заросли тростника, находили птиц, спрятавшихся от рыскавших в поисках легкой поживы зверей, и приносили их к нему. В один из таких дней произошла неожиданная встреча со стаей волков, сопровождавших единственную волчицу. Увидев зверей на расстоянии выстрела, Рамазан не вскинул к плечу ружье, не открыл по ним стрельбу, а с затаенным любопытством стал наблюдать за поведением Хобды. При неожиданном появлении своих собратьев волчица внимательно рассмотрела каждого кавалера в отдельности и, задержав взгляд на крупном матером волке, метнулась к нему. Рамазан не пытался отозвать ее, зная, что инстинкт материнства подсказывал Хобде обзавестись семьей и воспитать потомство. Не желая мешать преданной ему волчице, Рамазан развернулся на месте и покатыл на ледянке в обратном направлении. Он знал, что в конце весны Хобда обязательно вернется к нему, и не одна.

Во второй половине февраля наступили теплые солнечные дни. Началось интенсивное таяние ледяного покрова на озере, промерзшем за короткую зиму всего на 30—40 сантиметров. Поездки на ледянке по озеру день ото дня становились все опаснее: на пути могла встретиться предательская полынья.

Сверху упал и рассыпался по льду гогот летящих в

вышине гусей. Прилетевшие со стороны Аральского моря первые вестники весны покружились над ледяными просторами озера и резко пошли на снижение. Присмотревшись к месту, куда опустились серые гуси, Рамазан покати́л туда на ледянке. Пытаясь догнать, а затем перегнать бегущего впереди Красавчика, он забыл об осторожности. Лишь тогда, когда гепард резко остановился и понялся назад, Рамазан увидел стремительно надвигающуюся на него полынью. Чувствуя, что не успеет затормозить, резким рывком вверх он перекувыркнулся через голову. От сильного удара об лед спиной и затылком у него в глазах вспыхнул яркий свет, перешедший затем в раду́гу. Ледянка, служившая ему транспортным средством всю зиму, по инерции соскользнула в полынью и, подняв фонтан брызг, ушла на дно.

Полежав на льду, пока не утихла боль в позвоночнике и не улегся шум в голове, Рамазан перевернулся со спины на живот и, упираясь коленями, машинально пополз попластунски. К его радости, мышцы, кости ягодиц и коленные суставы слушались хоть и плохо, отдавая острой болью, но давали возможность медленно двигаться вперед. Когда уставали ноги, Рамазан вставал на руки и, пройдя немалый путь, снова опускался на лед. Так он полз и полз до изнеможения, давая колоссальную нагрузку на ноги, пока не добрался до дома.

Наступающая весна не столько радовала Рамазана, сколько огорчала. Подтаявший на озере лед настолько истончился, что не выдерживал тяжести человека, и чтобы не нажить беды, пришлось отложить подледный лов до лучших времен.

Наступившие дни «бесхлебья» заставили Рамазана пустить сома-гиганта на питание, которого большой «семье» вполне хватило до тех пор, пока озеро не очистилось ото льда.

Ночью Рамазана разбудил налетевший со стороны Аральского моря штормовой ветер. От его сильных порывов на озере тронулся лед. Всю ночь стоял неумолкающий грохот, заглушающий все остальные звуки. К утру ветер унялся, прошумел дождь, и перед взором Рамазана предстало только что освободившееся от ледяного плена озеро. Часть льда волны выбросили на берег, часть его разметал по всему озеру ветер. Истосковавшие за зиму по настоящей работе рыбаки расплылись по широкому раздолью озера устанавливать сети. Снова заработали

цеха по переработке рыбы в Урге, бесперебойно давая стране продукцию.

На еще прохладной утренней зорьке Рамазан тщательно проконопатил швы в лодке и переоборудовал сиденье. Если раньше он сидел в тесном ящике, поджав под себя больные ноги, то теперь упирался коленями в обшитую кошмой доску, касаясь ступнями дна лодки. Положив на корму отремонтированные за зиму сети, Рамазан свистнул Красавчика и, взявшись за весла, отправился на поиски рыбных мест.

Гепард как дневной хищник мог весь день сопровождать своего повелителя, каракал же, ведущий ночной образ жизни, предпочитал с утра до вечера отсыпаться в тени. С наступлением сумерек он выбирался из ниши и, скользнув неслышной тенью на полюбившийся ему выступ чинка, долго стоял, внимательно наблюдая сверху за всем, что происходит на дворе. В этот момент слух, зрение и обоняние каракала работали одновременно и давали возможность найти, выследить, а затем схватить добычу. Заметив с наблюдательного пункта крадущихся к кладовке пластинчатозубую крысу или полевую мышь, зверь собирался в тугую пружину и в самый подходящий момент стремглав бросался вниз. В два-три прыжка он настигал зло-

умышленника и тут же расправлялся с ним. Придушив жертву, каракал принимался играть с ней, словно домашняя кошка. Благодаря Арстану и Филе на дворе не стало фаланг, скорпионов и змей: все они пошли им на ужин. Ночью каракал любил поохотиться на более крупных животных. Вслед за ним из ниши вылетал Филя и нередко участвовал в совместной охоте на зайцев-толаев, помогая своему

другу выслеживать и задерживать убегающего длинноухого или большого тушканчика, напоминающего своими прыжками кенгуру.

Арстан меньше всех был привязан к Рамазану, но никогда не помышлял покинуть его и умчаться в родные просторы. Зверь ценил его доброту, а свою жизнь не представлял без рыбных блюд, какими он наслаждался каждый день с присущей ему кошачьей аккуратностью.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Весна лучезарного света. Возвращение волчицы Хобды. В гармонии с природой. Прощай, Судочье! В путь по воде. Здравствуй, Амударья!

С наступлением теплых мартовских дней на Судочье с каждым днем становилось все больше и больше мигрирующих на север птиц. У местных уток, прилетевших в родные гнездовья, началось робкое ухаживание нарядных «кавалеров» за скромно одетыми «невестами». Под неумолкаемый гомон в Птичьем городе полным ходом шли строительство и ремонт старых гнезд. В апреле у пеликанов и бакланов появились первые кладки яиц. Лебедь-шипун в отличие от колониальных птиц предпочитает строить копна-гнезда обособленно, среди обширных зарослей тростника. Беда той птице, которая попытается поселиться по соседству с ним, — изгонит. Гордая и доверчивая птица, символ чистоты и разума, белоснеж-

ный, как только что выпавший снег, лебедь плывет с грациозным достоинством. Он ценится своей красотой и тем, что приручить его не представляет большого труда.

В полдень, возвращаясь с рыбной ловли, Рамазан подплывал к своему причалу. Лежавший на крыше навеса гепард неожиданно вскочил на ноги, пристально всмотрелся в сидящего на берегу зверя и, признав в нем свою подружку-беглянку, от нетерпенья принялся тонко посвистывать.

— Кто там, Красавчик? — спросил у забеспокоившегося гепарда Рамазан, но того и след простыл. Выбравшись из лодки на берег, юноша окинул пристальным взглядом свое хозяйство и к немалому удивлению увидел Хобду, а рядом с ней пять резвящихся волчат.

— Хобда вернулась! — вскричал Рамазан.

Чувствуя за собой вину, волчица не побежала навстречу своему повелителю, а, отведя глаза в сторону, терпеливо ждала. Когда Рамазан подошел к ней, она, не выдержав, вскочила на ноги, бросилась ему на грудь, пытаясь лизнуть в лицо. Приласкав Хобду, Рамазан протянул руку, чтобы погладить волчат, но те, пятясь назад, зарычали. С детским любопытством они рассматривали незнакомца, пытаясь украдкой приблизиться к нему и обнюхать.

— Куда подевался твой кормилец, Хобда? — поглядывая на волчат-заморышей, допытывался у волчицы Рамазан.

Волчица виновато опустила голову и, как показалось Рамазану, в уголках ее глаз сверкнули слезы. Достав из садка несколько полусонных сазанов и вспоров им животы, положил перед каждым голодным зверенышем. Они с жадностью набросились на дармовую еду и, урча и сопя, быстро утолили мучивший их голод.

Держать в хозяйстве большую стаю беспокойных и вечно голодных волков Рамазан не собирался. Как только волчата подросли, он раздал их охотникам для охоты... на тех же волков.

Прожив год на озере Судочье в полной гармонии с природой, Рамазан вернул позвоночнику его силу. Произошло это не только благодаря частой гребле и выполнению сложных упражнений, но и свежему озерному воздуху, обилию солнечных лучей, которые он впитывал в себя до костей, чувствуя при этом, как в него вливается золотой свет. Очистились старые и родились новые клетки и ткани, позвоночник сделался эластичным, а мышцы по-

звоночного столба выросли и окрепли. У Рамазана возросла выносливость, чувствовался фантастический прилив энергии. Его все больше и больше тянуло на тенистый берег Амударьи, где он надеялся к двадцати годам научиться ходить заметно окрепшие ноги, расправить широкие плечи, поднять выше голову, стать, как все, полноценным человеком.

Нахлынувшая весна лучезарного света, весна необычно большой воды, подступившей местами к подножью Устюртского чинка, заставила Рамазана задуматься о предстоящем путешествии к берегам Амударьи. Ее разлив, затопивший самую большую дельту в мире, не считая Амазонки, бывает только один раз в сто лет. Не воспользоваться таким случаем сейчас — значит никогда не добраться до реки по воде. С разливом Амударьи слились воедино все многочисленные озера, каналы дельты, создав благоприятный сквозной проход. И Рамазан не откладывая начал подготовку к отплытию.

Уволившись с работы и получив расчет, он выкупил лодку, сеть и, попрощавшись с гостеприимными рыбаками и озером, погрузил всю свою большую «семью» и отправился в рискованное путешествие. Не отдаляясь от Устюртского чинка, он плыл мимо высоких барханов, омываемых со всех сторон разлившейся водой. На одном из них, переживая невиданное наводнение, спасались жители кишлака Равшан. Проплывая мимо бархана-спасителя, Рамазан слышал восторженные голоса людей, один из которых не только удивил, но и подбодрил его:

— Смотрите, люди добрые! По морю-океану Ноев ковчег плывет, а в нем каждой твари по паре! — прервав урок с сидящими на песке учениками, кричал высокий учитель-каракалпак.

Длинная, вместительная лодка, какими пользуются рыбаки-каракалпаки на море, с сидящими на ее бортах птицами, расположившимися на крыше навеса зверями, а также с лежащими на дне судна домашними животными, действительно напоминала Ноев ковчег во времена всемирного потопа.

Разлив Амударьи был настолько широким, что, немного поколебавшись, Рамазан решил оторваться от Устюртского чинка и поплыть на свой страх и риск напрямую к намеченной цели.

Куда ни кинь взгляд, повсюду была вода и никакого ориентира, который служил бы маяком в этом мире без-

молвия. Налетавшие временами порывы ветра не раз заставляли путешественника похолодеть от одной только мысли, что если сейчас разыграется ветер, укрыться будет негде.

Прильнув к биноклю, Рамазан до рези в глазах всматривался вперед в надежде увидеть какой-нибудь ориентир, чтобы, придерживаясь его, плыть прямым курсом, а не кружить на одном месте. Лишь далеко впереди, за горизонтом, черной чертой просматривался лесной массив, который манил к себе, заставляя гребца сильнее налегать на весла.

Ближе к вечеру на радость путешественникам задул попутный ветер. Чтобы увеличить скорость, Рамазан набросил на перекладину, служившую ему вместо турника, брезент, и ветер, надув парус, погнал лодку быстрее.

Уходящее на закат солнце торжественно опускалось в воду, выветив снизу затопленный тугай. За низкорослыми и искривленными деревьями четко просматривался вытянувшийся с севера на юг зеленеющий вал. Но радость встречи с долгожданной землей омрачил сменивший направление ветер. Разыгравшиеся волны, ударяясь о бок лодки, накренили ее, и могло произойти худшее, если бы Рамазан вовремя не сорвал с перекладины брезент. Борясь с ветром, он греб до изнеможения, не замечая при этом, как больные ноги упираются ступнями в пол лодки. Судно то опускалось в провал между волнами, то, взлетев на гребень, скатывалось с него, черпая носом воду.

Вот уже близко долгожданный лес-спаситель, но вплыть в него на громоздкой лодке с размахом весел в пять метров не было никакой возможности. Пришлось развернуть ее и, подставив напористому ветру спину, плыть вдоль леса, пока не повстречается проход к земляному валу. Наконец-то между деревьями показался широкий прогал, в который лодка шумно вплыла и, подгоняемая широкими взмахами весел, быстро достигла земляного вала. Не успел Рамазан причалить к берегу, как через борт один за другим перемахнули его питомцы, соскучившиеся за день качки по твердой земле. Первым делом Рамазан поставил на ночь сеть вдоль просеки, накормил остатками рыбы своих птиц и зверей и только потом занялся костром.

Свежим, залитым утренним солнцем встретил путешественников новый день. Рамазан не собирался продолжать путешествие наугад, так как не знал, где находится и в каком направлении ему плыть. За день он объездил на

Актангере небольшой земляной вал, на котором, спасаясь от разлива, жили зайцы-толаи, лиса с лисятами, барсуки, шакалы и много других мелких животных.

Просматривая в бинокль разлив, простирающийся за земляным валом, Рамазан увидел вдали насыпную дорогу, по которой ехали и шли по своим делам местные жители. Отыскав в земляном валу промоину с выходом на большую воду, он вернулся на бивуак в сопровождении волчицы и гепарда.

Утром, проверив сеть и пополнив запас продовольствия, юноша продолжил путешествие со своими друзьями по широкому разливу. Подплывая к насыпной грунтовой дороге, он увидел едущего на ишаке торопливым шагом престарелого каракалпака, одетого в шубу, на голове которого красовалась черная баранья шапка, и это несмотря на теплый майский день. Поздоровавшись с ним, Рамазан спросил:

— Откуда и куда едете, почтенный аксакал?

— Из Кунграда я, а спешу в Муйнак за сыном-фронтовиком, — охотно ответил аксакал, в недоумении рассматривая необычных пассажиров в лодке.

— Где здесь поблизости мост? — крикнул Рамазан ему вслед.

— Тут, недалеко! — махнул тот через плечо камчой.

Развернув лодку вправо, юноша проплыл с километр вдоль дороги и, отыскав мост, нырнул под его деревян-

ные своды. Вырвавшись на простор, он без остановки плыл по прямой полдня, а когда заметил в стороне от маршрута небольшой лесной массив, направил лодку к нему. Подплывая к густым зарослям тугая, не подтопленным разливом, Рамазан услышал глухой топот, треск, и из чащи с высоко поднятой головой вышел олень — обитатель тугайных джунглей. Он медленно шел, будто плыл, по краю зарослей, величественно неся покрытые бархатистой шерсткой мягкие молодые рога-панты. Остановившись у сизолистной туранги, принялся неторопливо срывать с нее молодые листочки, чутко прислушиваясь к каждому постороннему звуку. Услышав всплеск воды, благородный зверь наострил уши и неторопливым шагом направился в чащу, неся неокрепшие рога, словно хрустальную корону. Зрелище было настолько впечатляющим, что Рамазан твердо решил приобрести фотоаппарат, чтобы впредь иметь возможность запечатлеть на пленке все необычное. Причалив к берегу, он расположился на отдых, надеясь потом одним рывком достичь Амударьи.

В низовье реки всю хозяйничала весна. В зеленый бархат одевались тугаи, нежным ковром из душистых трав покрывались луга. Из леса неслись звонкие голоса насекомоядных птиц. Будто припорошенный хлопьями снега, на солнечной полянке зацвел серебристо-желтыми цветами лох узколистный (джида). Резкий запах цветков привлек к себе множество насекомых. Весь день на медоносном дереве деловито «трудятся» пчелы, осы, шмели. У воды с криком «те-дер-як, те-дер-як» бегают белохвостые пугалы, подыскивая удобную лунку для кладки яиц. Из разных уголков леса несутся голоса токующих фазанов. Появились их первые выводки.

Немного отдохнув, Рамазан созвал с помощью пронзительного свиста своих друзей и, оттолкнувшись веслом, поплыл на поиски главного русла Амударьи. Впереди высокой стеной

замаячили непролазные заросли тростника, за которыми плескалось озеро с кружившими над ним рыбадными птицами. Развернув карту и определив по ней свое местонахождение, юноша пришел к выводу, что приплыл к озеру Шегекуль.

В поисках прохода к нему Рамазан медленно плыл по мелководью вдоль тростника и вдруг столкнулся нос к носу с кабаном, вооруженным мощными клыками. Увидев крупного секача весом не менее двухсот килограммов, Рамазан не растерялся. Выдернув из уключины весло, с силой ударил им об воду прямо перед носом зверя. Резко ухнув, кабан развернулся на месте и, словно живой «танк», ринулся обратно в непролазные заросли, увлекая за собой большое семейство свиней.

Тростник неожиданно расступился, и перед взором Рамазана предстало необъятное озеро Шегекуль с виднеющимся вдали рыбацким поселом Шеге. Развернув лодку в противоположную от поселка сторону, он поплыл к виднеющемуся вдали урочищу, имеющему такое же название, как и поселок. Постепенно тростниковые заросли отступили назад, обнажился берег, и Рамазан увидел вдали широкую ленту реки. Озеро и реку связывала небольшая протока, по которой он быстро достиг левого берега Амударьи.

Река встретила юного путешественника раздольем. Она стремительно катила свои воды, берущие начало с белоснежных вершин Тянь-Шаня, Памира и Гиндукуша, в Аральское море. Ее величественная красота, оп-

равленная в изумрудную зелень тугаев, покорила сердце Рамазана.

И тогда Рамазан решил прервать путешествие и осесть на берегу Амударьи на два-три года, пока не станет полноценным человеком. На высоком берегу, по соседству с озером Шегекуль, он разбил бивуак. Желание поселиться именно здесь еще больше усилилось, когда с противоположного берега, приводя в трепет все живое, донесся грозный рык вышедшего на охоту туранского тигра. О встрече с царем тугайных джунглей Рамазан мечтал с тех пор, как спустился с плато Устюрт в дельту Аму.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
---------------------	---

Часть первая

В ПЛЕНУ БЕД И СОМНЕНИЙ

Глава первая

В Оренбурге. Меновой двор. В грозу. Поиски дяди Асана. Премудрый заяц-русак. Раздумья у охотничьего костра	4
--	---

Глава вторая

О золотой казне Емельяна Пугачева. Хомяки-воришки. Гора-загадка. Природная лечебница. Сурок-«археолог»	23
--	----

Глава третья

Расплата. В парикмахерской. В Оренбургском краеведческом музее. Искорка надежды. Нашествие	38
--	----

Часть вторая

ПУТЬ К СЕБЕ

Глава четвертая

На лыжах волку в пасть. Ледоход. Встреча с Рамазаном. Гипсовая гора. Щедрый дар природы	51
---	----

Глава пятая

В подземном хрустальном дворце. Путешественники за здоровьем. Встреча с друзьями на озере Развал. Встреча с героем-фронтовиком. В волчьем логове. Разговор начистоту	73
--	----

Глава шестая

В «Пестром лесу». Крутой поворот в жизни. Желтобрюхий полоз. Сборы в дорогу. Прощай, Тамаруткуль!	97
---	----

Часть третья

ДОРОГОЙ ПРЕДКОВ

Глава седьмая

Вверх по Илеку. Жадная щука. Корсак-Бас. Смелая ласка. Степная гадюка. Цыганка Настя. Шалость с барсуком обернулась бедой. Схватка с бандитами 106

Глава восьмая

В степи между Илеком и Темиром. Колесо — подарок перекаати-поля. Схватка с верблюдом. У истока Темира. У водопада 126

Глава девятая

Вниз по Темиру. Вынужденный обмен. Лиса Патрикеевна. В урочище Каратугай. В ледяной купели. Во власти жестокой болезни. Встреча на Эмбе 130

Глава десятая

Зимовка на Эмбе. Акжал. Зимняя охота на волков. Гибель Тарлана. Внезапная слепота. Дыхание весны 151

Часть четвертая

СКВОЗЬ ПЕСКИ И КАМЕННУЮ ПУСТЫНЮ

Глава одиннадцатая

И снова в путь. «Пожар» в пустыне. По древнему руслу Манисая. Филины — «крылатые волки». Премудрая лиса. Сквозь пески Сам. В бурю. В солончаковой пустыне Жарынкудук 171

Глава двенадцатая

Белое безмолвие. В ледяном плену. «Обложили!» Гибель четвероногих друзей. В западне. В когтях смерти 184

Глава тринадцатая

Возвращение с того света. Встреча с дядей Асаном. Аркал-драчун. Жизнь на зимовье в Центральном Устюрте 193

Глава четырнадцатая

И снова в путь. Загадочные стрелы Устюрта. Смерч-убийца. Смелый сайгачонок. Балет джейранов. Гепарды — воздушные акробаты. Бой «рыцарей в латах» 207

Глава пятнадцатая

У самого Синего моря. Вдоль Устюртского чинка. Каракал Арстан. Среди гремучих змей. Встреча с рыбаками Арала. Искорка надежды. Филя. Здравствуй, Судочье! 228

Часть пятая

ДОМ НАД ОЗЕРОМ

Глава шестнадцатая

Дом над озером. В театре Дикой природы. Сом-убийца. Птица утренней зари. Первые признаки выздоровления. Урок охотникам-хищникам. Желанные гости 245

Глава семнадцатая

Наступление зимы. На ледянке по Судочью. Спасение птиц от голодной смерти. Хобда обзаводится семьей. У края ледяной купели. Обнадеживающие перемены 271

Глава восемнадцатая

Весна лучезарного света. Возвращение волчицы Хобды. В гармонии с природой. Прощай, Судочье! В путь по воде. Здравствуй, Амударья! 276

Список иллюстраций (в скобках указаны страницы)

- (4) Волко-пес Тарлан
- (6) Борзая-тазы Актыс
- (20) Заяц-русак
- (33) Барсук
- (74) Желтый суслик
- (74) Чиби́с
- (88) Выпь большая
- (92) Волчата у логова
- (99) Кулик-фифи
- (172) Кли́н серых журавлей
- (203) Устьюртский баран-аркал
- (205) Перевязка
- (209) Куланы
- (209) Памятник древней цивилизации на плато Устьюрт
- (211) Разноцветная ящурка
- (213) Только что родившийся сайгачонок
- (216) Только что родившийся джейраненок с матерью
- (221) Среднеазиатская черепаха откладывает яйца
- (224) Птенцы ворона
- (225) Авдотка
- (228) Устьюртский чинк
- (233) Ловля рыбы на Арале (1946 г.)
- (239) Шакал
- (242) Лебеди-кликуны
- (248) Чайка-хохотунья в полете
- (250) Зимородок
- (251) Колпица
- (252) Колпик-пуховичок
- (253) Появившийся на свет птенец большой поганки
- (256) Лунь болотный
- (257) Большой баклан сушит перья после рыбалки
- (275) Гепард
- (275) Скорпион
- (276) Каракал Арстан
- (280) Лисенок
- (281) Токующий самец белохвостой пигалицы
- (282) Фазаны-пуховички

Литературно-художественное издание

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ МОИСЕЕВ

СЫН ДЖУНГЛЕЙ АМУ

Историко-приключенческий роман

Т о м I

Ташкент

Главная редакция
издательско-полиграфической
акционерной компании «Шарк»
2001

Редактор *Стукалова А. Ю.*
Художественный редактор *Самойлов М. Н.*
Технический редактор *Хижова Л. Ю.*
Корректор *Русакова Л. М.*

Сдано в производство 16.11.2000. Подписано в печать 3.01.2001.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Гарнитура Петербург. Усл.п.л.
15,12. Уч.-изд.л. 17,35. Тираж 5000 экз. Заказ № 1284. Цена договор-
ная.

Типография издательско-полиграфической
акционерной компании «Шарк».
700083, г. Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.

